

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

III

ИРАТА

1926

5-ый год издания.

5-ый год издания.

Открыта подписка на 1926 год
на еженесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией **В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.**

В каждом номере „Воли России“: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1925 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Везпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), В. Гуревич, Е. Зноско-Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), Э. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Калинин, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Ф. Мансветов, Н. Мельникова-Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Ху (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант-Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Дживонни Зяборди (Италия), С. Хондокорян (Армения), С. Янниос (Греция).

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена отдельного номера: в Чехословакии — 15 кр., Югославии — 30 дин., Болгарии — 40 лева, Франции, Бельгии, Турции — 12¹/₂ фр., Англии — 2 шилл., Америке — 50 цент., Германии — 2 мк., Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Австрии — 15 ч. кр.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelný trh., Praha I. Tchecoslovaquie.

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

5-ый ГОД ИЗДАНИЯ

III

ПРАГА

ПРАГА, UMELNÝ TRH ČÍS 1

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. Ремизов: Из книги «Взвихренная Русь» (окончание) . . .	3
Парижские поэты. Стихи:	
<i>В. Андреев</i>	43
<i>Н. Борисова</i>	44
<i>А. Булкин</i>	44
<i>А. Гингер</i>	46
<i>Д. Кнут</i>	47
<i>А. Ладинский</i>	48
<i>С. Луцкий</i>	49
<i>В. Познер</i>	49
<i>А. Присманова</i>	51
<i>Д. Резников</i>	52
<i>М. Струве</i>	53
<i>Ю. Терапиано</i>	54
<i>С. Раппопорт:</i> Бернард Шоу как философ и мыслитель . . .	56
<i>Эд. Бенеш:</i> Проблемы славянской политики	68
<i>Гастон Жез:</i> Французский финансовый кризис	88
<i>К. Кочаровский:</i> Социальный строй России	96
<i>В. В. Сухомлин:</i> «Подготовка октября» и революционная тактика	116
<i>А. Васильевский:</i> Казаки в эмиграции (окончание)	127
<i>Л. Россель:</i> Пятилетие Пражского Земгора	144
Иностранная жизнь:	
<i>Р. Свенторжецкий:</i> Финляндская социал-демократиче- ская партия	172
Среди книг и журналов:	
<i>О. С. Минор:</i> Письма Е. Сазонова	181
<i>Н. Рубакин:</i> Из области книжного дела	191
<i>Н. Мельникова-Папоушек:</i> Журнал «Благонамеренный»	200
Отзывы о книгах:	
<i>Ф. Репейников, А—ч</i> и др.	203

Из книги „Взвихренная Русь“.

VII.

ЛОШАДЬ И ПЧЕЛЫ

хождение по Гороховым мукам б. канцеляриста и трех кавалеров обезвельволтала

1919 г.

Д О Н Е С Е Н И Е

старшему князю обезьяньему Павлу Елисеевичу Щеголеву.

В ночь на 15-е февраля, как раз под Сретение, в великую метель и вьюгу по замыслу нечистой силы или от великого ума человеческого, произведен был обыск в Обезьяньей великой и вольной Палате и забран б. канцелярист обезволтала. И в ту же ночь той же участи подверглись три обезьяньих кавалера — К. С. Петров-Водкин, А. Э. Штейнберг и М. К. Лемке; а на Карповке взят епископ обезьянский Замутий (в мире князь обезьяньий Евг. Замятин), а на Забалканском кавал. обезьян. К. А. Сюннеберг-Эрберг, а на Загородном председатель (и не обезьяньей) — Книжной Палаты С. А. Венгеров. Поименованные: Сюннеберг-Эрберг, епископ Замутий и председатель Венгеров, допрошенные на Гороховой, отпущены по домам, причем во время допроса у одного из потерпевших съедены были котлеты, хранящиеся на случай в портфеле —

«точно не знал, что места сии обитаемы разбойниками!»

На следующий день к ночи захвачен был кавал. **обезван**. А. А. Блок, а другой кавал. Р. В. Иванов-Разумник **отправлен** со Шпалерной из Предварилки на Москву.

По утру по обедне через обезьяньего зауряд-князя З. И.

Гржебина было донесено о ночном происшествии в обезвевлопале Горькому, и что делать: не вышло бы какой беды — написаны обезьяньи грамоты на глаголице! — а на глаголице и такие ученые, как Пинкевич и даже сам Н. Н. Суханов не понимает!» А гулявший последние часы на свободе А. А. Блок, несмотря на праздничный день, проник во Дворец к наркому А. В. Луначарскому с жалобой на обезьянью неприкосновенность обезвевлопала.

Так было ликвидировано, как говорится, восстание «левых с-р-ов» в Петербурге.

О Б Ы С К

Сон: «пес в тазу» —

огромный медный таз, как резиновый, наливаем кипятком и в тазу стоит огромный пес, фурчит, а ничего; а тут С. В. Познер отпихнул ногой дверь и несет на блюде пирог.

Днем газета — в газете слова Спиридоновой: «слушай земля!» И подумалось: «обыск!» Не обратил внимания: о ту пору обыскная мысль и надо и не надо лезла в голову.

С вечера мело — завтра Сретение! Зажег лампадку и при огоньке взялся за книгу — «Исследование о Михаиле архангеле». Читая, рисовал. И когда под крыльями подписывал: «Salve obductor angele!» («Радуйся ангеле-водителю!») слышу стук шагов по лестнице. Я зажег лампу и с лампой к двери —

« — — вооруженные до зубов ворвались чекисты — — »

Мне показалось, очень много и очень все страшные — «до зубов», но когда моя серебряная стена с игрушками зачаровала пришельцев, я увидел простые лица и совсем нестрашные, и только у одного пугала за плечами винтовка.

— Годится ли от лампадки закуривать? — заметил мне который-то.

— Да я спичкой огонек беру!

Но это все равно, хотя бы и нестрашные — и это всегда при обысках! — как будто нахлестнется на шею и — петля!

А в «Обезьяньей великой и вольной палате» ни хлеба, ничего — все подобралось! — а только сухариков немножко, на

случай болезни берег, да табаку собрал в коробку, так на донышке, черные сигарные листы, завязал все в узелок, и повели —

А на воле метет!

П О В Е Л И В С О В Д Е П

Захлестнулось — теперь никуда! — иду, как на аркане и странно, как по воздуху, вот настолечко от земли! — фонарь — в фонаре свистит, ишь, запутался в трамвайной проволоке, ну! —

забегает — забегает — —

нет, не поддается!

— — да хлоп комок под ноги!

и ускакал.

Идем по трамвайным рельсам. Снег в глаза, а не холодно. Еще бы холодно!

— Куда?

Молчит.

Я оглянулся: а за спиной черно — черной стеной закрывает.

П О Д Л Е С Т Н И Ц Е Й В С О В Д Е П Е У П Е Ч К И

— Придется подождать: приведут еще товарища!

Это сказал не тот, который меня вел — тот, как снежок, прыгнул в метель — это другой.

Я забился в угол головой под лестницу. Между мною и моим стражем прислонена к лавке винтовка. Он подбросил полено в раскрасневшуюся печку — и красным пыхнуло жаром.

Он — рабочий с Трубочного завода,

а я — —

— Саботажник?

— Нет.

— — — ?!

Недоверчивым глазом посмотрел на меня в полуоборот, и так недоверчиво-подозрительно и остался, а другой его глаз туда — в метельную темь.

В этом доме до Совдепа жил какой-то Ф. К. Сологуб, и сюда под лестницу засидевшиеся гости

спускались будить швейцара, и нетерпеливо ждали, когда швейцар крикнет.

— Ведут!

Громко, без стеснения распахнулась дверь —

К. С. Петров-Водкин.

Я ему очень обрадовался.

Съезжившийся растерянно смотрел он из шубы, еще бы! ведь всю-то дорогу, как вели его, он себе представлял, что ведут его на расстрел — «китайцы будут расстреливать!» — и в предсмертные минуты он вспомнил все свои обложки и заглавные буквы и марки, нарисованные им для «Скифов» и «Знамени борьбы» — —

И вот вместо «китайца» — я:

— Козьма Сергеевич!

— Трубку потерял, — сказал он, обшариваясь, и не находя.

Нас вели по знакомой лестнице — все вверх — «к Сологубу».

У «СОЛОГУБА»

Ничего не видно

— храп — и ползет — —

Присели к столику закурили и уж ни гу-гу. В двери окошечко — жаркой свет. За дверью шумели «китайцы», потом «китайцы» по-немецки стали разговаривать, а потом «китайцы» замолкли —

— храп — и ползет — —

Мы сидим в «зале у Сологуба» и мне ясно представился последний вечер у Сологуба на этой квартире: елка — тесно — какой-то пляшет вокруг елки (а елка вот тут, где сейчас мы сидим у столика)

«Кто этот молодой человек?» — спрашивает меня Е. В. Аничков.

А я и не знаю и говорю наобум: «Дураков!»

Артур Лурье и с ним Л. Добронравов у стенки там — а там М. А. Кузмин, О. А. Глебова-Судейкина.

Теффи — — А вот и сам Павел Елисеевич Щеголев, а за ним П. Я. Рыс, а за Рысом на комаринных ножках С. А. Адрианов —
— храп — и ползет — —

Чья-то рука пошарила по столику. Ловко, как из отрывного календаря, оторванула — на столике книга! — и во тьме загорелся еще огонек.

«Беда, — подумал я, — коли надобность выйти!»

А уж какой-то, вставший из тьмы, стучал в дверь «китайцам» — а «китайцы», как вымерли. Так несчастный и откулачился от двери и упал во тьму.

И мы, обкурившись, опустились на пол.

И сон — и сквозь сон пить хочется! — сном затянулся, как папирской, беспамятно —

— — — — —
и вдруг — распахнулась дверь и остренький тощенький, вскоча в комнату, затаратал, как будильник.

И я сразу проснулся.

П О У Т Р У

Да нас тут набилось — целый клоповник!

*сдесь сидел Ивано Степанов Петров
лошадь ис пчелы за спекуляцию*

— — спекуляция? — говорит какой-то со сна с перемычками, — что такое спекуляция?

— — обольем тебя водой и заморозим — это спекуляция!

135—95

*Яшка Трепач
чека — ма*

— — свобода! она хороша, когда есть своя голова; а голова не то, что б была она свободная, а как сказать, настоящая голова а не пыльный мешок.

— — натравливают, ну и каждый делается как собака.

— — клюет свинство.

Поздравителям 1918 года:

б. полотеру — 2 р.

б. швейцару — 5 р.

б. водопроводчику — 1 р.

б. трубчисту — 1 р.

— — волки и те стадом ходят!

— — вчера заставили дрова носить.

— — тоже и воду, и прибрать все надо.

— — —

Осмотрел я стену, исписанную и карандашем и углем и мелом: телефоны, фамилии и всякие «нужные» и так изречения и «на память». И опять к столику, где ночью сидели. Тут и Петров-Водкин поднялся.

— Трубку потерял! — тужил он, никак не мог забыть.

Я взял со стола растерзанную книгу, служившую, как отрывной календарь, — и сразу же узнал: это мои «Крестовые сестры».

— «Крестовые сестры!» — показал я Петрову-Водкину.

Но он ничего не ответил.

А я ничего не подумал — а прежде бы подумал да еще как! — я положил книгу назад на столик.

— — —

Хотелось мне записать со стены, а из «Крестовых сестер» выдирать страницу пожалел; на полу валялся примятый листок — на нем Петров-Водкин ночевал, вот на нем —

Яшка Трепач принес что-то в роде кипятку — Яшка Трепач староста! — но пить не из чего было.

— Скажите, пожалуйста, — обратились мы оба к Яшке, — долго нам тут сидеть?

— Если на Гороховую не затребуют, засидете надолго.

— Может, нас, как заложников, тут оставят? — в один голос сказали мы Яшке.

— Заложников? — Яшка окинул нас веселым глазом, — такую дрянь!

Вошел «китаец» и сказал чистым русским языком:

— Которых привели ночью — — ?

Мы с Петровым-Водкиным выступили.

— Заложники! — поддал Яшка, — ну, и народ!

— Нет ли хлеба! — остановил ледящий, которого вчера заставили дрова таскать на 6-ой этаж.

— Хлеб не отдавай! — окрикнул кто-то вдогон, — с Гороховой скоро не выпустят.

А когда мы с «китайцем» выходили из «залы Сологуба», в проходе столкнулись со Штейнбергом и Лемке: они почевали в «кабинете Сологуба» —

Штейнберг — в женской шубе

Лемке — с таким вот чемоданом, какие только в багаж сдают.

В С Л Е Д С Т В Е Н Н О Й К О М И С С И И

Нас принял тощенький остренький — я сразу его узнал, это тот, что во сне мне приснился: вбежал в камеру и затаргал, как будильник. Он отобрал у нас документы: паспортные книжки и удостоверения на всякие права.

Получить удостоверение — это большая работа и я очень забеспокоился.

— Прощу вас, не потеряйте!

— Не беспокойтесь: поведут на гороховую, отдам.

И он стал звонить на Гороховую.

ему отвечали и не отвечали.

А он все звонил.

— Товарищ Золотарь, неуёмная головка! — заметил который-то из стражи, ну, конечно, никакой не китаец, а самый обыкновенный откуда-нибудь с Трубочного завода.

Мы сидим перед столом в ряд:

Штейнберг в женской шубе,

Петров-Бодкин — из шубы,

Лемке — с чемоданом, какие только в багаж сдают,
и я — с узелком.

— Шесть месяцев в Кронштате сидел, — объясняет Лемке, не выпуская из рук чемодана, — знаю по опыту.

На столе у товарища Золотаря огромная фарфоровая голубая лягушка — стоит она на задних лапках, «служит».

Я смотрю на эту голубую, ни на что не похожую, лягушку и почему-то вспоминается мне такой нравоучительный рассказ из «Азбуки для самых маленьких» и я повторяю слова:

« — — пролил Лука чернила — плакал Лука»;

« — — съел Лука муху — плакал Лука»;

« — — кувырнулся Лука со стула, стукнулся головой об пол — плакал Лука»;

« — — схватил Лука огонь, обжег пальцы — плакал Лука»;

— — —

А Золотарь звонит.

П О В Е Л И Н А Г О Р О Х О В У Ю

« — — окруженный кольцом вооруженных до зубов чекистов — — »

И действительно, стражи набралось что-то не мало: и милиционеры и красноармейцы и еще с Гороховой какие-то. Но должно быть, все это только для виду — опытный глаз Яшки Трепача не ошибался! — нас посадили в трамвай, на прицепной. И везли до самой Гороховой на трамвае. А от трамвая шли мы врассыпную.

И это совсем не то — не та картина! — и встретя, никто не сказал бы про нас, как недавно еще говорили про книгочия василеостровского, встретив его на Большом Проспекте, окруженного матросами: вел он матросов показывать Публичную библиотеку:

«Якова Петровича, — говорили с сокрушением, — видели, говорят, на Большом Проспекте, борода развеивается: вели его. несчастного, матросы расстреливать!»

П О Л Е С Т Н И Ц Е Н А Г О Р О Х О В О Й

Когда я поднимался по сводчатой лестнице мимо подстерегающих пулеметов, я представлял себе, что может чувствовать человек, никогда не проходивший ни через какие лестницы, ни в какие тюрьмы —

а ведь кажется, никого не оставалось из живущих в Петербурге, кому не суждено было за эти годы пройти через сыпняк или по этой лестнице!

Какие страхи мерещились несчастным, застигнутым нежданно-негаданно судьбою, и какой страх гнался и цапал со всех сторон, и не пулеметы, а сами нюрнбергские бутафорские машины и снаряды пыток лезли в глаза, цепляя, вывертывая и вытягивая.

Петров-Водкин догнал меня со своим конвойным.

В ГОРОХОВОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Старичок-«охранник» бритый с зелеными губами — а вот кто, если бы смотрел, сколько бы увидел обреченных человеческих чувств! —

или когда такое творится (и эта не-обходимая лестница! и этот не-отвратимый «прием!») и уж не в воле человеческой, а судьба и суд, — и смотреть не полагается?

Не глядя, поставил он нас — Петрова-Водкина одесную, меня ощуюю — раскрыл книгу и под каким-то стотысячным №-ом стал записывать одновременно и мое и Петрова-Водкина:

и кем был и чем есть и откуда корень и кость и много ль годов на белом свете?

Потом отобрал документы, уже прошедшие через Золотаря, и велел подписаться в книге каждому порознь под своим №-ом.

И подавшись всеобщему чувству — перед судьбой и судом! — я, как когда-то на вступительном экзамене в подготовительный класс под диктовкой — «коровки и лошадки едят траву» — вывел нетвердо, но ясно вместо «Алексей Ремизов» —

Алекей Ремзов

КАМЕРА 35-ая

КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ И САБОТАЖ

— «Алекей Ремзов?»

— Я.

— «Петр Водкин?»

— Тут! — отозвался Козьма Сергеевич.

Все тут были: и Штейнберг в женской шубе, и Лемке с чемоданом, какие только в багаж сдают. И еще незнакомые: одни уж сидели, других сажать привели —

баба с живым поросенком: шла баба по спекуляции, попала на обыск и угодила в контр-революцию;

дама с искусственными цветами: «дверью ошиблась» и попала в засаду;

балт-мор: наскандалил чего-то;

красноармеец из «загородительного отряда»: бабу прикончил, загорождая;
 человек с огромными белыми буквами на спине — как слон! — беглый из германского плена;
 да два «финляндца»: перебежали границу — прямо с границы.

Всякий рассказал другому свои происшествия: как и почему попал и попался. Но уж больше некому рассказывать.

— И долго ли нам еще тут томиться?

И наползают всякие страхи: за окном автомобиль стучит — «пары выпускает» — и я вижу, как прислушивается баба с поросенком, и уж поросенок не пищит.

— Автомобиль пары выпускает, известно: расстреливают!

О Б Е Д

Немногок поздновато, ну, когда целый день пост, тут, хоть и в полночь, а все обед будет, не ужин! Поставили миску на стол и ложку:

— Обед.

— Спасибо.

У Штейнберга ложка, а у Лемке в его чемодане целая дюжина, да вынул он одну (по опыту знает, больше не стоит!), да казенная. Сели мы вокруг миски и чередом в три ложки принялись за суп.

И поросенок оживился: хрючит, клычки скалит, хвостиком поддевает — ну, ему баба кусочек хлеба в пяточок сунула:

— Кушай!

Так всю миску и подчистили.

Унесли пустую миску, убрали ложки.

— И долго ли нам еще тут томиться?

А говорят:

— Подожди — следовательно вызовет!

Первым вызвали Лемке.

Взял Лемке свой чемодан и повели его с чемоданом куда-то в коридор. И пропал Лемке.

Пропал Лемке! — а за окном автомобиль стучит — «пары выпускает» — —

— И есть тут, сказывали, — шепчет баба с поросенком, —

находится надзиратель, петухом кричит: расстреливал и поминался — петухом кричит.

ДОПРОС

Что подумает баба с поросенком, когда придет и ее черед и ее введут в следовательскую к товарищу Лемешову!

Не следователь — Лемешов свой человек, баба это сразу сообразит по говору с его первых слов! — нет, а эти вот машины: телефонные коммутаторы и аппараты и синий свет от абажура, от чего машины еще стальнее. И из тьмы, куда не попадает этот свет, почудится ей, как прорезывается решетка тюремного окна, а за словами допроса стук автомобиля и из стука петушинный крик расстреливающего надзирателя.

Штейнберг дописывал свои показания, а мы с Петровым-Водкиным начинали.

И как там на «приеме», так и тут один запов:

чем был и что есть и какого кореня и кости и много
ль годов на белом свете?

— — —
— — —

Я писал завитуцато —¹ и перо хорошее и сидеть удобно и свет такой, не темнит и не режет! — и в конце подпись свою вывел:

с голубем(со змеей, с бесконечностью —
с крылатым «з», со змеиным «кси»
с «Ъ» — в Алексее,
с «ижницей» — в Ремизове
и с заключительным «твердым знаком»

Алексей Ремизов

Штейнберга отправили назад в камеру, а нас с Петровым-Водкиным — в коридор.

Лемешов с бумагами проскочил на верх в «президиум».

ПРЕЗИДИУМ

Что такое президиум? Но этого никто не скажет — что такое президиум! — потому что никто его не видел и ничего не знает. И одно знаем, что там решается наша судьба —

это зубы и пилы и крюки и ножи и стрелы и глазатые уши и зубатые лапы, это нос пальчатовидный и пальцы с зубами — синее, желтое, красное и черное. это — судьба!

Мы сидим в коридоре на чемодане Лемке — сам Лемке в камере — и очень хочется пить и еще такое, как бывает после допроса: как будто кто-то там внутри по внутренностям провел посторонним предметом — «механическое повреждение».

Ни к обыскам, ни к допросам не привыкнешь — я не могу привыкнуть! — и мне всегда чего-то совестно и за себя и за того свидетеля моих слов, кто меня допрашивал. И это не только в тюрьме, а и в жизни — на воле!

— Нельзя ли организовать чаю! — взмолились мы к служителю.

Служитель шмыгал по коридору без всякой видимой причины.

— Это можно! — сказал он и посмотрел на нас добрыми глазами.

И откуда что взялось: кипяток и чай — и такой горячий. губы обожжешь.

Развернул я мой узелок сухариков попробовать — «берег на случай болезни!» И с сухариками стали мы пить и пересказывать наши ответы на допросе —

никогда так не говорится, как после скажется, а что сказано, не выскажешь!

И когда мы так в разговорах горячий чай отхлебывали, из другой двери от другого следователя вышла баба с поросенком. И повели ее, несчастную, мимо камеры «контр-революции» в соседнюю — в «спекуляцию».

И видел я, как шла баба — нет, о себе она уж не думала: один конец!

«А за что ему такое? поросятине несчастной? в чем его вина, что ему здесь мучиться?»

У КОМЕНДАНТА

Лемке — с чемоданом,
Петров-Водкин — в шубе,
и я с узелком — —

терпеливо ждем в комендантской, куда нас привела судьба по суду.

Уж очень время-то подходящее: пора спать, а тут затребовали бумаги! И комендант долго роется в груди. И отыскав, наконец, под сотысячным №-ом наши документы и удостоверения, выдал их нам на руки.

— Нельзя ли получить какой ночной пропуск, а то выйдем мы на волю, нас сейчас же и сцапают!

— Не сцапают!

И никакого нам пропуска не дали.

А тихо-мирно — ночное время! — провели по лестнице вниз и на улицу — на Гороховую.

Вышли мы на улицу, воздухом-то как с воли дунуло, шагу-то и поддало, и! — пошли.

ПО Д М О С Т О М

Шли мы по улице — посередь улицы, где трамвай идет —

Петров-Водкин,

Лемке,

и я, цепляясь за Лемке.

А сугробы намело — глубокие!

Не мостом, идем прямо по Неве под мостом: незаметнее!

И видим: по мосту черные гонят каких-то — сцапали! Луна сретенская — так и зеленит. Незаметно идем, да тень-то от нас на пол-Невы.

— — то там промелькнет, то из сугроба выпоркнет
черный по белому, по-лунному — —

Выбрались мы на берег. Тут заколоченный магазин, а сбоку вывеска «чай и кофе» — прижались к чаю и кофею —

Да нет никого!

И опять пошли —

Петров-Водкин,

Лемке,

и я, цепляясь за Лемке —

— Тридцать лет с женой под ручку не ходил, а вот с Ремизовым пошел!

VIII.
Т Р И М О Г И Л Ы
1919 г.

Первая могила — на Смоленском:

от сыпного тифа помер доктор Сергей Михайлович
Поггенполь.

Точный и верный, знающий и любящий свое дело, железный, вот какой он был доктор железный! — «самый главный над всеми докторами», как определила его Акумовна, вещая старуха.

Ученые люди упомянут его, расскажут о его науке, а я — — как часто я думал: «если, не дай Бог, случится у нас беда, позвоню Поггенполю, буду просить его приехать (на Васильевский остров он никогда не ездил!) ну, чего бы ни стоило, все сделаю, только бы приехал!» — и теперь помяну его моей верой в его знание и верность.

*

Вторая могила в Александро-Невской лавре:

от сыпного тифа помер Федор Ивинович Щеколдин.

Не могу я никак свыкнуться с этой бесповоротной мыслью о его смерти. С похорон вернулся домой, поставил самовар и подумал: «придет Федор Иванович, расскажу ему, как хоронили — — »

Не придет больше Федор Ивинович, и на Пасху не жди —

Отпевали его в Исидоровской церкви. Лежал он в серебряном гробу под серебряным покровом такой же самый, только красный от сыпи, да еще этот белый широкий венчик на лбу, как повязка — как белый обруч! Да когда священник, про-

читав «отпускную» — подорожие в безвозвратный путь, коснулся его руки, я видел как бессильно залпыгали квёлые потемневшие пальцы — темные бесплодные прутья!

С Ф. И. я познакомился в ссылке у Устьсысольске: он был честнейший, самый надежный. И его знали во всех уголках России — знали, как «Федора Ивановича, которому можно доверить и на которого можно положиться».

О его революционной работе расскажут в «Истории русской революции», я же помяну его великую честность и его любовь к березкам, да к полевым цветам — колокольчикам.

*

Третья могила — у Троицы-Сергия под Москвою:

помер Василий Васильевич Розанов.

Самый живой из старших современников, всеобъемлющий, единственный в русской литературе, и одинокий в бродячей нашей жизни.

В мае 1917-го года поехали мы на Шпалерную прощаться с Василием Васильевичем. Говорили в последний раз за самоваром о любимом его — о тайне кровной любви, собирающей живой мир, о монетах — старине драгоценной, и о докторе Поггенполе.

Напишут сотни книг, воспоминаний, ~~станет~~ Розанов — главой в «Истории русской литературы», я же помяну Василия Васильевича, нашего соседа, сердечность его и ~~отзывчивость~~ — много выпало в жизни ему беды житейской! — и благословение его *любви*, которой жив и крепок ~~вечно~~ раздорный ~~челове-~~ человеческий грешный мир.

ЗАЯЦ НА ПЕНЬКЕ.

3. 3. — 12. 12.

1919 г.

3. 3.

Все только и говорят: «один убежал, другой — бегу!» А кто и молчит, а глазами — в лес.

— — —

Чего же мне вдруг жалко стало?

А жалко мне стало туманного пасмурного утра: я стою на лугу у леса — звонит монастырский колокол и кукует кукушка. Это было очень давно под Звенигородом в Сторожевском монастыре, куда еще детьми ходили мы из Москвы «на богомолье». Это было мое первое утро, когда я в первый раз услышал, как кукует кукушка. Вот чего мне жалко — расставаться не хочется.

10. 3.

— — —

Чего же я вдруг обрадовался?

Наклонился над самоваром угольков подбросить и так ясно представил северную устьсысольскую осень — яснейшие вечера с синей вечерней зарей, зеленые разросшиеся, как кусты, мхи и жгучесть оторванности от всего мира.

30. 3.

Снилось: комната вся уставлена книгами и на полу книги; и в эту комнату поселяют меня одного; и жалко мне чего-то и не уйти никуда.

Как-то потерялся я. И уж не говорю, и слова мои — это лишь отзвук сказанных.

31. 3.

— — — покорный судьбе, я подставляю спину под плети и лицо плевкам. И ничего не говорю. Я иду весь прозябший, победив всякую стужу, иду улицей прямо — я знаю, ни в ком не пробудется милосердие и я упаду обессиленный. Я не знаю, зачем нужны все мои унижения и зачем весь мой страдный путь? За себя мне не страшно, не за себя — —

*

*

*

ЗЕНИТНЫЕ ЗОВЫ

Если что-то не произойдет — —
не прикоснется рукой к моему сердцу — я пропал. И в тяжелой вянущей тьме *как будто* беру я что-то — хочу материнскую руку прижать к сердцу.

И вижу:

паук!

И гляжу в высоту: «Крылатый паук, зашей рану на моем сердце!» И на зов мой спускается мохнатый холодный паук.

И тьма еще темней и еще безисходней.

А там — я чую:

колыхает рассвет!

К рассвету я обернулся, стражду из мрака: «Осени!» Молчит, колыхает рассвет.

И опять я прошу: «Дух высоты!» И слышу, как из белой волны звучит — (или это сердце мое?) «Не хочу!» (или шум крови в усталых ушах?) «Не хочу!».

И я во мраке томлюсь.

Железная птица с железным клювом —

звонит когтями, со стуком шевелятся острые перья. Зову железную птицу. (Она расклевала каменный мяч — освободила солнце, луну и звезды, это она продолбила в камне дыру — и брызнул свет на темную землю!). «Железная птица, белые ворон, ударь в мое сердце!» Шелестят железные перья, лязгает клюв: «Не хочу!»

У! как ветер свистит в ушах! Санки мчатся по ровной дороге — волки — кони мои! — быстро несут. Там — искры заримелькают. И как гул по пустыне из моря звон. И вижу:

олень!

Коньята звенят, пробивают ледяную кору, не сгибаются ноги. «Железный олень, на рогах к заре подымай! И брось — расколоти тюленьи кости мои в куски. Я духом упаду в водоворот глубины и по тонкой игле взовьюсь к высоте!»

олень подымает рога —
и зарею сверкает крест —

у! как ветер свистит в ушах! Санки мчатся по ровной дороге — волки — кони мои! — быстро несут к заре — —

13. 4.

Вербное.

Во сне: пришел Ф. И. Щеколдин, прочитал о себе в «Трех могилах» и остался очень доволен. А В. В. Розанов тут же, спит на моем холодном диване под игрушками.

15. 4.

Вечером точно прошло что, и я почувствовал как меня сжало всего и пьет. Борюсь не хочу поддаваться. Во сне: О. Д. Каменева привезла мне туфли. (Нехороший сон!).

26. 4.

Я проходил по Набережной — Нева идет! И все смотрю — не я один: стоят на мосту смотрят —

— Нева идет!

И отчего это глядишь, не оторвешься, когда «пошла река»?

«А когда у нас все установится и настанет тишь да гладь — «быт» — ведь пожалуй, скучно будет!»

1. 5.

Ладожеский лед прошел. Растворил я комнату, закрытую на зиму.

И чего-то словно вспомнилось и затаилось.

И чего-то поется и не остановишь.

А вечером глядел, не отрываясь, на первомайские ракеты — от нас из окна все видно. Как на реку, когда лед идет, смотришь, так и на ракеты — как летают огненные змейки и огненные птицы.

— — проснулись, а на улице городские стоят: в ночь заняли Петербург, никто и не слышал! Я спешу, точно скрываюсь от кого. От полиции? Не знаю. Я один иду. Сумерки. Захожу в какой-то садик, как у Казанского собора, и вижу: гроб несут. Я в сторону: а и тут несут другой. И куда я не метнусь — несут покойников: черный гроб, а носильщики — сестры в белых косынках.

3. 5.

По пути домой встретил много странных людей — безногих, безруких, одноглазых: выползли на свет Божий, на солнышко. И я вспомнил, как в феврале 1917 года перед революцией тоже вдруг появились. Или это обида выходит на улицу?

28. 6.

«Охотиться за водой!» Никто не поверит. А мы всякий день этим заняты — вода на 6-ой этаж не подымается!

5. 7.

Утром пошла вода. Я радовался, как радуюсь теплу и свету. Какое это счастье, когда из крана течет вода!

И оттого ли, что такое утро выдалось счастливым, нахлынула на меня жарчайшая память.

Шел на Кронверкский и все думал:

«Чем жив человек, чем красна его изменчивая жизнь? Встречей — — ? Мгновенной ли любовью и разлукой? Верой и разочарованием? Или в измене и очаровании жарчайшая память, и эта память живет душу?»

Вернулся домой — а вода прекратилась.

17. 7.

Вывезет или пропад?

На первом месте агитационная литература, затем учебники, потом классики, а потом все мы еще живущие робинзоны. Не дожدهмся!

В прошлом году, когда закрыли все «буржуазные» газеты и журналы, это было очень жутко: ведь хоть и изредка, а все-таки меня печатали, как гастролера, и тем «пропитание я себе добывал». Осень и зиму 1918 года «побирались», должая, а потом вывернулись — появилось книгоиздательство З. И. Гржебина — «девятое чудо света!» Но уж все, что получено, продано. А теперь? Или пропад?

9. 8.

Увы! зеленая (Щегловская) бочка, в которой воду бережем, течет! Надо будет дознаться, где течь? Это такое горе: опять в бутылках собирать — у нас 80 бутылок из-под Боржому.

4. 9.

Третий день горит электричество до полночи, вот счастье! А то ведь и не успеешь и оглянуться — и опять во тьме. Хожу в страхе: думаю о дровах. Чем будем топить? Редкий час не думаю. И как будем жить? Встаю по-утру с отчаянием. Все силы уходят на то, чтобы что-нибудь достать из еды и как-нибудь быть на белом свете.

5. 9.

Обыск по всему дому: к нам забрались в 3 часа утра.

Моя серебряная стена с игрушками зачаровывает. Есть у меня деревянный волк-самоглот, к волку шарик привешен; если качать шарик, волк головой кланяется, а хвост у него подымается. Бабы влипли в волка: давай хвост ловить.

— Товарищи, перестаньте! что вы? дети что ли? — отгрызнул главный: он и сам бы не прочь, да уж очень устал.

А бабы — я заметил — куда цепче! и все трогают и во все коробочки глазом шмырят: «покажи!»

7. 9.

Приходили из Совдепа от Жилищной тройки по уплотнению буржуазных квартир. Ну, я вам скажу, если кто позарится вселиться к нам, так только себе в наказание. Изволь без воды! а таскать на 6-ой этаж тоже удобство!

11. 9.

Был трубочист, не бывший год!

16. 10.

В окно полыхает зарево — вот что еще тянет, как река и ракеты, не оторвешься и жутко.

21. 10.

Ранним утром вчера с «Севастополя» выстрел: необыкновенно торжественное что-то, запело и укатилось мягко-серебряно-звонко. И сегодня под утро в тот же самый час пробудило меня — я услышал: та же торжественная песня!

С воскресения стою в очередях по три, по четыре часа.

А сегодня две очереди.

Когда шел в Чернышев переулочек в кооператив «Севпроса», на Исакиевской площади начали путать проволокой; а когда возвращался, вижу, в Александровском саду расставлены пулеметы и около красноармейцы. А по набережной навалены мешки, а где и на дровах. Жалко дров — все растащут! Ну, слава Богу, все успел получить! Одна эта была мысль: «успеть бы получить», а там что будет, хоть кто хочешь, приходи, все равно.

23. 10.

В очереди за хлебом в нашей продовольственной лавке какой-то рабочий ко мне тихонько:

— Отогнали!

— — —

*

Трамвай набит до невозможности.

— Господа, подвиньтесь!

Красноармеец, оборотясь:

— Господа под Гатчиной легли.

Баба с места:

— То-то и есть: господа легли, а одни хамы остались.

— А ты тише! Держи язык за зубам! А то знаешь: долго разговаривать с тобой не будем.

— Ишь какой выискался! И не боюсь я тебя. Что ж,

останови трамвай, выведи меня и расстреляй! Такую жизнь сделали, только смерти и просишь.

Баба ворчит.

Красноармеец оттеснился.

А тут и остановка, стали выходить — места освободились.

Баба в-россыпь к стоявшей даме:

— Садитесь, пожалуйста!

И наклонившись к соседке:

— Я из той деревни, где они были. Верите ли, на Покров пришли! — и совсем шопотом, — офицер с погонами. А у нас на Покров много свадеб назначено, батюшка и спрашивает: «скажите, пожалуйста, можно венчать?» А офицер: «кого угодно, только не коммунистов!»

3. 11.

Завтра Казанская — завтра назначено общее собрание для ликвидации ТЕО.

19. 11.

С сегодняшнего дня я в ПТО на Литейном. (ПТО — это тоже, что и ТЕО, только ТЕО — всероссийское, а ПТО — петербургское) В ТЕО я был под О. Д. Каменевой, а теперь под М. Ф. Андреевой.

В состав «коллегий» понемногу вошли: Вл. Н. Соловьев, С. Э. Радлов, А. Д. Радлова, Вл. В. Гиппиус, А. Р. Кугель, Вяч. Шишков и Виктор Шкловский.

30. 11.

Сны мне больше не снятся!

Я как-то спохватился: где сны? — Нету. Измученный ложусь я спать и сплю, ничего не вижу. Я делаю все — самую грязную работу, и не успеваю делать своего. Сколько я думал и слышал, а записать и пустяков не удосужился.

Ожесточенные мысли приходят мне в ожесточении моем, отчаянии и унынии. Все мое время уходит на добычу, а венец дел — раз в неделю пообедать. Подумал: «подам прошение в Совнарком — расстрелять меня, как запаршившую собаку: все равно, ни толку от меня, ни пользы!»

Недалеко от дома —

— Нет ли у вас работы?

Я обернулся: сзади шла, должно быть, из прислуг.

— Что вы? какая у нас работа!

— Возьмите меня служить хоть даром.

— Да нам не нужно.

— Вы не обижайтесь! К кому же нам и обращаться, как не к вам — а вам и самим теперь нечего.

— Да уж как нечего!

И она меня до дому проводила, все рассказывала, как жить ей плохо: квартира у нее маленькая, а дров нет и керосину нет, и что было, все продано.

— Видно, с голоду помирать.

И я ничем не мог ей помочь.

1. 12.

Заседание в «Астории» о культпросвете среди «загородительных отрядов». (Я — от ПТО, Евг. Замятин — от «всемирной литературы») Хозяин, молодой человек, высказал «гениальную» мысль:

— «Историю» надо писать так, как в издании «Сатирикона», и это должно быть заданием для нашей работы!

Вернувшись домой, я написал «о человеке, звездах и свинье». На следующем заседании, если только оно состоится, я непременно прочитаю.

12. 12.

Сегодня у меня особенный день. Я проснулся и вдруг почувствовал — — ко всему миру, ко всей твари. Я точно проснулся. И готов все принять и подыму самый тягчайший труд. Я понял, что надо нести всю эту беду — нашей жизни. Надо! — — потому что *так надо*.

* * *

ЗАПЛЕЧНЫЙ МАСТЕР.

На Петра было и Февронию, чудотворцев муромских, на другой день Купалы, запылал пожар в Ярославле. Началось

запаленье с питейного дома — с ведерной да чарошной продажи. Погибло в огне много Божьих церквей, честных монастырей, белостенных купеческих домов, Гостиный двор и все лавки с товарами.

А как нет худа без добра — погорели остроги и канцелярии с делами и кляузой, да сгорели и кнуты с клеймами, штемпеля колодницкие, щипцы, чем ноздри рвут —

«снасти, подлежащие ко учинению колодникам экзекуции».

Посылали в Романов, Пошехонье и в Кинешму —
— У самих нет!

Сидят поддозорцы в тюремной избе, утеклецы изловленные: не биты, не сечены, не клейменные. Нету и заплочного мастера.

— Не пожелает ли кто из вольных людей в заплочные мастера: быть в штате при Ярославской Провинциальной канцелярии?

Растосковался заштатный мастер Григорий Кузьмин:

«Кабы мне, заплочнику, лет десяток с плеч, я пошел бы охотю, день-деньской пьян, веселил бы мастерское сердце унылое. Зазвонят у Николы Мокрого, я надену красную рубаху, рукавицу цветную на руку, возьму плеть воловьих жил; два подмастерья пойдут за мной с веревкой и ремнями сыромятными; на черный помост взойду, стану у черного столба с железным кольцом: «Берегись, ожгу!» Засвистит мой кнут — под кнут деньги сыпятся. Брызжет кровь из спины — а не дрогнет рука. И вонзаются клейма, как кошка: «в о р». А теперь — худо видеть стал, ослаб, рука дрожит. Зазвонят у Николы Мокрого — в кафтанишке смуром, мятая шапка, озираясь, побреду, как вор, на площадь, стану в церкви в сторонке: «Господи! чудотворцы муромские! пес замуренный — черти осетили, Господи!».

Прислала Москва — Розыскная Экспедиция — тридцать кнутов да щипцы со штемпелем. А вслед и сам мастер пожаловал — Хлебосолов Никита Иванович.

(1768 г.).

Х.

ЗАГОРОДИТЕЛЬНЫЕ ВЕХИ

1. 4. — 3. 5.

1920 г.

1. 1.

Новый год начался сном. В первый раз за сколько месяцев! Видел во сне ножницы, которые пропали и сколько дней ищут не могу найти, и вот будто нашлись!

*

В очереди стоишь, разговаривают. Теперь меньше. Теперь стали дорогой заговаривать. Понятно, все пешком, надоедает, а в разговоре и не заметно. А у другого уж очень накопело и хоть на ветер. И всякий ищет виновного и в своей и во всеобщей беде.

Вот и эта — кто она? Как-то по-немногу все стерлось — уравнилось под последнюю рвань: может, бывшая лавочница, а может, хозяйка.

— — —

— — кто говорит: «уезжай отсюда!» А я говорю: «куда же я поеду, тут хоть место нагретое». А то говорят: «в Кронштадт уезжай!» А я говорю: «Боже упаси, у нас страшно, а на этом острове еще страшней».

— — —

— — тут недавно возле Академии ученье было, один красноармеец и говорит: «Товарищи, не пойдёмте на фронт, все это мы из-за жидов деремся!» А какой-то с портфелем: «ты

какого полку?» А тот опять: «Товарищи, не пойдемте на фронт, это мы все за жидов!» А с портфелем скомандовал: «стреляйте в него!» Тогда вышли два красноармейца, а тот побежал. Не успел и до угла добежать, они его настигли да как выстрелят — мозги у него вывалились и целая лужа крови. Я иду и громко плачу. Милиционер подошел и говорит: «иди в свою квартиру плакать». А я говорю: «когда это публично делается, то можно публично и плакать».

— — —

4. 3.

Умела бабушка Ольга Ивановна Дориомедова, мать Марии Константиновны Гржебиной. Помяну Ольгу Ивановну чаем: никто так не умел чай делать, как она! И оттого особенный уют был в доме.

5. 3.

В прошлом году Горький для «пищепитания» сочинил издать избранные произведения. И все мы «б. писатели» получили деньги — гонорар каждый за свою книгу — Мережковский, Сологуб, Замятин, Шишков, Муйжель, Чуковский — из Наркомпроса от Э. Г. Гринберга, заместителя Луначарского. А сейчас я подбираю сказки для детей — Гринберг хочет издать в какой-то дошкольной детской секции. Ходил к Белопольскому в Госиздат, понес на пробу из «Посолони». И все ничего, да одна беда:

— Нельзя ли ангелов заменить!

— — — ?

— Ну, хоть звездами.

— — —

6. 3.

Видел во сне И. Ионова: на столе у него будто разрешение на издание моих книг в Госиздате. А А. С. Ионова тут же лежит: у нее, говорят, сын родился. А рядом сидит ее мать.

11. 4.

Первый день Пасхи. Когда ночью шли домой из Андреевского собора — это не ветер — это «вей» какой-то веял с моря.

Прежде я любил звезды и в звездах видел знак — я не мог разгадать, но непреодолимо тянулся к звездам. А теперь я полюбил ветер — «вей» — я его почувствовал, как когда-то звезды. И душа моя к нему — и через него моя связь со всем миром.

Я получил редкий подарок — «находка!» в мусоре — книга патриарха Никона «Мысленный рай». А когда я копнул переплет, там целые сокровища: скоропись XVII в.

*

В нашем доме у Вагоновожатого («вагоновожатый» — это Анна Петровна Плутуцина за свой рост и тощесть необыкновенную) жильцы у нее матросы и водится хлеб и керосин. К Вагоновожатому ходит ее родственница Груша, б. горничная в Меблированных комнатах на Невском, а теперь «уборщица» в Советском доме. И всегда разговор о политике — «последние новости».

Я сидел у Вагоновожатого по случаю хлеба.

Говорили о яйцах: вспомнили, как на прошлую Пасху, когда каждому по карточке выдали по яйцу, Груша получила 18-ть! — «18-ть было меблированных жильцов и все разъехались перед Пасхой, по их карточкам она и получила». От яиц, как полагается, к политике: речь зашла о ликвидации безграмотности —

— Что теперь уж по декрету обязательно заставят каждого учиться!

— И не подумая! что я дура что-ли, учиться! — Груша с сердцем затаилась (Груша раньше не курила, только теперь, когда все стали курить!) — этому скоро конец! Ленин решил отстраниться от всяких дел: будет! «Я, говорит, больше не могу управлять: не могу видеть, как этот народ ходит голый, босый и голодный!» И отдал порт-фель. А евреи сказали: «А мы будем управлять, чтобы остаток народа перебить!»

— — ←

12. 4.

Всякий знает, что чертям дано гулять и мутить людей под Рождество, (об этом у Гоголя все написано!), а на Пасху совсем не указано. Но бес и есть бес: бес исхитрился и вы-

скочил из тартараров в самую святую полночь — и куда же? — да прямо в церковь.

Вот и послушайте!

Во время пасхальной заутрени свечка у меня таяла, я то и дело зажигал ее и тушил, а хватать: нет шапки! Туда-сюда, нет нигде. И в конце концов нашел, но очень испугался —

конечно, это *он* вырвал у меня из рук «мутчик!»

А у мальчишки, который впереди меня, шапка так и не нашла. Но самое ужасное: обернувшись вошью, вошью ползал *он* по спинам соседей, а стояли плечо-к-плечу и никак не устроишься!

На Кирочной, рассказывали, в домово́й церкви вышел священник и прямо затынул «Христос воскрес!» (Долго не разрешали служить и, когда разрешили, в последнюю минуту изловили какого-то попа, незнакомого, вот и напутал!) Кто-то крикнул: «Что вы, батюшка, не то!» А поп из царских врат: «Эй, чорт!» И пошло — сумятица, вой, плес.

В Казанском соборе какой-то «начиненный» подросток задумал поозорничать и хотел закурить от свечки — ну, и было ж: чуть не разорвали!

Конечно, это все *его* рук дело!

15. 4.

Второй день, как лежит С. П.: припадок печени. И нет воды. Измаялись, измучились. Не выхожу из дому: и ничего не придумая. А сегодня выбежал в лавку. Господи! какой зеленый пух палетел и покрыл деревья. На 14-ой линии трава.

*

Буракова все любили. За его необыкновенный рост и силу, за добродушие, за умение все сделать. И когда что случалось — поломается или, и изъяна нет, а просто остановка! — всякий схватывался: позвать Буракова! И Бураков появлялся и с прибауткой отвинчивал, вставлял кусочки дерева или ковырял проволокой и опять машина налаживалась. И казалось, не было дела, которое он не исполнил бы и самое головоломное одолеет и неподступное возьмет.

Буракова далеко знали.

В революционные праздники на манифестациях обычно

венно он носил флаг, а в крестном ходу его можно было видеть с какой-нибудь тяжелой иконой в окладе.

Бураков из белой армии, псковской, попал в плен где-то под Ямбургом и отбывал наказание в контракционном лагере, а из лагеря назначен был на общественные работы в один из «советских» домов и служил он в роде дворника — «на все руки».

Как-то колот он на дворе дрова и, не знаю уж к чему, зашел разговор о царе: как царя расстреляли.

— Что ж, — сказал Бураков, — все это возможно и надо было ожидать, но только скажу вам: царь жив, и все это неправда.

— Да как же так неправда, это ж теперь все знают!

— А вы послушайте, что земляк-солдат рассказывал —

— — —

— Ехали наши солдаты из Германского плена. Сели они на пароход в Стокгольме. Пароход еще не отходил, сидят они ждут, и видят — идет какой-то военный. Подошел к ним. «Здорово, ребята!» Поздоровались. А он и говорит: «Вы меня не узнаете?» «Никак нет, не узнаем!» «Да я же ваш царь!» Тут они вглядываться — и видят: действительно, царь! только похудел, постарел, весь-то седой, с палочкой. «Ваше Императорское Величество, говорят, мы ваши верные слуги! Только что же это с вами такое случилось, и признать невозможно!» А он им по серебряному рублю дал каждому. И это истинная правда, потому что он мне рубль показывал.

3. 5.

Сижу в приемной Отд. Управления и жду. Жду поговорить. Так больше жить невозможно. И пусть нам дадут какую-нибудь квартиру: ведь у всех, кого ни возьми, хоть и плохо, а все-таки по-человечески, а у нас и здоровый-то не вынесет, дня не проживешь такой жизни. И вот я жду. — — И когда же, наконец? Задержусь, опоздаю домой — пропущу час, когда в прачешной пустят воду и *никто не принесет* и останемся мы без воды! Ветер воет. Как воет! А когда шел, смотрел я на Неву — бежит. Завтра надо итти в Петрокомму-ну за керосином, стоять долгие часы в очереди — а может, и откажут! По площади итти побоялся — там такой ветер. И как

это мы зиму прожили! Думал иногда: нет, не вынесем! А как бы я хотел: ни у кого ничего не просить, так отдаться на волю судьбы, что будет, сгинуть — — и очень скоро. Эх, прозеваю воду! И никто ведь не принесет! Опять завыл ветер — ветер древний! Проглянуло солнце и прямо в окно — на меня. Морит. И от курева дремлет. Только часы слышу ясно — — время идет, все равно! Воду — воду пропущу!!

— — —

— Вы упали духом?

— Я? — вот вода у нас не подымается!

ХІ.

ВИНИГРЕДНАЯ ЕРУНДА РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ

Письмами читателя «откликами» я не избалован и никогда не страдал, как Леонид Андреев, Горький и Мочульский «зава-лами», от которых можно освобождаться, лишь отвечая; не изводили меня и любовные послания, как Блока, Бердяева и Степуна; не очень-то кряхтел я от денежных, как Яша Шрейбер. Меня миновал этот славный придаток, без которого писатель не писатель и музыкант не музыкант: меня никто не спрашивал, — «как жить?» — и никто не приглашал на свидание «под Эйфелеву башню» или там — на Аугсбургерштрассе «в кафе Менцеля» или там — «к Публичной библиотеке» или там — «под царь-колокол».

В допотопные времена я искал читателя Льву Шестову, Шестов — мне. И за год, помню, нашел Льву Исааковичу пятерых, а он мне одного, но за то, по словам его, «самого настоящего», которого с толку не собьешь и не разуверишь.

Теперь через сколько лет я понял, что ни Шестов, ни я, совсем мы не там искали — — Но это все не к тому, о чем речь. Скажу одно: из всех писем, полученных мною когда-либо, или в редакцию обо мне, приводимое ниже — единственное!

Подумать только: писала дама — член РКП и притом народный судья и как раз в том самом участке, где мы жили. И попадись я в суд — все мы люди, все человеки! — что бы она надо мной сделала! И думаю, не миновать бы мне общественных работ в «лагерях» бессрочно.

А написала эта дама — народный судья! — по прочтении моего рассказа «Рождество».

* * *

Товарищи!

Будучи случайной читательницей вашего журнала, я натолкнулась на статью «Рождество». Прочтя ее содержание, я пришла в ужас. Дело в том, что дом-Комаровка, о котором шел рассказ, это дом *моего рождения*, в коем я жила 15 лет, и всех героев, указанных в рассказе, знаю, как себя самое. Но эпизодов, подобных описанию Р., я не знаю: там в рассказе от начала до конца *ложь*.

1) Герои — т. е., как жена Макеева Тимофея Ивановича, прозванная Р. «Агафьей Петровной», в самом деле именуется Елизаветой Григорьевной.

2) Лиза, племянница швейцара, моя подруга детства, ныне известная партийная работница, член Тамбовского Губисполкома, завед. отд. социальн. обеспечения и член Губкома р. к. партии. Там в рассказе указано, что «взмахнув белокурыми волосами — косой», но это опять голая *ложь*: у Лизы Кустковой никогда не было белых волос, а она обладала черными, как смоль, волосами.

Затем, там говорится, что дом выходит на Миргородскую улицу, это *ложь* опять же: дом этот стоит на Золотоношской улице д. № 30/4 угол Тележной улицы.

Затем, портнихи Перовой, как пишет Р., в доме за все 15 лет *не проживало*, жила 12 лет в 18-м номере портниха Ксения Степановна Степанова.

Затем, о подруге портнихи «Перовой», яко бы «Наде», пишет несколько слов Р., это опять *ложь*: «Нади» абсолютно никакой не было, а подруга — это была я маленькая, бывшая девочка, кого звали Настей.

Затем пишет Р., что «Агафья Петровна» — вернее Елизавета Григорьевна — была ионитка, это низкая *ложь*: она была просто полоумная женщина, но подобными зверями себя не выказывала.

Теперь — в конце столбца 13-ой страницы говорится: «что на все распросы Лиза начала плести такие небылицы о брук-

венной каше и о советских супах, от которых будто бы полнеют». Как не стыдно вашему сочинителю — *лгуну-брехуну* врать так нахально! У Лизы родился мальчик, сын от мужа, в 1915 году около Троицына дня, т. к. я его крестила.

А главное, то обстоятельство, что откуда Р. мог знать, что гр. Макеев, швейцар, жил «с огородничехой Татьяной и у него был сын Колька?» Слушайте! спросите у этого идиота Р., где он выкопал такую чушь: огородов и близко тогда не было! Да и жил он не с «Татьяной», а с *верхней кухаркой Авдотьей*, без всякого сына.

Скажите, товарищи, неужели ваша редакция нуждается только заполнением страниц журнала такими халтурными *живыми* бессодержательными статьями: написано — «Под Рождество», а одного слова нет про него! Стыдно таких писателей допускать с статьями в журнал! Неужели лучше нет? Злоба просто берет, когда прочитаешь такую статью.

Знайте! что с описанного дома Комаровки со мною вместе вышло много очень известных советских и партийных работников, коих увидя, дам им прочесть эту винигредную ерунду.

Подло такую *ложь* писать!

Член РКП, II гор. б. № .... Народный судья 7-го отд. I город. района (Невский...). Прож. Невский...

ХИ.

ПЕРЕД ШАПОШНЫМ РАЗБОРОМ

1. 7. 1920 г. — 15. 3. 1921 г.

I

С 1-го июня мы на новой квартире — на Троицкой. И низко и вода есть и электричество горит.

Как-то ехал я по железной дороге, на остановке хочу выйти из вагона, а никак не выйти — народу набилось в проходе и дверь загородили. Прошу пропустить, а какой-то: «это, говорит, вам не старый режим, товарищ, полезайте в окно!» Я покорно полез — — А тут — наоборот! — а я уж и не могу, я не могу освоиться после Васильевского острова и вдруг схватываюсь: бутылки не наполнены! Боюсь проливать воду, дрожу над каждой каплей.

А вода идет и электричество горит — —

Освобожденный от «водяной повинности» и выпущенный из тьмы на свет, я начал писать и опять мне сны снятся.

— — слышу звонок, окликнула С. П. Она говорит: «звонят!» И опять звонок. И еще раз. И слышу голос: «Тут спит чорт Коницын!» И это такой был голос — от стены — из стены. И в ужасе я открыл глаза.

II

А что я подумал: может быть, иначе и невозможно? Нельзя невозможно, чтобы человеческая косная природа «двигалась» по другому! Инквизиция — огнем, государство — законом, революция — декретом. Надо встряхнуть с корня

до макушки — и пустить «на новую жизнь». Я не знаю, хорошо это или дурно, знаю, что *это надо*, и что для живого человека это очень тяжело.

— — когда я выпускал молочницу (она носит к нам молоко на обмен и, конечно, «из-под полы»), вижу, мальчик: одна рука длинная до-полу, другая маленькая и весь он какой-то гадкий.

«Откуда ты, говорю, появился?»

«А я, говорит, всегда между дверями живу в кухне!»

III

Вот и вода есть и свет. А мне кажется, что я уж не выдержу — я совсем обескровленный! И если держусь на ногах, когда весь валяюсь, то лишь упорством — упором, только духом, как безголосый могу говорить отчетливо и громко только из какой-то внутренней силы. Иногда меня подвозят на извозчике, но это всегда очень неудобно: совестно — ездить, когда все пешком!

— — сидим в моей комнате у стола: я, С. П. и мой брат Сергей. Ночь. С улицы вызывают из каждого дома и тут же расстреливают. Сейчас дойдет очередь до нашего дома. Чей-то голос называет (слышу ясно): «209—69». (Это № нашего телефона). И я выхожу — через окно, но нисколько не подымаюсь, а как бы через стеклянную дверь. Дорогой обернулся — вижу: у стола С. П. и Сергей. И я поклонился им (а они не видят!) и пошел. Под аркой, где освещено лампочкой, сидит солдат. Он что-то бормочет — и я понимаю: я должен присесть, чтобы с меня сняли фотографическую карточку. И чувствую, что это не к добру: и никакая тут карточка, а просто меня расстреляют. И ясно вижу, — еще солдат светит красным, он негр — и объяснять ему бесполезно, все равно, ничего не поймет!

*

В продовольственную лавку привезли воз с яблоками. когда вносили в лавку, один мешок разорвался и яблоки посы-

пались на мостовую. Откуда ни возьмись мальчишки и прямо на яблоки: кто сколько ухватит, того и счастье!

За большими полезли и маленькие.

Тут пущены были в ход возжи. Мальчишки завизжали да кто куда — все разбежались. А одному голопузу (не понимает!): нагнулся он за яблоком, протянул ручонку, ловит — а извозчик мешок нес, да сапожищем ему прямо на руку. Тот так и закатился!

— Что ты это делаешь?!

— А чего под ноги путается?

IV.

Приходил С. М. Алянский с рассказом о Уэлсе: как Уэлса чествовали в «Доме Искусств» —

«ели телятину с шоколадом».

— Уэлс шоколаду не ел! — сказал Алянский.

А вечером разбирали, что написал Уэлс в альбом Алянскому по английски.

— Какая мудрость в каждой строке! — заметил Соломон Каплун (Сумский) (Соломон Каплун наш сосед и постоянно у нас, много мы вместе в альбомы писали!)

— — я подымался от Варварских ворот, от часовни Боголюбской к Ильинским воротам — только подъем куда выше! — очень было трудно. А когда я поднялся, вижу, нахожусь за Курским вокзалом у Андрониева монастыря.

Н. М. Волковский и Б. О. Харитон командуют: кому выступать. И моя скоро очередь, да не хочется мне итти. И мы уж в каком-то загоне: ждем в баню.

«Все равно, прочитать надо!» — говорит Волковский.

«Да что читать-то?»

«Ну, что попадетя.»

А я думаю: «заставят меня читать Немировича-Данченко или что-нибудь о мужиках — —!» И входим через потайную дверь в нашу новую квартиру. Очень высоко, на самом верху. Во дворе

сложены ящики и угольщики разгружают подводы с яблоками. У нас одно окно. Ночь. Какой-то залез в окно — да это тот, кого я встретил, когда подымался от Варварских ворот, я узнаю его. И я схватил его — и в окно. И вдруг стало жалко: конец!

*

Ясное утро — так только бывает осенью ясно. Из противоположного дома вынесли гроб — деревянный некрашенный — поставили гроб на дроги. Лошадь рыжая. Только священник серебряный в серебряной митре.

Кого это?

Старуха плачет.

Лития — «вечная память!»

Возница-мальчишка сел на дроги и повезли.

И ладан проник ко мне через окно.

V.

Потерял мундштук — ни купить! не достать!

Упала лампа и разбилось стекло — не знаю, что и делать!

Попнул горшок из-под каши — где таковой добудешь?

— — —

— — в Москве, пробрался в театр. Тут и Борисяк, Есенин, Якулов и З. Г. Гринберг. Я взял стакан воды и полил Гринберга — весь стакан! И подумал: «зачем же это я сделал?» А он-ничего, молча встал и вышел, и вижу, возвращается с матерью, знакомит меня. И мне очень неловко. И понимаю, это вовсе не Гринберг, а Вик. А. Залкинд. И я спустился в глубокое подземелье. Прохожу по коридам к залу: там будет концерт! Но музыки нет: сидит один Пильняк и уписывает такую вот краюху черного хлеба. Я приоткрыл дверь. (Я стою очень низко, пол мне по шею, но вижу не только ноги, а и весь театр!) Играют такую пьесу: «как А. женится на своей дочери». Дочь играет актриса, а он сам себя.

VI.

Заходил после обеда Евг. Замятин: принес мне свой старый мундштук. Ну, теперь уж покурим! А то никак не выходит: трубку не умею, а крученные без мундштука невозможно

Не могу никак вспомнить сна и только вспоминаю дорожку очень зеленую.

VII.

Наступил новый год — 1921 — четвертый! Я вспоминаю эти годы — горячо прожитые, а по чувству исключительные. Слышу, как звонит колокол в Казанском соборе — мы пробираемся через сугробы на Бассейную в Дом Литераторов встречать новый год. И в колоколе слышится весть о начале новой жизни — новой страды.

14. 3.

Кронштадтское восстание.

15. 3.

Речь Ленина — зарождение нэпа — «Мюр и Мерелиз!»

*

Я медленно иду — — мимо проходят и говорят:

— — после завтра ждут кризиса: у нее тиф. Конечно, по дороге захворала: 45 дней из Крыма ехали! по дороге девочку 8-ми лет похоронила —

— — —

— — конечно, из Отд. Управ. вам дадут бумажку, но ботинки в Петрокоммуне вы не получите. Получают ботинки не только они сами, но их жены и дети, их матери, их бабушки и даже их прабабушки. А тут служишь с утра до ночи, и все равно никогда не получишь —

— — —

— — нельзя же всех расстрелять!

ХІІІ.

В КОНЦЕ КОНЦОВ.

Россия! — разговор на долгие годы, а спор бесконечный. Всякий тут свое — и по своему прав.

Один жаловался:

— была у него земля — отняли, а сколько труда положено!

Другой о доме:

— дом был в Петербурге — какой домина! — и дом забрали.

Третий о деньгах и драгоценностях:

— в Банке, в сейфе хранились — большой капитал! — и все пропало.

Я же сказал:

— Да, это обидно, я понимаю. А у меня ничего не было: ни земли, ни дома, ни денег в Банке, ни драгоценностей в сейфе, только эти руки да это — — и одна постоянная тревога: с квартиры погонят! У меня ничего не отняли.

— Как не отняли! — вступился еще один: этот ни на что не жаловался, этот все «объяснял», и что «землю отняли», и что «дом заняли», и что «деньги пропали», — да вы же потеряли больше, чем землю, дом и деньги, вы лишились тех условий работы, при которых вы писали.

— Да, конечно.

И подумал:

«Да, я тоже потерял. А ведь мне и в голову не приходило! Конечно ж, потерял. Ну, а мои чувства — жарчайшие чувства, и слова, вышедшие из этих чувств, и мои сны — это я получил в жесточайшие дни и пропад!»

— А знаете, что я заметил, — сказал я, — и не только на себе, а и на тех, кто пронес революцию в России, страду пережил в России — мы ведь все вроде как заморожены! — и вот чуть только повеет весть о какой-то надвигающейся в мире грозе, и вдруг тебе станет весело.

— Пададь почуяли?

— Не-ет — «пададь!» — ну, вот я по моему малокровию и смертельной зябкости, ведь я же — за самые нерушимые китайские стены: никогда не выйти из комнаты, сидеть в углу у своего стола и чтоб — —

— Чай пить?

— Да, хотя бы и чать пить — — и чтобы было все так, как есть, плохо ли, хорошо ли, только б неизменно и нерушимо! А по душевной моей недотрогости: ведь мне больно от кошачьего писка, не только там от человеческих — — так почему же мне-то вдруг становится необыкновенно весело, когда там за окном, я чую, надвигается в мире гроза?

— — — ?!

— — в мире такая теснота везде колочая — — или это? вот то, что я понимаю, и все мы понимаем, пережившие в России страду! и в этом наша какая-то вера в бурю: вот надвигается в мире, идет и придет, наконец, подымет и развеет — развущит! Есть непробиваемая человеческая упрь! И все-таки, не-ет! и на тебя придет сила! — и станет тогда на земле легко —

— — ?!

— — знаю! — если бы революции освобождали человека, какой бы это был счастливый человек! — знаю, никакие революции не перевернут, ну скажу так: «судьбы, которую конем не объедешь!» И все таки — или это от тесноты невозможной, в которой живем мы? — когда подымается буря — —

Алексей Ремизов.

Парижские поэты.

С О Н Е Т Ы.

1.

На долгом солнце высохший скелет, —
Песком рыдают жаркие глазницы.
Последний след пылающей денницы
И пыль горька, и горек палый свет.

О прах, о жаждой сжатые ресницы,
О кости стен, которым срока нет,
О голый город — долгий мертвый бред,
Любовью, тифом вымершей больницы.

Лишь тленье памятно домам Толедо.
В глухие облака беззвездный понт
Дохнул и ливнем повелась беседа.

На площади, вращая в горизонт,
Смывая запах битв, любви и пота
Темнее облак — латы Дон Кихота.

2.

Атлас и шелк и мертвая рука
Инфанты умершей задолго до рожденья.
Скупая кисть — сухое вдохновенье
И в мастерской влюбленная тоска.

Карандашом запечатлев мгновенье
Услышать ночь у самого виска,
Услышать, как стена с потолка
По капле капает ночное бденье.

О в ту же ночь повержена громада
Всех корабельных мачт, снастей и звезд —
Ветрами победимая Армада.

На аналой склонясь, ломая рост
Часов — о сладость каменного всхлипа,
Молитва — долг безумного Филиппа.

ВАДИМ АНДРЕЕВ.

* * *

Я потеряла, нет, не сапожок —
Американский, плоский ключ от двери.
Но времена не те. Гонца рожок
Не огласит таинственной потери.

И сказкам больше, глупая, не верь.
Не принц, и не дворец, и не миллионы,
А слесарь и гостиничная дверь...
Поплачь и позавидуй кандрильоне.

НАТАЛИЯ БОРИСОВА.

* * *

Когда слетают листья, в утешенье
Пустым ветвям летит легчайший снег;
На черных ветках это украшение
Лежит, светясь в небесной белизне.

Но в чашу снега человек вступает,
Неугомонен и неутомим;
Он топчет снег проворными ногами,
Строча расчеты и стихи свои.

Он тонет в неожиданном сугробе,
Плывет, карабкается вверх, и вдруг,
Вернувшись к свету, кустику подобен,
Протягивает пару красных рук.

Кругом стоят враждебные деревья —
Здесь жизнь вступает на опасный путь.
Земля в снегу мертва и не согреет
Того кто здесь захочет отдохнуть.

А человек ложится на поляне
На отдых, на распластанном снегу.
То, засыпая, он на солнце глянет,
То солнце посылает свет ему.

Пускай мятель сбивает снег в сугробы
И угрожает, и летит кружа:
Заботливое солнце смотрит в оба,
Доверчивого друга сторожа.

АЛ. БУЛКИН.

* * *

Когда душе страдать надоедает,
Подходит время жданных перемен,
И отлетают дни, как птицы — стаей —
От прожитых в кипении, в котле.

И, отлетая, отлетев высоко,
Чуть оборачиваясь на лету,
С признательностью смотрит птичье око
Назад и вниз, на землю и беду.

Влетают в облако и вспоминают
Опять ее, оставленную жизнь.
Забытая, зеленая, земная —
Как по такой на небе не тужить.

А. Л. БУЛКИН.

АННЕ ПРИСМАНОВОЙ.

Для Вас пишу любя и нарочито,
В прямом доверии и в простоте.
Читайте тридцатипятичито,
Хоть этот почерк и осточертел.

А там стихопечатальной машиной,
Которой век пороги обмелил,
Смят почерк этот чисто камышинный,
Побит свинцом и стерт с лица земли.

Глядите верно — ведь еще возможно —
Пока набор писца не оборвал:
Я друг — и твердый и еще не ложно —
Еще не холощенные слова.

АЛЕКСАНДР ГИНГЕР.

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА.

Подымайся лядащий, лежащий,
Погулять, по деревне гулять.
Ты отправиться аможе аще —
Всюду утро, пора щеголять.

Аккуратно проснулся алектор,
Рассылает свои ко-ре-ку.
Вран стервятник... грешу я, о лектор:
Лыко в строку — так лыко реку;

И пишу, словеса обнажая,
И язык уморительно гня.
Режу души друзьям без ножа я,
А враги не жалеют меня...

Аккуратный алектор играет,
Разбуждает людей и скотов.
Бран коллектор куражится, грает —
Взятки гладки с ворон и с котов.

Вас мечтательно я возлюбила,
Я, душа — Вас, отличный горлан,
Деревенское сильное било,
Неустанный куриный улан.

АЛЕКСАНДР ГИНГЕР.

* * *

Стоять пред гулкой солью океана,
Звучать в ответ на радость, на прибой.
В веселии, семижды окаянном,
В бесплотный пляс вступать — с самим собой.

На женскую спасительную прелесть
Итти, как в море парус — на маяк.
Что-б многие в ладонях груди грелись,
Что-б каждую любить и звать: моя.

Пить винный сок, кусать айву и сливу,
Пугать невзгоду, ветер и метель...
Приятно жить в саду Его счастливым,
Добро и зло закинув за плетень.

Лежать в ночи — дышать простором свежим,
Плыть в мир невыносимой красоты...
Свой малый путь пройти стопой медвежьей,
С медвежьим сердцем, легким и простым.

Не бегать благ и дел юдоли узкой,
 Но всё приняв, за всё благодарить.
 Торжествовать, когда играет мускул.
 Плодотворить.

ДО ВИД КНУТ.

* * *

Скрипит возок, в снегах ныряет,
 Как барыня, столица спит,
 И вот платбаум поднимает
 В бараньей шубе инвалид.
 А Музе не поднять усталых
 Свинцовых караульных вежд,
 Всех этих пеней запоздалых,
 Суда глушцов, хулы неведжд.
 От нежных перьев треуголки
 Ей русских роз не уберечь —
 И пачкают людские толки
 Прелестную покатость плеч.
 А Вам — Наталье Гончаровой —
 Приснилось на заре, что с Вас —
 Еще Вы девушкой суровой —
 Не сводит он тяжелых глаз...
 Вчера заметили случайно:
 В дубовом ящичке стола.
 Как государственная тайна —
 Хлад пистолетного ствола.
 Что детям обаянье славы?
 Вам слаще бал и санный бег,
 Великосветские забавы
 И медленный пушистый снег.
 А снег другой, в руке зажатый,
 В горячих пальцах, и потом
 В крови расплавленный, примятый
 Под тем трагическим кустом?
 Ах, девочка моя Наташа,
 Протор склоненный — мало сил,
 Любовь моя! — большая чаша —
 Я захлебнулся, не допил. *АНТ. ЛАДИНСКИЙ.*

Знакомый ангел в комнату влетел...
Печаль моя всегда одна и та же,
Душа давно от человеческих дел
В бесстыдно-розничной продаже...

Знакомый ангел в комнате моей...
Ну, здравствуй, гость! Сегодня я не в духе...
Вот сколько здесь листов, карандашей,
А звук не шевелится в ухе...

Я утомлен. Но говорить с тобой
Так хорошо в уюте милых кресел...
Ты думаешь — я болен ерундой?
Да отчего ж ты сам невесел?..

А есть в тебе благая простота
И той стране чудесные приметы,
Где вся без украшений красота,
Без поэтичности поэты...

О, расскажи! Должно быть, стар и мал, —
Там все, — как ты, и — крылья за плечами...
...Знакомый ангел в комнате молчал
Темнел лицом и поводил крылами.

СЕМЕН ЛУЦКИЙ.

СМЕРТЬ.

Старуха смотрит, ноги в плед укутав,
Как в простыню старик вцепился, чорный рот
Разинув, словно смерть через минуту
Его от простыни не отдерет.

Изменой никогда не озаботив
Течение дней, все мысли и дела
Они делили, как — одно напротив
Другого — вделанные зеркала.

О чем он думает теперь? О смерти?
О Боге он не думал никогда.
О том, что в ванной капает вода?
Об этом ненадписанном конверте?

Воспоминания встают, как острова, —
Все то, что единило их обоих:
Знакомый бой часов, любимые слова,
Знакомое пятно на выцветших обоях.

Зачем-же было в сумерки, зимой,
Опаздывать нарочно на свиданья,
Чтоб после часового ожиданья,
Понуриив голову, он шел домой;

И стоило-ли в темной зале мешкать
И в зеркало смотреться, где возник
И розовеет радостный двойник,
Усмешкой отвечая на усмешку;

Чтоб через сорок лет над стариком
Беззубым, лысым, жилистым и чорным,
Которого неглубоко под дерном
Ждут красный червь и деревянный дом,

Старуха в нетерпении и тревоге
Следила, сторбившись, сквозь мутные очки,
Как рот оскалился, как посинели ноги,
Как останавливаются зрачки.

Она еще земным огнем горит,
Еще об этой жизни умоляет,
А он уже с Природой говорит,
И женским голосом Природа отвечает.

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР.

*

*

*

Вдруг Октябрь спрыгнул с брочки
у глухой голубой горы,
и в веселой переключке
заработали топоры.

Молоком деревянное мясо
окропляло каждый стук,
но казалась пьяным плясом
судорога зеленых рук.

Долго ухала трясина.
Все, что веком бор копил,
распласталось древесиной
под щербатым пеньем пил.

Поднялись горбом стропила,
костью выстругали порог.
На дебелий бок опилки
распаленный плотник лег.

Удесятеряйтесь силы
хлопотливого аиста,
и личинки в пнях осины
не посмеют сна искать.

АННА ПРИСМАНОВА.

*

*

*

Только ночью скорби в Сене
сон постели постигает.
Днем Париж в воде осенней
как Сан-Жен сады стирает.

Где-же тот Наполеон,
кого хоронит ельник?
В чисто вышел поле он
ветром править сабли мельниц.

Лавка в грядках солнце выкрав
озадачила прилавок,
и светило — жолтой тыквой —
звеньем сдач стяжает славу.

Утром дождь в отрезы окон
бьется как в стеклянный зонтик,
рыжей белошвейки локон
размотав как флаг на фронте.

А в обед фронтоны дворцов
великолепный пьют озон:
вроде палочных леденцов
шацинт сластит газон.

АННА ПРИСМАНОВА.

*

*

*

Всю ночь дожди смывали лето с крыши. —
Всю жизнь пройдя — недошагаешь шаг:
Ведь память, задыхаясь, не услышит,
Как тишиной застелется душа.

За перевалом памяти не смогут
Окликнуть и спросить пароль — — —
Ночь таяла. С рассветом по-немногу
В поля стекала по канавам боль.

Стекала боль, как Волга по отлогам,
Срывая цепкие, как мускулы, слова.
Стучи, стучи, но торопясь в дорогу
Ты землю не забудь поцеловать.

Пусть каждый день отлюбленный подкидыш,
Но я привык выращивать года.
Земля — Земля, ты никогда не выдаш,
А я тебя — за памятью — предам.

ДАНИИЛ РЕЗНИКОВ.

ВИНО.

Высокий день иль вечер благосклонный —
Не все ль равно, как время протекло.
Янтарный друг, знакомец мой червонный
Мне улыбается через стекло.

Закрывают окна, в комнате глубокой
Одна свеча на лаковом столе.
Еще до жизни снился черноокий
Мне виноград на выжженной земле.

На крутогорьях длинными грядами
Он долго ждал, пока его сорвут,
И сборщики нестройными рядами
Его в подвал в корзинах понесут.

В боченках, а не в Кане Галилейской,
Ему расцвести, ему созреть дано.
Волною мутною, волной Летейской
Он плещется, уже почти вино.

Не алкоголь, что пьют единым разом,
Не пиво жидкое, и не вода,
Дает вино смотреть нам добрым глазом
На светлый мир, на дол и города.

Вот потому романский мир приемлю,
Приемлю ясность виноградных лоз,
И родиню почитаю землю,
Где не ступал ни Будда, ни Христос.

М. СТРУВЕ.

*

*

*

Четыре точки на бумаге
Я ставлю легкою рукой,
И первой точкой будет солнце,
Вторая будет тьмой ночной.

А третья точка — жизнь людская,
Едва заметный стук сердец,
И будет всех черней и толще
Четвертой точкою конец.

Еще четыре и четыре,
Опять четыре, и пока
Рука моя не ослабеет,
Все будет их чертить рука.

Я точки все перемешаю,
И в исступленьи и в бреду,
Как ночью мореход на море
К последней точке подойду.

М. СТРУВЕ.

РАССТРЕЛ.

Мне снилось: я — под дулом пистолета.
У самого виска — холодный ствол.
В подвал врывался терпкий запах лета,
В висках стучало, колебался пол.

Все: трепетанье вздувшейся рогожки,
Обрывок неба — голубой кумач,
Край рукава и душный запах кожи —
В тебе сосредоточилось, палач.

Вот — затряслось. Вот, в сторону рвануло.
Подбросил ветер волосы мои,
Качнулся череп, тело соскользнуло,
Как сброшенная чешуя змеи.

Расстрелянное, трепетало тело.
Хлестала кровь из черного виска,
А я летел. И, вся в огнях, летела
Навстречу вечность в дыры потолка.

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО.

ЭЙМЕК - СААРОЗИМ.

(Сад роз)

Из персидского цикла.

Долина роз! Благословенный запах!
Лишь в сновиденьях я слышал подобный.
Светлеет небо.
Свежий, свежий ветер,
Заря над морем этим утром ранним.
О, Шеммаздинн,

Скажи мне, как случайны
Закаты неба и все утра мира;
Святой усталости на разных лицах
Читаю знаки;
Мне —

Зарю ранней,
Навстречу солнцу и движенью моря,
Свободному,
Над розой Бхачавали
Пел соловей;
Пел соловей Гафиза.

ЮРИЙ ТЕРАПИАНО.

Бернард Шоу, как философ и мыслитель.

На континенте Европы, а тем более Азии и других материков, Бернарда Шоу больше всего рассматривают, как драматурга. Там его больше «смотрят» на сцене, чем читают, больше знакомы с его пьесами, чем с предисловиями к ним, больше занимаются им, как писателем-художником, чем как человеком с своеобразным мирозерцанием и с бьющим фонтаном богатством мыслей. На многих языках переведены почти все его драматические сочинения; но очень мало переведено из его публицистических работ... А между тем последних им напечатано огромное множество и в разных периодических изданиях и отдельными книгами и брошюрами. Кто, например, за границей читал его «Идеал гражданственности», или «Трактат о посещении церкви», или книжку о Конференции мира в Версале, или «Политика Раскина» и много других. Даже его первые и главные публицистические сочинения, в свое время вызвавшие в Англии много отголосков и спора, как «Квинт-эссенция ибсенизма» и «Совершенный Вагнерианец», в которых изложены тогдашние (30—35 лет, тому назад) взгляды Шоу на искусство, литературу и многие общественные вопросы, навряд ли известны даже по имени многим из тех писателей или простых смертных за границей, которые хорошо знают его драмы*).

Не то в Англии. Здесь с именем Бернарда Шоу соединяется не столько представление, как об известном авторе театральных пьес, сколько представление о деятеле, о проповеднике, о спорщике, о морально литературной силе. Здесь знают Б. Шоу как оратора, как борца за известные идеи, еще больше,

---

*) Слово драмы и примененно к сочинениям Б. Шоу употребляется здесь в обширном смысле, а не в противоположность трагедии, комедии, фарсу или мелодраме. В беседе с Арг. Гендерсоном сам Шоу заявил, что его пьесы сами по себе «и сказать, что оне комедии или трагедии или траги-комедии, это то же, что сказать, что я человек кавкаской расы: так определить — можно и тысячи пьес ничем на мои не похожих».

чем писателя. Заграницей ходят смотреть его драмы, чтобы познакомиться с ним, с характером его творчества. В Англии же знали его долго до того, как он стал популярен, как драматург. Не следует забывать, что почти до конца девятнадцатых годов прошлого столетия постановка драм Б. Шоу носила в Англии больше случайный и любительский характер. Первая его пьеса «Вдовья дэма» была поставлена в декабре 1892 г. Независимым Театром, давшим ее всего два раза. После этого в 1894 году была поставлена комедия «Оружия и человек», шедшая раз 10 или 15. Написанные между ними «Ухаживатель» и «Профессия г-жи Уоррен» были поставлены в Англии лишь много лет спустя: первая в 1905 г., а вторая, вследствие длительного цензурного запрета, лишь в минувшем 1925 году.

Написанные после «Оружий и человека» и «Никогда нельзя сказать» были поставлены настоящим образом в 1907 г., хотя только в виде опыта и попали на сцену несколькими годами раньше.

Полное признание выдающихся его способностей, как драматурга можно сказать, последовало в Англии лишь около 1904 г., когда Гренвиль Баркер и Ведрен, из которых первый и сам соединял в своем лице выдающегося драматурга, актера и режиссера, сделали в течении нескольких лет из сочинений Б. Шоу главное содержание репертуара в принадлежавшем им театре «Кюурт». В то же время и на сценах других лондонских театров представления пьес Б. Шоу сделались обычным явлением. Бернард Шоу стал тогда модным драматургом Англии. Ему уже тогда было лет за сорок. Но как мы уже сказали, Англия хорошо уже знала его, когда ему еще не было и полных тридцати. Уже к концу 80-х годов он был очень популярен и среди рабоче-социалистических, и среди интеллигентно-литературных и среди художественно-театральных кругов. Его знали, как оратора и как одного из самых блестящих журналистов, как постоянного художественного критика в Пелл-Мелл Газет (1885—88), ныне уже не существующей, затем как музыкального критика в «Стате» (1880—1890), а с 1890 г. по 1898 он был драматическим критиком в двух весьма тогда влиятельных еженедельниках, сначала в «Ворлд», а затем в «Сэтурдей Ревью», из которых первый уже прекратился изданием, а второй дышет на ладон.

Если это сотрудничество выдвинуло его, как искусного, интересного писателя с своеобразными взглядами в области художественного творчества, то его митинговые речи, его участие в литературе общества фабианцев, его «Квинтэссенция ибсенизма» и др. писания выдвинули его, как публициста, со взглядами которого на разные стороны личной и общественно-политической жизни публика в Англии стала интересоваться.

Вот почему нигде, как в Англии, так много не пишут о Шоу, как о мыслителе, и так сравнительно мало, как о драматурге. Даже когда речь идет о нем, как о драматурге, то больше с точки зрения тех идей, которые лежат в основе его пьес, чем со стороны художественной обработки сцен и типов.

А писать стали за последние годы о Б. Шоу в Англии очень много, точно спешат подвести итоги его литературной деятельности к наступающему в 1926 г. семидесятилетию его рождения. В одном минувшем году уже вышло о нем, если не ошибаюсь, четыре книжки. По крайней мере, у меня на столе уже три новых книжки, помеченных 1925 годом.

Из этих трех книжек две Арч. Гендерсона и Вайтхеда (Whitehead) рассматривают Б. Шоу исключительно, как мыслителя, учителя жизни, вождя в мире духовных и практических вопросов. Третья, Коллиса, хотя и отводит две главы разбору его драм, но главным образом занята им, как мыслителем.

Все эти три книжки представляют некоторый интерес, тем более, что в двух из них выступает и сам Б. Шоу, а третья интересна и сама по себе. Вот почему мы полагаем, не лишне будет остановиться на них и посмотреть, что они прибавляют к тому, что уже нам известно и так о Б. Шоу.

II.

О двух из этих книжек можно сказать, что они написаны с участием самого предмета их содержания, и в этом их главная, если не единственная ценность: в одной воспроизводится беседа с Б. Шоу и даются, повидимому, подлинные слова его, во всяком случае, подлинные его отзывы о разных вещах. Книжка так и называется «Застольная беседа» Дж. Б. Ш. К сожалению, собеседником Шоу был американский профессор Арч. Гендерсон, при том еще американец не совсем умный и не очень талантливый и потому «беседа» лишена той живости, искренности, естественности, которых следовало бы ожидать и которые обычно связаны с представлением о «застольных беседах». Беседа Гендерсона (автора книги) с Шоу не струится, не переходит плавно, с одной темы на другую, с одного слова на другое, а как бы прыгает с кочки на кочку, точно сорока пробирается по болоту. И действительно, это не беседа, а простое интервью с заранее составленным списком вопросов и столь же, повидимому, хорошо продуманными ответами.

Но и это бы еще не беда. Но вопросы выбраны не всегда умные и не всегда нужные, при этом еще Арчбильд Гендерсон очень растягивает их и иногда простой вопрос излагается им на нескольких страницах, а ответ в двух строчках. Как большинство американцев, он очень хвастлив, говорит очень много о самом себе, думая, вероятно, что читателю страшно интересно

знать мнения о разных предметах и самого Гендерсона. Ибо нужно помнить, что Арчибальд Гендерсон написал в 1911 г. биографию Б. Шоу, который он очень гордится; он читает лекции по математике в каком то американском университете, писал о театре в Швеции и т. д. и т. д. Он член разных обществ и академий. Как же не интересно знать, что он думает о том и о сем рядом с Бернардом Шоу, который, как известно, профессором никогда не был и членом академий, кажется, не состоит.

Эта претенциозность автора, включившего в книжку и несколько своих собственных портретов, должна отталкивать всякого, кто не родился в Америке и кто не обладает хотя бы некоторым чутьем европейского такта и сдержанности. Тем не менее книжка не лишена интереса, так как она все же дает возможность услышать и самого Шоу кое о чем.

Например, на вопрос (занимающий целую страницу): явилась ли война концом литературной эры? Шоу отвечает: «Война покончила лишь с тем, что предполагалось сделать более важным и сохранить надолго. Она покончила с тремя империями, но не покончила с искусством, с литературой и этикой. Она только приостановила их прогресс на полстолетие. Костяки давно покоящихся в гробах когда то любимых вещей вышли из могил и заплясали на потеху солдат в отпуску, солдат, которые никогда раньше не видали цивилизованного города. На сценах театров и музыкхолов им и безмозглым девицам, окружавшим их, подносили все, что можно было только раздобыть грубого и вульгарного. Война выпустила на свет новую публику, отставшую на полвека, и потребует еще 50 лет, покуда эта публика нагонит прежний, довоенный уровень. Но и эта задержка не без хорошей стороны. Она, во-первых, все же приобщила к культуре новую публику и, во-вторых, заставляя вернуться драму к примитивным формам, этим самым она может послужить к улучшению ее. Искусство, подобно жизни, возобновляет себя чистым возвращением к своему детству и погребенным отжившего».

Что же касается до роли кинематографа, то она служит только к ухудшению драмы. «Огромная международная публика, — говорит Шоу, — делает посредственность обязательной. Фильма имеет в виду среднее между американским миллионером и китайским кули, между гувернанткой в приличном доме и девицей, служащей в деревенском трактире. Она чрезвычайно популяризует драму, но не ту, которая может интересовать высокоразвитой вкус или простую чернь. Она должна быть нравственно прилизана, точно книжка для хороших учеников воскресной школы, но не должна ставить проблемы нравствен-

ности, а ведь хорошая драма живет только нравственными конфликтами».

В общем, однако, Шоу очень доволен теперешней английской драмой. Он насчитывает свыше двадцати серьезных драматургов в Англии, из которых добрая дюжина неизмеримо выше Ожье, Дюма-сына, Сарду и компании. Перемена к лучшему в британской драме 20-го века не только простая перемена: это — преобразование».

Очень характерен для Шоу, для его скромности, его ответ на вопрос, кого он считает теперь «всемирными» драматургами?

«Не знаю, — сказал он: — меня играют всюду и везде, и в Лондоне и в Японии. Также и Чаплина. Но гордиться этим нечего. Очень многие и бездарные деятели сцены пожинают лавры кругом света. Величие драматурга измеряется не пространством, а временем. Кто может сказать, какова будет оценка меня, как драматурга, когда после меня пройдет столько же времени, сколько прошло после Еврипида? А это ведь единственное мерило».

И когда интервьюер спрашивает его, верно ли, что свою славу он считает связанной с бюстом, который Роден вылепил с него, Шоу очень искренним тоном отвечает:

— Да, в далеком будущем. Бюсты переживают пьесы. Через тысячу лет в биографических словарях обо мне упомянется так: «Шоу, Бернард, сюжет для бюста работы Родена. Больше о нем ничего не известно».

При некотором более прилежном искании можно было бы, пожалуй, выковырять из этой «Застольной беседы» и несколько других интересных «ответов». Но в общем не стоит труда. Более трети книжки занята такими малоинтересными темами, как об отношениях Англии и Америки и о том, как Б. Шоу вел себя по отношению к европейской войне. Что Шоу думает о нью-йоркских небоскребах, об американских актрисах, о бывших президентах и т. под. весьма вероятно, интересных для американского читателя предметах, по поводу которых, однако, и Шоу, несмотря на все его остроумие и парадоксальность, ничего особенно нового и свежего сказать не мог или не хотел. И закрываешь эту «Застольную беседу» даже с некоторым облегчением, так уж неприятен тон собеседника Шоу, развязный, фамильярный, имеющий нарочитую цель показать, что это не просто интервью, а беседа двух великих писателей, обходящихся друг с другом за панибрата.

Куда более можно узнать о Бернарде Шоу, как о человеке и как о мыслителе и писателе из книжки некоего ирландца Дж. С. Коллиса («Schaw» by J. S. Callin), тоже появившейся в минувшем году. Это интересная книжка, написанная с боль-

ним подъемом и действительной любовью к знаменитому драматургу. Но интерес книжки увеличивается еще тем, что она в нескольких местах снабжена примечаниями самого Б. Шоу. Коллис раньше, чем пустить книжку в печать, представил корректуру Шоу, и тот, оставив в подлиннике все, как есть, прибавил лишь там и сям некоторые свои примечания, касающиеся, главным образом, фактической стороны содержания ее.

Так, в квартире Бернарда Шоу, над камином, имеется надпись, взятая из королевского дворца в Эдинбурге: «Они говорят. Что они говорят? Пусть они говорят». Посетителям Б. Шоу это всегда давало повод считать, что он свысока относится к тому, что люди говорят о нем. Коллис даже на этом построил теорию о пессимизме, о разочарованности хозяина квартиры, не признающего «счастья», и прибавляет, что было бы правильнее, если бы Шоу взял девизом слова Наполеона: «Был ли бы я тем, что я есть, если бы гнался за счастьем?» К этому Б. Шоу прибавляет внизу примечание: «Положительно отвергаю этот девиз. Он был вырезан над камином еще до переезда моего на эту квартиру. Я бы никогда и не подумал написать его. Я настолько считаю важным, что другие говорят, что употребил всю жизнь на то, чтобы заставить их говорить то, что следует».

Любопытно также отношение Шоу к вызовам публикою автора на сцену.

Бернард Шоу очень редко уступает желаниям публики, чтобы он выходил и сказал чтонибудь после первых представлений его пьес. Коллис это объясняет тем, что Шоу вообще не любит показываться на людях. К этому Шоу пишет следующее примечание: Нельзя сказать, чтобы это соответствовало моим митинговым выступлениям. Я, бывало, появлялся на вызовы, когда нужно было произнести речи и бороться с оппозицией. С тех пор я никогда больше этого не делаю, если не считать случаев исключительной надобности. Никому, кроме актеров в гриме, никогда не следует появляться на сцене: появление всякого другого есть грубая и отвратительная художественная ошибка и составляет предательство в отношении иллюзии, которая должна быть неприкосновенна. Если вызовы еще имеют место, то пусть они ограничатся актерами».

Когда Коллис, желая подчеркнуть оригинальность и силу Шоу, как драматурга, умаляет значение Ибсена, Шоу замечает, между прочим: «Он был гигантом драматической литературы. Будьте осторожны и не ставьте себя рядом с пигмеями, которые не в состоянии видеть выше его сапог».

Коллис, вопреки Арч. Гендерсову, не хвастает близкой дружбой с Шоу. Наоборот, в конце своей книги, извиняясь за недостаточность характеристики, он оправдывается тем, что

мало знаком с Шоу. На самом деле, как видно из разных мест книги, он очень хороший и личный знакомый его.

Как известно, Шоу строгий вегетарианец, и Коллис раз спросил его, отчего он позволяет себе есть капусту: ведь, логически говоря, провести строгую границу между растениями и животными нельзя, особенно по теории творческой эволюции, в которую так верит Бернард Шоу. «Перестаньте вы с вашей логикой», — ответил ему последний: «нельзя прилагать логику ко всему».

В этом ответе лежит ключ ко всем противоречиям Б. Шоу. Этих противоречий касается и Коллис, но особенно много говорит о них другой автор — Джордж Вайтхед, в своей книге «Разъясненный Бернард Шоу. Критическое изложение религии Шоу». (Bernard Shaw explained).

Оба автора стараются их примирить, умалить и придать им некоторую последовательность, но старания их оказываются далеко не успешными и в конце своих работ они беспомощно опускают руки. Несомненно, что, несмотря на весь свой острый, аналитический и в то же время синтетический, конструктивный ум, Шоу руководится больше чувством. К чести его, оно у него всегда замечательно благородное, и что бы он ни сказал, так или этак, а в словах его всегда слышится неутолимая жажда не столько правды — истины, сколько правды — справедливости. Он искренно возмущен людской глупостью и несправедливостью в жизни и для устранения их один раз ему кажется хорошим одно средство, в другой раз — другое.

Так, в предисловии к «Monet Superman», к самой блестящей из его драм, он говорит о теории наследственной передачи приобретенных навыков, как о «лопнувшем мыльном пузыре». Он тогда был поклонником теории Вейсмана, признающей способность наследственного перехода только в отношении свойств, заложенных в протоплазму. В предисловии же к «Back to Methuselah» он не только отрицает эту теорию, но еще говорит о ней в самых презрительных выражениях. И Вайтхед объясняет эту перемену главным образом тем, что Шоу, повидимому, узнал, что Вейсман и его ученики построили свою теорию на опытах вивисекции. Этого было достаточно, чтобы оттолкнуть Шоу не только от Вейсмана, как человека, но и от всяких выводов, к каким — правильно или нет — он и его последователи могли прийти.

Необходимо тут прибавить, что Б. Шоу непреклонный противник вивисекции и всякого рода прививок, предохраняющих или предполагаемых таковыми от заразных болезней. Он вообще имеет свою теорию охранения здоровья и общественной гигиены, которой он строго придерживается лично и неустанно

проповедует ее в речах и печати. Он считает, что все болезни происходят от плохого воздуха, плохого или излишнего питания и вообще от излишеств, но под плохим питанием он подразумевает многое и из того, что обычная гигиена признает весьма полезным. Он отвергает мясную пищу, считает вредным всякие возбуждающие напитки, не только алкогольные, но и чай и кофе. Но вегетарианец он не из сентиментальности, которой у него, кажется, вовсе нет, и проповедует он воздержание от излишеств, от алкоголя, наркотиков и от звериной охоты, и выступает против тюремной системы, существующего брачного законодательства и прочих, по его мнению, несправедливостей вовсе не потому, чтобы это отвечало какому то долгу, основанному на религии, любви или жалости. Как указывает Коллис, Б. Шоу «не моралист, а естествоиспытатель». Сам Шоу в предисловии к «Пьесам приятным» заявляет: «Для меня трагедия и комедия жизни кроются в последствиях, иногда ужасных, иногда забавных, наших постоянных попыток основывать наши учреждения на соображениях, которые подсказываются недостаточно удовлетворенными нашими страстями, вместо того, чтобы их построить на действительно научной естественной истории».

Он этой же мысли касается и в письме к Г. Н. Гайндману, из которого у Коллиса приводится следующий отрывок: «Я моральный революционер, который интересуется не классовой войной, а борьбой между жизненной крепостью (vitality) людской и искусственной системой морали и который делает различие не между капиталистами и пролетарием, а между моралистом и естествоиспытателем».

Иначе говоря, Б. Шоу верит в рост, в конечный успех жизненной силы, которая является центральным пунктом его миросозерцания. Этому миросозерцанию, в сущности, посвящена пьеса «Man and Superman», где оно, однако, тонет в океане афоризмов, в фейерверке всевозможных мыслей. Более цельно и обработано оно выступает в «Back to Methuselah», особенно в предисловии к последнему.

В виду того, что от этого миросозерцания в большой доле зависит и этическое учение и все общественные и политические взгляды Б. Шоу, насколько вообще можно найти в этих взглядах последовательность и единство, то считаю необходимым дать здесь краткое изложение «религии» или, если хотите, философии его.

III.

В майской книжке за 1922 г. выходящего в Лондоне маленького церковного ежемесячника «St. Martin in the fields review» под редакцией пастора прихода того же имени, Бер-

наряду Шоу поставлен был ряд вопросов, на которые он любезно ответил.

Три, главным образом, интересующие нас здесь вопроса были следующие:

«Верите ли вы,

а) что что то имеет за собою кого то? (Sowebody behind the Someting),

б) что мир создан сам собою, и что все чистая случайность?

На это Шоу ответил в том же порядке:

а) Нет: я верю, что кто то имеет за собою что то (Something behind the Sowebody). Все тела (body) продукт жизненной силы (что бы это ни обозначало).

б) Первопричина заключает в себе внутреннее противоречие, так как там, где есть причинность, всякая причина должна в свою очередь иметь причину, и не может быть первой причиной, как нет первого дюйма в круге. Если же вы отвергаете совсем причинность, тогда, вы, значит, признаете, что все делается само собою, но если это еще можно сказать о живом теле, то этого нельзя сказать о мертвой материи. Вы тогда опять оказываетесь при прежней проблеме, и уже лучше признать тогда, что при нашем неведении и при наших ограниченных способностях мир для нас необъясним. Вероятно, и всякий таракан полагает, что у него должно быть полное объяснение мира, как необходимая принадлежность всякого уважающего себя таракана — ирусака. Но с этим объяснением придется ему еще подождать.

в) Вся жизнь есть цепь случайностей, но когда вы видите, что большинство их направляется в одну сторону, то можно догадаться, что что то стоит за ними не случайное».

Не останавливаясь на последних двух ответах, обратим внимание лишь на первый. Тут, по обыкновению, Шоу играет словами Sowebody et body, которыми на русском языке было бы трудно играть. По русски поэтому его прибавка: «все тела продукт жизненной силы», как бы ничего не объясняет, а скорее еще запутывает. Но если вместо Sowebody поставить слово *Бог*, о котором, собственно, тут и идет речь, то вопрос и ответ становятся совершенно ясными. Созданы ли вещи Богом? — спрашивает редакция церковного журнала. — Нет, — отвечает Шоу: я верю, что вещи создают Бога. И он объясняет, что все исходит из «жизненной силы (что бы это ни означало)».

Жизненная сила в учении Шоу, как оно изложено в его предисловиях, драмах и других писаниях его, однако, не есть Бог. Она только стремится к всепознанию, к бесконечной, всеобъемлющей сознательности, к переходу из низших, элементарных форм к более и более сложным, к все большей и большей

независимости от телесности, от материального мира. После множества попыток в течении миллиардов лет она достигает ступени, на которой стоит современный человек, но это только одна из первых ступеней. Лестница, ведущая вверх, бесконечна.

В брошюре «Modern religion» Шоу спрашивает: «Чем это все должно кончиться?» и отвечает: «Вовсе нет необходимости в том, чтобы был конец. Нет основания ожидать, что процесс, раз начавшись и достигнув теперешние условия, не пойдет дальше. Но на своем бесконечном пути он необходимо произведет какое то существо, если хотите — какую то личность, сильную и мудрую, с умом, способным охватить всю вселенную, и с властью, способною осуществить всю его волю. Иначе говоря, всемогущего и благостного Бога».

Таким образом, это — религия, в которой Бог стоит не в начале мироздания, а где то еще в будущем. Он еще должен явиться, как результат эволюции жизненной силы и при помощи все более и более совершенствующегося человека. Эта религия обязывает, но не повелевает, хотя бы уже потому, что нет авторитетного повелителя: нет Бога и нет, следовательно, его пророка. Но этой религией Бернарда Шоу можно объяснить многие кажущиеся противоречия в его взглядах.

С одной стороны, он социалист, возлагающий на мероприятия государства очень большие надежды и настоятельно требующий того или другого парламентского акта. С другой стороны он настаивает на «свободном проявлении личности», на отмене наказаний для преступников, на праве свободной, безбранной любви и вообще на предоставлении людям как можно больше простора для их личной воли. Правда, этот, так сказать, анархизм он наиболее горячо проповедывал в свои молодые годы, больше как автор «The quintessence of Ibsenism», чем как автор «Saint Joan». Но все же и в старые годы его то и дело прорывается этот анархо-индивидуалистический взгляд, как, например, в его предисловии к трактату супругов Вебб о тюремной реформе (1922 г.).

Но эти противоречия легко укладываются в систему мирозерцания его. Ясно, что человек может достигнуть в конце концов божественной ступени лишь самоуверенствуясь. Без улучшения своей собственной духовной природы он останется животным, а не будет Богом. Но, с другой стороны, самоусовершенствование возможно лишь там, где внешние условия и где общественный строй благоприятствует этому. Но общественный строй никогда не может быть благоприятным при людях, недостаточно облагороженных. Отсюда получается тот порочный круг, в котором бьется мысль Бернарда Шоу. Если бы он был марксистом, то для него было бы все ясно, как на ладони.

Но о марксизме он говорит с презрением и о самом Марксе отзывается далеко не всегда почтительно. «Сравнительно с Дарвином, — говорит он (цитирую по Вайтхеду), — Маркс повидимому, лишен всякой наблюдательности. В его «Капитале» нет факта, не взятого из какойнибудь книги, и нет суждения, которого уже раньше не было высказано в какойнибудь брошюре». Шоу вообще называет его «литературным аматером».

С другой стороны, Шоу и не толстовец и не верит, что человек может переродиться от одной природы. Нужен и парламент и одновременно благородные люди. Только общими усилиями первого и вторых человечество сможет подняться на следующую ступень. И Шоу верит, что этот подъем совершится. Он не может не совершиться, так как Жизненная Сила ни на минуту не оставляет своего стремления к росту, к самопознанию и самопроявлению.

Такова эта философия англо-ирландца, полумистическая и полупрактическая, философия, упирающаяся одним концом в католическую и мистическую Ирландию, а другим — в протестантскую и практическую Англию. Она объясняет многое в противоречиях Шоу, но далеко не все. Часто он противоречит себе просто из любви к парадоксу или шутке, ради которой, как отмечает Коллис, он даже портит некоторые сцены в своих драмах.

Но если есть противоречия у Б. Шоу в его теории жизни, то их почти вовсе нет в его практике. Тут он удивительно целен и чист. Трудно найти другой пример, особенно среди писателей и художников, почему то всегда как бы гуляющих с индольгенциями в кармане, такой устойчивости, безукоризненности, верности и благородства. Никакая полемика, никакая брань не может вызвать у него какуюлибо обидную резкость: он или не отвечает, как, например, на совершенно грубую ругань и клевету, сыплющуюся на него со стороны тоже известного английского драматурга Г. А. Джонса, или же отвечает в самом приличном тоне. Некоторое противоречие можно лишь наблюдать в его отношениях к гонорару за свои вещи: то он заламывает такие цены за свои статьи, что и богатые редакции не всегда считают возможным платить, то, наоборот, он печатает десятки статей и брошюр, не взимая за них ни гроша.

Но каковы бы ни были его противоречия, для Англии George Bernard Shaw или еще лучше фамильярное G. B. S., нечто цельное и высоко любимое. Закончим нашу статью заключительными словами ирландца Коллиса:

«В Англии имеется гораздо более обширная публика, чем в какойлибо другой стране, умеющая ценить его тонкости и

радушно встретить его сатиру. Ибо английский народ высоко славен тем, что, несмотря на все его недостатки, он, может быть, единственный народ на свете, который не сердится, когда ему указывают на его слабости. Вот почему в глубине души Шоу любит Англию, и вот почему Англия все более и более начинает понимать Бернарда Шоу».

С. И. Раппорт.

Проблемы славянской политики.

VI. Русское славянофильство и современный славизм.

10. Четвертой важной составной частью современной славянской идеи является комплекс вопросов, называемый в общем русским славянофильством. На первом месте стоит, конечно, славянофильство первой формации, представленное главным образом Киреевским, Хомяковым и Константином Аксаковым, далее уже идет позднейшее славянофильство — Данилевский, Погодин, Катков, вылившееся в политический панславизм и панрусизм и являющееся, собственно говоря, совершенно особой главой.

После неудачи, которую потерпело движение декабристов, русская интеллигенция и учащаяся молодежь отдались с увлечением более глубокому изучению вопросов не только политики, но и всей европейской жизни в ее целом, ее социальных, философских, моральных и исторических проблем. Они начали всесторонне усваивать европейскую научную и философскую мысль. Скоро стало всюду особенно заметно влияние идеалистической после кантовской философии в некоторых русских кружках, — в первую голову Гегель и Шеллинг получили решающее влияние в ориентации мысли. Национальная идея, проистекавшая из тогдашней немецкой философии, естественно получила преобладающее значение, а вокруг нее начали вращаться все мысли и деятельность этих кружков на политическом и социальном поприще. Старая проблема — Россия и Европа, — так остро поставленная политикой Петра Великого и с тех пор не переставшая то более, то менее волновать русский народ, снова выступила перед общественным сознанием, получив, однако, новую окраску: национальный элемент придал ей новый характер и вел к новой формулировке этого великого исторического спора. Новая формулировка гласила: славянофильство и западничество.

Около 1840 года русская интеллигенция распадается на два лагеря: на приверженцев Запада, отвергающих связь с

старой русской традицией и ее продолжение, стремящихся оторваться от русского прошлого и желающих, чтобы Россия приняла полностью принципы и результаты западно-европейской культуры, под условием, что они будут критически рассмотрены, разобраны и приспособлены к русской жизни и культуре; и на приверженцев старой России, старой русской народной традиции, долженствующей дать основные условия дальнейшего народного русского развития. Это направление разрешение вопросов политической и социальной жизни искало бы, наоборот в русской истории и традициях русского народа. Против западников Белинского, Грановского, Герцена, Бакунина и иных выступали среди общей массы славянофилов Ал. Хомяков, братья Киреевские (Иван и Петр) и Константин Аксаков.

В своих «Заметках к мировой истории» Хомяков попытался разрешить отношения Запада к Востоку и России и создал философию истории, на которой основываются все теории славянофильства.

Теоретики славянофильства находились под идейным влиянием немецкого романтизма (большинство из них училось в немецких университетах), они, как уже было сказано выше, воспитывались на философии истории Гердера, Шеллинга и Гегеля, а также и теориях немецкой историко-правовой школы. Этим влияния определяли их взгляды на дальнейшее развитие России и формулировку их философии русской истории, применяемой сначала к России, а потом и ко всему славянству.

Основные тезисы славянофильства раньше всех формулировал Иван Киреевский в 1845 г. в своей работе «Обзор современного состояния литературы», но философскую доктрину в целом и программу гораздо внушительнее изложил А. Хомяков.

Хомяков противопоставляет прежде всего романо-германским народам Европы славянство и прежде всего Россию. Он выступает против рабского подражания Западной Европе так же, как и против передовых идей западного конституционализма и либерализма. Запад гниет, он принес бы гибель и для возникшей на русской почве своеобразной сильной культуры, стоящей выше, чем западная. Время Западной Европы уже прошло, теперь вступает час, когда мир будет спасен Россией, славянством. Будущее не принадлежит аристократической и завоевательной германской расе, но славянам. Славяне склоняются к идее мира и демократии, они друзья мира, земледельческого и мирного труда вообще — им то и принадлежит будущее. Правда, западные славяне подпали под влияние европейских культур и вследствие этого и потеряли свой первобытный характер, который сохранили, однако, восточные славяне; на

западных славян влияла не только западная культура, но главным образом католицизм. Восточные славяне, русские, остались верны истинной религиозной правде и не были осквернены влиянием индивидуалистического и революционного вольномыслия, которое восстает против действительного авторитета истинной и православной веры... Иными словами, Хомяков противопоставляет русский самодержавный строй западному конституционализму, русское чувство и веру западному вольномыслию, русскую, восточную культуру культуре западной Европы.

Философская часть славянофильской доктрины Хомякова выражена весьма выпукло в следующей цитате из одного его произведения: «Вера по понятию восточной церкви является чем то значительно высшим, чем познание, наука, которая строит все на выводах разума, ибо вера является результатом всех сил воспаряющего духа, проникнутого живой правдой откровения. Веру нельзя постичь исключительно одним чувством, но лишь совместно разумом и чувством; говоря коротко: вера не есть познание, но одновременно познание и переживание (наука и жизнь)».

Хомяков в данном случае касается вечной проблемы философии — отношений умственного познания и религиозной веры, разума и чувства и борьбы за гармоническую личность; он касается проблемы, которая в различных формах господствует в остальных философских системах, особенно в новую эпоху, ставши таким образом центральным вопросом всех рассуждений. Он коснулся и современной политической проблемы, которая формулируется иногда, как антитеза Востока и Запада, иногда, как отношения России и Европы, иногда же, наконец, в виде отношений славянства и остальных рас. После войны этот вопрос снова возник в новой форме, в виде спора о будущем Европы и Востока (Шпенглер: Закат Запада).

Хомякову рисуется с одной стороны сухой рационализм Запада, а с другой русский Восток, уравновешенный облагораживающим влиянием чувства; в этом для него заключается разница обеих культур — западной (латинской, англосаксонской, германской) и восточной (русской, православной). По его убеждению будущность принадлежит этой восточной русской культуре и при ее помощи человечество может быть спасено от гибели, которая грозит Европе. В этих понятиях лучше всего выразился славянофильский мессианизм Хомякова и остальных славянофилов; в них же в сгущенном виде дано и глубоконепонимое православие и сильно чувствуется руссофильство, которое легко идеализирует все русское — совместно с этими двумя элементами он идеализирует и русское самодержавие в противовес западному либеральному конституциона-

лизму — идя логически далее по этому пути, мы приходим к известному тройному славянофильскому лозунгу: православие, самодержавие и народность.

В то время, как Киреевский и Хомяков создали философскую теорию о роспре между западной и восточной культурами и формулировали свою философию истории и религии, сообразуясь с миссией православия и русского народа в истории человечества, Константин Аксаков развивает специальную теорию, выражающую спор западного либерализма с русским самодержавием. Согласно его грешащему против истории и социологии изложению, западные государства постепенно возникали благодаря насилию и военному хищничеству в то время, как русская империя возникла благодаря свободному признанию и власти варяжских Рюриковичей и основывалась, как основывается и теперь, на принципах единения, свободы и мира. Поэтому деревня и крестьянство, народ, остаются в таком интимном общении с государством и правительством, откуда же приходит взаимная любовь и доверие этих двух действительных элементов, откуда и сохранившаяся система мира и общины. При этих условиях монарх является лишь просто верховным защитником и блюстителем в государства; он заботится о сохранении общественного порядка созывает время от времени на совет различных представителей народа, которые, в виду взаимной любви и доверия, предоставляют ему окончательное разрешение вопросов.

Поэтому, по мнению Аксакова, идеи западного конституционализма, основанные на принципах или фикциях общественного договора, так чужды всем русским: России не нужен западный парламентаризм — вся русская жизнь основана на доверии и моральной вере в данное общественное развитие и в указанные русские общественные силы и элементы. Здесь вера, доверие, любовь, преданность воле абсолютного монарха, там сухой расчетливый разум, выразившийся в договоре о взаимоотношениях и участии отдельных общественных факторов в правлении и администрации, договоре между конституционализмом и либеральным, аналитическим парламентаризмом.

Оба Аксакова, и Константин и Иван, были провозвестниками этой теории, обусловленной всем славянофильством, до невозможности идеализирующей русские политические условия и научно совершенно не обоснованной. Необходимо, однако, указать, что Аксаков вполне сознавал, что в жизни изображенный им идеал не существовал. Он защищал эти взгляды, как теоретически единственно правильную политическую и социальную систему, допуская, однако, что в России эта система не создала истинного рая; в конце концов, с теоретической точки зрения это, по его мнению, был единственно правильный, иду-

ний в духе христианства путь к счастью и лишь русский народ смог его найти и осуществить.

В общем это одна из характерных черт славянофильства: он весьма мало отличал идеал от действительности и весьма легко их смешивал. Славянофилы критикуют католичество и протестантство и, несмотря на то, что видят затруднения православия, для них оно все же является, как с философской, так и с исторической и чисто теоретической точки зрения наилучшей религиозной основой. Они видят так называемый упадок западной культуры, но, не закрывая глаз и на слабости и трудности, которые существуют в России, и все же для них русский народ является в будущем единственным спасителем человечества. Они видят действительное политическое и социальное состояние современной России и все же для них в теории самодержавие является идеалом. Говоря кратко, славянофилы не мыслят правильно ни исторически, ни философски.

В этом отношении славянофильство находится в тесной литературной, философской и временной связи со всем тогдашним политическим, социальным, историческим и научным, литературным и художественным романтизмом. Да ведь, кроме того, основатели славянофильства были выдающимися поэтами и писателями романтической школы, а некоторые из них (Хомяков, К. Аксаков) имели такое сильное влияние именно благодаря поэтической форме, в которую были облечены их мысли.

Западный романтизм был вообще реакцией чувства против разума, религии против науки и мышления, идеализма против кажущегося или действительного материализма, традиционализма против новшеств и революции, патриархальности против чрезмерного либерализма, переходящего в вольничание. Итак, славянофильство, в котором можно найти все приведенные элементы, является особым родом русского романтизма.

В историческом и философском (ностическом) отношении славянофильство не может устоять против научного анализа. Там, где оно право, то есть в подчеркивании гармонии чувств и разума, к нему применима критика Соловьева: оно правильно представляет себе теоретически, что гармония человеческого существа и народной культуры должна была бы быть, но ложно и не реально исторически и научно доказывает, что русская культура и русский человек уже представляют собой эту гармонию. Ностическая критика может указать, что славянофилы расхождение разума и чувства, философского рационализма и религиозного иррационализма оценивают лишь внешне, общо и поверхностно.

В нравственном отношении славянофильство Хомякова, Киреевского и Константина Аксакова стояло очень высоко. Кульминационным пунктом всей теории у них была прежде

всего, культурно и морально, умственно и сенситивно совершенная гармоническая человеческая личность. Путь к ней для них лежал через развитую русскую культуру и русскую веру — в этом отношении Россия должна была быть спасением человечества, в этом заключался их русский мессианизм. До философской концепции человечности, как это сделал Коллар, до результатов, из нее проистекающих, они, однако, не дошли.

Первоначальное славянофильство должно было быть по духу и основе демократическим. В то время, когда Запад выдвигал учреждения, влияние правительства сверху на народные массы и на устройство общественной жизни, влияние правительственных форм и устройство парламента и конституции, славянофилы выдвигали человека, моральные стороны его духа, а главное его чувство; они обращались непосредственно к народу и хотели повысить его душевный и моральный уровень, облагородить его душу здоровым и прямолинейным чувством... Так они хотели добиться справедливого разрешения общественных затруднений (они были за уничтожение крепостного права). Это должно было зарождалось в людях и обществе чувства альтруизма, любви, уважения к личности, к ее свободе, это должно было парализовать влияние западного рационализма, который индивидуализировал, действовал разлагающе на общество, вел к борьбе за существование, к социальному и экономическому индивидуализму и либерализму, из которых возникли разлагающие социальные и экономические условия, столь характерные для сегодняшнего Запада.

В этом отношении славянофильство означало усиление христианской любви, оно было известным христианским солидаризмом, борьбой за лучшую будущность народных масс; своим демократизмом славянство было революционным по отношению к русским условиям жизни, а некоторые славянофилы (Хомяков) почувствовали это со стороны русских властей; таким образом, гнет русской реакции был для них также тягел, как и для западников. В этом отношении славянофилы сильно приближались к западникам; когда же истинное славянофильство выродилось в панруссизм, то его критики неоднократно на это указывали.

Здесь необходимо подчеркнуть влияние обоих, друг против друга стоящих направлений. Западники (Чаадаев, Белинский, Герцен, Бакунин) очень скоро подпали под влияние славянофилов: они перестают защищать радикальное отрицание всего русского и русской культуры, учатся познавать самую Россию, правильно оценивать русскую культуру и историю и начинают верить в Россию; они особенно встречаются со славянофилами на почве их демократической тенденции и любви к народу и переносят славянофильский мессианизм в социальную область.

Крайние социализаторы западники, революционеры и марксисты лишь продолжают эту мессианскую традицию, видя в западной капиталистической Европе упадочное явление, предназначенное к гибели. Они отрицают ее и требуют, чтобы революционная новая Россия спасла мир, указав ему путь к царству социальной справедливости. До трагического абсурда этот русский социальный мессианизм был доведен современной практикой русского большевизма.

Наконец, славянофильство подкрепило своими демократическими тенденциями, своим возвышением мужика, народа, своей проповедью любви и альтруизма отдельных классов друг к другу и облагораживания жизни простого народа и народническое движение. Гоголь, Чаадаев, Тургенев, Герцен бесспорно сходятся в этом с славянофилами.

О Достоевском не надо особо даже и говорить: в «Братьях Карамазовых» есть место, которое является прямо противопоставлением западной и восточной культуры и защитительной перифразой главных славянофильских тезисов.

11. Резюмируя в нескольких синтетических фразах целое славянофильство и его влияние, мы должны повторить:

Первоначальное славянофильство Киреевского, Хомякова и Константина Аксакова является в основе не политическим славянофильством, это теория философии истории и философии религии, основывающейся на оценке истинного русского духа — народности, православия и самодержавия. Оно видит в них усиление различных факторов русской культуры: инстинкта, чувства и веры в противовес западному разуму. Славянофильство — это русская философия, являющаяся противоположностью умственному скепсису англичанина Юма и критике разума немца Канта, противоположностью церковной веры философскому рационализму Запада, консервативного русского традиционализма критическому конституционализму и либерализму Западу. Вера поддерживает фатализм, разум и мышление революционизируют. Славянофильство в своей основе ведет к консерватизму и даже к реакции.

Поэтому славянофильство является выражением так часто повторяемой антитезы: Европа — Россия; Запад — Восток; разум — чувство, инстинкт, религия; поэтому славянофильство постоянно выдвигает эту проблему, которая занимала и западников, не даром же они разделились на позитивистов и материалистов (Герцен, Бакунин, социалисты, марксисты) и остальных западников, признающих веру и придающих значение чувству.

Это не входит в план моей работы, а потому я касаюсь всего этого лишь бегло. Да, спор разума и чувства, спор о гармонической личности был правильно поставлен славянофилами.

Ошибочно было лишь то, что они верили и утверждали, что разрешили его своей славянофильской теорией. Этот спор не был лишь их спором. И западники поняли его огромное значение и разрешали его на Западе, в Европе в системах современной философии. В сороковых и шестидесятих годах XIX столетия он был снова выдвинут и мы боремся вокруг этой проблемы до сегодняшнего дня; из за него борется вся Европа, так же, как и Россия и все человечество. Борьба разума и веры наполняет всю современную философию, в славянофильской формулировке она лишь очень сильно бросается нам в глаза. Необходимо тут же сказать, что и в России и в русской культуре рядом с инстинктом, чувством и верой имеется и разум; с другой стороны и в культуре западных народов инстинкт, чувство и вера выступают против разума. Славянофильство неправильно объявило своей привилегией защиту чувства и религии. В этом отношении оно ошибалось, не оценивая правильно исторически и философски остальные европейские культуры.

Славянофильский спор есть ничто иное, как философско-исторический, философско-ностический спор, являющийся одним из выражений и доказательств борьбы современного человека за гармоничную личность, в котором бы одинаково развивались разум и чувство, познание и вера, за правильное соотношение науки и веры, за правильное постижение реальности жизни путем разума, чувства, интуиции.

В этом отношении славянофильство было чисто русским, фантастическим преувеличением неразумных элементов. Но что то роковое и грандиозное светится, когда сквозь его теории мы видим, как все, что происходило в последние сто лет в России, как развитие всей истории и культуры 150 миллионного народа, принимающее часто весьма трагические формы (начиная от насильнического западничества Петра Великого и кончая трагическим насильственным перезападничанием современных большевиков) выражает собственно лишь эту борьбу, в своей основе ностическую, в то время, как на Западе его разрешают без фанатизма и кровопролития философы спокойно в своих кабинетах и ученых трудах.

Славянофильство оказало широкое влияние на культурную жизнь современной России. Во-первых, оно имело положительное влияние уже тем, что в движении было ценного, а именно постановкой вопроса о разуме и религии, Европе и России; формулировкой основы русской философии истории, хотя бы и не вполне верной; своей демократической тенденцией, обращающей внимание на мужика; усилением национального элемента, дающего основу для выдвижения вперед сначала всего русского, а потом и славянского. Думаю, что нет нужды снова

подчеркивать, как чувствовала на себе это влияние русская литература и философия (Соловьев).

Далее оно влияло положительно качеством тех людей, которые создали и распространяли славянофильство: Киреевского, Хомякова и прежде всего К. Аксакова. Огромное отрицательное влияние оно имело благодаря тому спору, борьбе из за своих идей, которые оно вызвало, однако, именно это привело русскую, а позднее иностранную общественность к точному изучению и познанию русской истории и культуры вообще.

Это первоначальное славянофильство оставалось прежде всего движением не политическим, а лишь теоретическим, философским и литературным. В этом же смысле мы должны сказать здесь хотя бы несколько слов о том, какое оно приняло участие в создании современной славянской идеи и точно указать его место среди ряда элементов, из которых складывается современный славизм.

Развитию и созданию современной славянской идеи славянофильство содействовало не непосредственно — в этом заключается его основное отличие от славянства колларовского. Целью философии Коллара является создание при помощи индивидуалистической философии XVIII века целой всеславянской теории; исходя из освобождения собственного народа, он переходит к освобождению и единению, по крайней мере культурному, всех малых славянских народов в целях совместной обороны; таким путем он доходит до создания сначала славянского, а потом всечеловеческого союза, конечно, однако, прежде всего при помощи великого русского народа.

Мессианиззм Коллара, с одной стороны, является более интеллектуальным, с другой, славянским, более демократическим, ибо он включает на равных правах в совместную работу все славянские народы, лишь русскому народу он приписывает более выдающуюся роль благодаря его многочисленности. Киреевский и Хомяков хотели спасти мир при помощи России, русское православие было для них в этом случае основным орудием, их чувство России сознается главным образом, как особый род национализма, к которому могут присоединяться, как второстепенные элементы, и остальные славяне, поскольку они не подпали еще совершенно под влияние западного мышления, католицизма и либерального конституционализма*).

Таким образом их славянофильство действует на славян-

*) Было бы интересно разобрать в соотношении с русским и чешским и польский мессианиззм Мицкевича, который хотел духовно и религиозно спасти мир при помощи религиозного мистицизма польского католицизма, а политически при помощи франко-польского союза. Это сравнение дало бы хорошие характеристики этих трех славянских народов.

скую идею не непосредственно и лишь постольку, поскольку постоянное подчеркивание русской национальной идеи усиливает национальное чувство и у остальных славян и постольку их русской мессианизм импонирует своей огромной концепцией иным мыслителям и деятелям, работающим во имя славянской идеи; славянофильство влияет славянски лишь в отраженном виде, как сильный элемент, в котором, несмотря на то, что он формулирован исключительно в русском духе—остальные меньшие славянские народы могут чувствовать культурную, а иногда и политическую опору для своей борьбы. Славянофильство логически должно было вести к панруссизму и русифицирующему панславизму. При этом славянофильство не создало непосредственно собственной славянской идеологии, как мы ее понимаем теперь и как мы это видели у Коллара.

Необходимо констатировать, что славянская философия и теория Коллара стоят выше, чем русское славянофильство. Они стоят выше и философски и человечески, несмотря на то, что славянофильство, благодаря своей концепции, приобретает известное величие и философскую глубину. Коллар ищет спасения своего народа в философски обоснованном славянстве, которое достигает вершины в человечности; в этой борьбе за моральный идеал человека должны принять равноправное и одинаковое демократическое участие все славяне, без стремления одних подчинить себе других. Это его идеал в будущем. Славянофильство же нашло совершенную форму идеальной человеческой личности! это русский с его культурой, и русский же спасет человечество. На остальных славян оно обращает чрезвычайно мало внимания, оно принимает немного в расчет лишь православных балканских славян, католические славяне не укладываются в его систему.

Таким образом славянофильство непосредственно и в полном смысле слова теорией славянства не является. Но его взгляды становятся основой политических доктрин панславизма и панруссизма, которые имели решающее влияние на развитие современной славянской идеи и которые до сих пор на практике доказывают свою живучесть. Поэтому необходимо подвергнуть их более точному анализу, дабы мы могли таким образом, во-первых, правильно определить влияние славянофильства на современную славянскую идею, с другой, отвести панславизм и панруссизм на соответствующее им место, которое им теоретически и практически по праву принадлежит, как в прошлом, так и в настоящем, в так называемой славянской политике.

VII. *Панславизм, его развитие, смысл и современное состояние. Панславизм, как политическая доктрина, и пангерманизм — панруссизм.*

12. Определить точно, чем был и что хотел панславизм, не легко. Само это понятие имеет много значений и до сих пор еще точно не определено; что касается доктрины, то она, за некоторыми исключениями не была ясно формулирована, так что содержание этого понятия изменялось, как у тех, кто его защищал, так и у тех, кто против панславизма выступал. Поэтому никогда не было, да и теперь нет всеми принятого и точно определенного содержания так называемого панславизма. Из за этого в значительной степени происходят и современные споры о панславизме: часто противники спорят потому, что каждый подразумевает под панславизмом нечто иное чем другой и, не имея возможности договориться и сблизить свои взгляды, они не признают друг у друга даже объективности.

Сюда относятся прежде всего споры с немецкими писателями и политиками. До сих пор среди немецких, австрийских и венгерских критиков панславизма я не нашел ни одного, который бы правильно понял, расценивал и объективно определил основу, характер и неясности панславизма *). Точно так же, как многие из славян имели туманное понятие о панславизме, не беспокоясь о его содержании и удовлетворяясь этой как раз очень удобной неясностью, которая прикрывала его слабости и фантазии, так и немецкие, австро-немецкие и венгерские критики (да и итальянских и западно-европейских критиков приходится обвинять в том же), до войны так же, как и теперь судили о панславизме неверно, не исторически и не объективно, а иногда и демагогично; они удовлетворялись грубым политическим воплощением расплывчатого славянского чувства в политической программе всеславянской империи, преисполненной ненавистью к Берлину, Вене и Будапешту, и стремящейся завладеть Средней и Южной Европой и добиться первенства в Средиземном Море.

Я бы хотел прежде всего указать сложность понятия и развития так называемого панславизма, на то, чем он был ранее и что от него осталось сегодня и, наконец, попытаться сделать выводы для будущего из истории его развития.

*) Некоторым исключением в этом отношении является профессор О. Гетш, который в своем труде «Russland als Gegner Deutschlands», изданном в Лейпциге в 1914 г. (уже во время войны), признает совершенно объективно, в противовес большинству немецких политических писателей, что русская официальная политика не совпадала с панславизмом и даже видела в нем для себя опасность; он судит довольно трезво о панславизме и правильно характеризует некоторые его стороны, хотя и он не мог писать тенденциозно.

Определению понятия панславизма я предпослал бы прежде всего следующее:

а) В широком смысле слова под панславизмом подразумевалось всякое теоретическое и практическое политическое движение, целью которого являлось прежде всего политическое объединение в какой бы то ни было широкой политической, административной и государственной организации всех славянских народов.

б) Обычно панславизмом назывались все стремления, особенно русских, как официальных, так и неофициальных кругов целью которых являлась совместная работа с балканскими славянами и их политическая поддержка против Австро-Венгрии или Турции или же борьба за их политическую независимость в особенности в эпоху турецкого ига. В обычной политической терминологии (у немцев и на Западе вообще) панславизмом считалось всякое стремление России к Царьграду.

в) Наконец, в наиболее широком смысле слова в обычной политической терминологии панславизмом считалось каждое более или менее энергичное подчеркивание близкого родства славянских народов, особенно, когда к констатированию этого факта прибавляются выводы, требующие или более тесной совместной деятельности или даже культурного союза (в смысле идей Коллара и всех его наследников у нас, в России, в Югославии и Польше), или же строящие на этом факте возможность взаимной поддержки (моральной и политической) одного славянского народа другим против общего противника, даже в том случае, если этим не нарушалась территориальная целость отдельных государств (так называемый «культурный панславизм»).

О действительной и точной формулировке панславянской доктрины с философской и политической точки зрения, как это мы видели у пангерманизма (Логард, Трейчке, позднее Рорбах, Ревентлов и иные), в прямом смысле слова трудно даже говорить, если не считать попыток Данилевского и Фадеева и еще менее точных формулировок некоторых иных представителей (например, Погодина). Но и эти попытки не воплотились в сильное, получающее решающее значение в практической политике массовое движение, как это было с пангерманизмом. Славянофильство и идеи Коллара не были панславизмом.

Обо всем этом я бы хотел сказать теперь несколько слов.

13. Попытки первой формулировки панславизма, как политической доктрины были сделаны, во-первых, под влиянием политической международной ситуации, а во-вторых, под влиянием уже изложенных выше доктрин славянского единения и славянства вообще. На практике, кроме того, имели сильное влияние обе тенденции русской традиционной политики: тер-

риториальные стремления на Балканы и в Константинополь, и культурно-религиозная традиция православия, стремившегося получить наследие Византии. Славянофильство и славянские идеи Коллара влияли преимущественно теоретически. Это означает, что то, что называется панславизмом в какой бы то ни было форме, коренится прежде всего в России и Чехословакии, частично в Югославии. Во время последнего фазиса создания панславянской доктрины на нее сильно влияли международные политические отношения второй половины XIX века, международная позиция России и ее неудачи в Европе; славянское движение стало для нее помощью и орудием в ее политических планах. В тот момент, когда оно перестало ее удовлетворять в данных потребностях, она его отбросила.

Я уже упоминал, что Николай I, продолжая традиции экспансивной политики против Турции, требовал в 1853 году протектората над турецкими христианами и что после Крымской кампании, которая вслед за тем открылась, Россия, пораженная европейскими державами, дождалась после парижского мира в 1856 г. тяжелых разочарований. Официальные и неофициальные круги, видевшие в этой политике поддержку балканским славянам, приняли антирусское движение Австро-Венгрии прежде всего, как глубокую неблагодарность по отношению к России за подавление революции 1848 г., а коалицию Англии, Франции, Австро-Венгрии и Германии, как изоляцию России и европейской политике. Для тех, кто занимался славянскими вопросами, это было побудительной причиной для приискивания союзников: балканские славяне были такими союзниками России в предпринятой ею военной кампании, австрийские и венгерские славяне могли ими стать, если бы в России на них обратили внимание, что, кроме того, прямо напрашивалось, благодаря враждебным отношениям Австро-Венгрии к России.

Эти настроения и тенденции стремятся использовать и практически; первым симптомом подобного стремления было основание в Москве в 1857 г. Славянского Комитета, — его организация вышла из славянофильских и тех кругов, которые позднее развились в панславизм и панруссизм. Программой общества была материальная и моральная поддержка балканских славян, распространение православия и православной культуры в славянских государствах на Балканах, содействие изучению России и развитию сношений с нею. Участие славянофильских кругов придало всему обществу определенный характер (Хомяков, Аксаков, Самарин). Хотя участие и деятелей более прикосновенных политике и коими характеризуется в славянском движении эволюционная линия чисто практической политики (бывший министр народного просвещения, Уваров, Ми-

хшил Погодин, Катков, Бахметьев с своей стороны на подготовлявшуюся совместную работу обоих направлений и на будущее их слияние (после смерти основателей и представителей классического славянофильства).

Начало царствования Александра II, ознаменованное политическими и социальными реформами, носило такой характер, который мог усиливать эту тенденцию сближения со славянами иных государств. Попытки улучшения положения в русской Польше могли особенно дать в этом направлении широкий размах всему движению. Все это подготовляло благоприятную почву для развития славянского движения в России.

Однако, неудачная польская революция 1863 г. имела, как известно, весьма отрицательные последствия для всей внутренней русской политики. Западная Европа снова выступила против России и прежняя международная изоляция, создавшаяся после Крымской кампании снова и еще более дала себя почувствовать. Вскоре после этого осуществленное объединение всей Германии (1866 г.) подействовало на некоторых славянофилов, как соблазнительный пример для крепкого, внутреннего единения России, особенно в связи с тенденцией Польши к сепаратизму. Правительственный режим, как в Польше, так и во всей империи под влиянием революционных событий становился все более и более крутым; общественное мнение, настроенное против Польши, становилось все более и более националистическим и влияло и на без того националистическую самодержавную бюрократию. Катков, Иван Аксаков, Самарин выступили энергично против Польши, несмотря на то, что классическое славянофильство, бывшее против поляков прежде всего, как против католиков, видевшее выражение русского (и славянского) духа в православии, защищало все же отделение чисто польских губерний от России и предоставление им автономии.

Кроме того, славянофилы-политики или уже вернее панслависты, начали защищать руссификаторскую политику в Польше и переходить от классических славянофильских теорий к практическому русскому славянофильству. Это стремление получило свое внешнее выражение в основании Катковым, М. Милютиным и князем Черкасовым старорусской национальной политической партии; официальная правительственная политика пустилась по этим путям и прежде всего занялась подавлением польского и католического влияния во всех так называемых польских провинциях: в Литве, в пограничных польско русских губерниях, в Украине, а, наконец, и в самой Польше. В 1867 году была уничтожена администрация русской Польши, заведено централистическое деление на десять губерний с русской бюрократией и знаменитым руссификаторским

режимом и началось систематическое грубое вмешательство в вопросы школы, церкви и языка. То же самое, начиная с 1863 года, началось и по отношению к малоруссам. Эта националистическая политика широко развивается до 1870 г.

Так, в 60 и 70 годах, которые в известном смысле являются вершиной первого периода практического политического славянского движения и означают его значительное развитие, на русской почве ставится совокупность славянских вопросов во всей их сложности: с одной стороны, с начала XIX столетия до 48 года начинают выдвигаться общие идеи о славянском единстве и взаимности; в 48 г. и от 1863 до 70 г. рядом с этими идеями, выдвигаются теории славянофилов, обращающих внимание на различие между славянами восточными и юговосточными (особенно Россией), и западными, которые в отличие от остальных хотят видеть славянство передовым и демократическим, международно определившимся, приближающимся скорее к чехословацкой концепции. В 1865 г. Погодин, в 1880 г. снова совместно со Спасовичем издают историю славянских литератур, где они выдвигают в широких размерах единство славянской литературы и культуры. Все это поддерживает и усиливает развитие славянского движения.

В противовес этому западно и средне-европейское национальное движение поддерживает в России национальные стремления поляков и вызывает также сильное украинское движение (Драгоманов, Шевченко и иные). Официальная Россия, а за ней и значительная часть политического общественного мнения хочет, с одной стороны, воспользоваться всеобщими славянскими теориями и тенденциями для своих политических планов, а с другой, — во внутренней политике бросается в ярый руссификаторский национализм. Так в этих вопросах русская официальная политика постоянно колеблется между противоречиями.

Таким образом, мы имеем дело с четырьмя значительными фактами русской славянской политики, которые с тех пор повторяются в различных формах до наших дней:

а) Неясные тенденции всеславянской солидарности без всякого конкретного выражения и склоняющиеся к гуманному панславизму*).

*) Первыми проявлениями политического панславизма, не много более точно формулированного, можно считать следующие попытки: в 1804 г. русский писатель В. Н. Каразин советовал Александру I оказать сербам, как религиозно, так и национально близкому народу, помощь против турок и остаться в враждебных отношениях с Австро-Венгрией, ибо задачей России должно бы было быть основание великой славянской империи, простирающейся до Адриатического и Эгейского моря, с Албанией и Македонией и южными австрийскими землями включительно. Точно так же говорил и Броневский. Другое предложение и попытка были проповедывание славянской федерации в 1823 г. обществом декабристов «Соединенные

б) Национальный партикуляризм, требующий полного уважения прав отдельных национальностей и на русской территории (польско-русский и украинско-русский спор).

в) Постепенно становящееся политическим славянофильство, выдвигающее позднейший лозунг реакционной политики: самодержавие, православие и народность, и идущее естественно в своих последствиях к стремлению соединять и сливать прежде всего и главным образом православных славян.

г) Русский национализм, стремящийся к господству на Балканах и выкристаллизовавшийся, в конце концов, в пан-русизм, и официальная правительственная политика, опирающаяся на него в различных своих фазах в зависимости от международной ситуации, политика, которая одновременно пользуется всеславянскими тенденциями и лозунгом освобождения славян, поддерживает их движение, а одновременно дома безжалостно и грубо преследует, как национальную и политическую (демократическую) опасность, так и сепаратистические движения отдельных народов, пользуется славянофильством, для своей политики среди православных славян, но отвергает его демократические тенденции, (преследование Хомякова, Киреевского, а позднее и Самарина).

Все это составляет всем известную славянскую политику русского правительства, начиная с Николая I и кончая Николаем II. Во всем этом сказывается, с одной стороны, неясность взглядов и понятий о сущности так называемой славянской проблемы вообще, с другой, совершенно определенная тактика делать прежде всего то, что служит непосредственным интересам России (я не обвиняю за это!) и особенно правительственного и государственного режима. Непреодолимое отвращение к полякам и украинцам, постоянная тенденция сливать славянство с народностью (русской) и православием и, наконец, отвращение к демократии и прогрессу показывает, что славянские тенденции русской официальной политики были в основе своей традициями реакционными. До самой русской революции эти затруднения составляли главные препятствия для рус-

---

Славяне»; это общество имело более демократическую внешность и уважало независимость отдельных славянских народов. Украинский деятель Костомаров формулировал в 1845 г. подобный же план, надеясь в этой федерации обеспечить независимость Украины. Подобные же неясные и политически недостаточно выкристаллизованные заключения делались на основании стремлений Михаила Погодина в 1840—48 годах. В начале славянофильы были решительно против политического панславизма. Это ясно выражено в показаниях Ивана Аксакова, когда в 1849 г. он был подвергнут допросу и письменно изложил свои взгляды, в которых он отвергает панславизм, как опасность для русского православия и автократии; к этим заметкам император Николай собственноручно приписал, что это был бы просто конец России.

ской славянской политике. Дальше мы увидим, что она не преодолела их при помощи неославянских новых попыток.

14. При развивающемся в таком направлении, характеризующем положение дел, неясностями и нащупываниями в славянских вопросах состоялся так называемый второй славянский съезд в Москве в 1867 г. (паломничество Палацкого, Ригра и Браунера в Москву), созданный в первую очередь при уже описанных условиях группой русских, интересующихся славянством. (Ломонский, Погодин и иные). В течении всех своих работ съезд явил яркую картину этих неясностей и программных нащупываний всех вождей славянского движения.

Поляки не приняли участия в конгрессе; это было естественным последствием антипольского режима, политики самого правительства, и отношения общественного мнения. Остальные австрийские славяне приняли его с радостью после разочарований 1848 года, после разочарований в борьбе за австро-венгерскую конституцию и против дуализма. Что касается русской политической общественности, то она, принимая в соображение международное положение, приветствовала его восторженно и с большим удовлетворением. Съезд имел на нее бесспорное влияние. Правительство само держало себя сдержанно, особенно по отношению к иностранным руководящим деятелям, какими являлись, бесспорно, Палацкий и Ригр. Из русских руководящих деятелей на съезде были Погодин, Аксаков, Катков, Черкасский, Ломонский и иные.

Съезд, сопровождавшийся целым рядом манифестаций и речей при банкетах, сводившихся к провозглашению славянского единения и дружбы, получил важное значение, благодаря своему характеру и сущности вопросов, над которыми работали его участники. Главный вопрос заключался в том, как усилить идею славянского прежде всего культурного единения и взаимности, а целью всех постановлений было облегчить и усилить возможность взаимного изучения и общения всех славянских народов. Было предложено созывать периодически каждые два года такой славянский съезд: в 1869 г. должен был быть созван конгресс в Белграде. И будущие съезды должны были заниматься прежде всего вопросами культурной взаимности (художественной, литературной, научной); должна была быть основана Славянская Матица и выработана научная терминология. В Москве должен был быть организован славянский комитет, для продолжения всей этой работы, поддержки и организации славянской взаимности с расчетом превратиться в будущем в центр и исполнительный орган всего движения.

Вторым важным элементом всех этих переговоров были публичные заявления политического характера, сделанные руководящими деятелями съезда, особенно же выступления Риг-

ра, Погодина, Каткова, Аксакова и князя Черкасского, югославянского представителя и иных. При этом возникли противоречия, которые были неизбежны при тех обстоятельствах. Погодин, Аксаков и Ригр высказали открыто свое сожаление по поводу отсутствия поляков. Ригр на заявления русских представителей в своем ответе реагировал весьма энергично, требуя равенства и равноправия всех славянских народов, и подчеркивая необходимость примирения русских и поляков (он требовал для Поляков строго этнографической Польши), полагая, что русские, как действительные носители славянской идеи, как народ сильнейший и свою силу сознающий, должны сделать первый шаг.

С этим тесно связаны две другие мысли, которые Ригр постоянно выдвигал и которые хорошо освещали чешский план (а также и остальных западных славянских народов) славянского единения, взаимности и политики и одновременно определяли и внутреннее расхождение на съезде: Ригр, Палацкий и еще некоторые сильно подчеркивали то, что славянская совместная работа может быть осуществлена лишь на основе равенства славянских народов и при полном уважении их национальных особенностей, традиций, истории, языка и веры. Таким образом, это была не славянофильская и не русская, а демократическая и современная концепция. Ригр и Палацкий показали себя людьми 1848 года и идеологами, исходящими из основ либерализма французской революции и индивидуализма первой половины XIX-го столетия.

Вторым явлением, характерным для московского конгресса, было другое заявление Ригра, сделанное 15-го июня 1867 г. и гласившее, что в первую очередь дело идет о культурном сближении, об обмене мнениями и взаимном изучении без всяких политических умыслов и планов, без угроз остальным народам. Заявление это было, прежде всего тактическим шагом, сделанным в связи с практической чешской и югославянской политикой в Австрии и для успокоения венского и берлинского правительств. Как мы уже говорили выше, петроградское правительство само высказало весьма ясно венскому правительству свое отрицательное отношение к съезду и демонстративным планам чехов. С точки зрения проблемы славянской политики это заявление интересно тем, что оно повторяется во всех фазисах развития славянского движения и является выражением или сознательной половинчатости или непосредственности в мышлении. Необходимо сказать себе вполне откровенно, что каждое движение, борющееся за славянскую взаимность, будь оно самым платоническим и прикрываясь какими угодно культурными интересами, имело и имеет в своих последствиях политическое значение и вес. Это невозможно замаскировать.

Я упоминаю об этом уже в связи с московским съездом потому, что те же внутренние противоречия выступят перед вами еще ярче в неославянских предприятиях. Говоря об этом в этой связи, я не хочу сказать этим, что съезд был чисто панславянским и что его участники были панслависты. Наоборот, Палацкий перед съездом и после него высказывался за австро-славизм, так же, как и Ригр, и против универсальной славянско-русской монархии, то есть против панславизма, несмотря на то, что после съезда в Москве его первоначальные антипатии к России сильно ослабели. Чем больше разочаровывался Палацкий в постепенном разрешении вопроса в Австро-Венгрии, тем охотнее он мирился с Россией (введение дуализма завершило это развитие). Ригр в Москве говорил точно так же, как неослависты в 1918 г. Но конгресс происходил как раз в ту эпоху, когда после неуспеха первой формулировки австро-славизма, развивался и создавался панславизм и таким образом он имел значительное влияние на развитие славянского движения в России. Я привожу все это в данной связи для того, чтобы мы могли яснее сознать соотношение панславизма и панруссизма и славянской идее 1908—1912 годов. Московский съезд является наглядным доказательством развития славянской проблемы за последние 60 лет: перед конгрессом австро-венгерские славяне поскольку они надеются на благополучное развитие событий на родине, являются австро-славистами, однако, борьба за конституцию их разочаровала и они обращаются к России; съезд для Палацкого является высшим выражением этой руссофильской тенденции. После съезда вследствие международных и внутренних событий, как это мы увидим дальше, происходит новое отклонение, однако, гораздо более слабое, чем первоначальное отвращение австро-венгерских славян к России во время революции 1848 г. В общем, конгресс является доказательством, насколько в этих вопросах был незначителен конгресс 1867 г. до последней войны и насколько поставленные тогда вопросы были до сегодняшнего дня мало разработаны и разрешены в духе современной эпохи.

Я не хочу заниматься подробно всем съездом; все это достаточно известно. Известно так же, какие отзвуки вызвали заявления Ригра и взгляды Палацкого. Черкасский и Катков сильно реагировали в антипольском смысле; Катков защищал антипольскую русскую политику, а князь Черкасский припомнил притеснение руссинов в Галиции. Я хочу лишь указать, что благодаря всем этим заявлениям о славянской взаимности московский съезд принадлежит к современной эпохе: у него были те же затруднения, как и у неославянского конгресса, он выдвинул те же проблемы и проявил у большинства своих участников ту же неясность понимания правильных методов развития так называемого славянского движения.

Съезд не мог или не хотел (по крайней мере некоторые участники) разрешить некоторые поставленные вопросы и возникшие противоречия, он не сумел их продумать, проникнуть в их существо или сделать по крайней мере попытку их разрешать.

Московский съезд входит довольно неорганически в ход развития славянской идеи в России. Он внес в русскую общественность и в те круги, которые интересовались этими вопросами, не много западного света, воздуха и, конечно, западных противоречий. До этих пор русское общество и идеологи славянства в России питали тремя главными элементами свои размышления о славянстве: чувствительным и туманным сознанием связи славянских народов, славянофильскими теориями о православии и русском мессианизме, реминисценциями и верой в русскую миссию на Балканах освобождения православных славян из под ига турок. При поверхностном разборе и незнании славянского вопроса естественно определялся политический вывод в виде руссификаторского панславизма или панрусизма. Резко высказанные идеи Палацкого и Ригра поразили их довольно неприятно, несмотря на то, что аполитичное славянофильство со своими демократическими тенденциями было им близко; в этих идеях было слишком много неприятной правды. По этим то причинам московский съезд остался в развитии славянской идеи в России лишь скоро забытым эпизодом, эпизодом скоро и совершенно отброшенным политическими условиями данного момента и правительственной политикой, которая хорошо видела, какая опасность скрывается в нем для русского самодержавия, бюрократии, теократии и реакции вообще. Известно, как император Николай I в 1849 г., а подобно ему и император Александр III и Николай II, под влиянием Победоносцева, отвергал и панславянские политические тенденции, указывая на то, что это бы означало, с одной стороны, борьбу с законными монархиями соседних государств, а с другой, — опасность для современного режима православной теократии в самой России.

Но на ряду с этим московский съезд бесспорно увеличил интерес к славянскому движению всюду, где жили славяне, специально же среди русской общественности. Этот интерес проявился в усилении споров по поводу всех вопросов, с ним связанных. Споры скоро перешли на арену характеризуемую двумя следующими элементами: один, который бы я назвал игрой в панславизм (я не хочу недооценивать того, что было важного и ценного в этих дискуссиях) и другой, который стал первым точным опытом выработки конкретной программы политического панславизма.

Эд. БЕНЕШ.

Пер. Н. Мельникова-Папоушек.

Фуанцузский финансовый кризис*).

Франция переживает тяжелый финансовый кризис. Государственный долг, тяготеющий над ней, чрезвычайно затрудняет разрешение этого кризиса. Внутренний долг Франции исчисляется сотнями миллиардов, а к этому нужно еще прибавить громадную тяжесть внешнего долга. Надо урегулировать не только долг банкам (то, что называют коммерческим долгом), но еще и политический долг, образовавшийся из займов, полученных во время войны и после войны в Англии и С. Штатах. Французский плательщик налогов еще не почувствовал на себе давления этого внешнего политического долга, но разрешение вопроса о междусоюзных долгах не будет уже долго оттягиваться.

Для страны с обесцененной валютой наличность большого внешнего долга представляет серьезную опасность. Необходимость добывать иностранные девизы для уплаты по этому долгу может отразиться губительно на валютных курсах, сделать невозможным бюджетное равновесие, вызвать рост цен и прибежание к эмиссии бумажных денег. Правящие круги видят теперь эту опасность. После весьма долгого периода упрямого оптимизма, они поняли, наконец, необходимость решительных мер. Но не слишком ли поздно, встает тревожный вопрос. Несомненно, конечно, что никакое правительство никогда не должно считать, что время для действий уже прошло. Его долг выработать тщательную финансовую программу, чтобы вытащить страну из колеи, в которой она застряла. Это именно и делается в настоящий момент. Многочисленные предложения внесены в парламенте. Конечно, они вызывают ожесточенные разногласия. Я ставлю себе задачей дать в настоящем очерке обзор главных вопросов из этой области, волнующих французское общественное мнение.

Прямые налоги или налоги на потребление?

Политический мир разделен на два лагеря по вопросу о том к каким из этих налогов прибегнуть, чтобы разрешить нынешние затруднения. Правительство г. Бриана рекомендует налоги на потребление, в частности, оно отстаивает налог на

---

*) Настоящая статья написана специально для «Воля Россня» одним из лучших знатоков финансовых вопросов во Франции, профессором государственных финансов в Парижском Университете Гастоном Жезом.

платежи*). Демократические партии высказываются против налогов на потребление и требуют вотирования прямых налогов. Финансовая комиссия палаты отвергла предложение правительства и приняла программу демократических партий. Но тем не менее споры и возражения в самом парламенте и вне его продолжают. Работы финансовой комиссии волнуют общественное мнение.

Парижская пресса в общем относится отрицательно к позиции демократических партий, той парламентской группировке, которую называют картелистским большинством. Она упрекает их в неуступчивости, в упрямом отвержении всяких примирительных решений. Она обвиняет их даже в византизме. К чему эти бесконечные споры по второстепенным вопросам? Налог есть налог, каков бы ни был. Зачем же отвергать налоги, предложенные правительством; не все ли равно — те или другие? Для чего медлить или, вернее, топтаться на одном месте?

Я оставляю в стороне конституционный вопрос, вопрос о том, отвечает ли парламентская комиссия своей роли, заменяя собственной программой налогов программу, предложенную правительством. Это проблема во Франции давно решена в утвердительном смысле. Я лично считаю такое решение неправильным, но в нем нельзя винить нынешнюю финансовую комиссию: она лишь продолжает установившуюся традицию. Не с сегодняшнего дня только финансовые комиссии нарушают прерогативы правительства и палаты; они упраздняют всякую идею об ответственности правительства в финансовых вопросах. Правительство должно было бы поставить вопрос прямо перед палатой. Но как бы то ни было, не приходится сейчас возражать против существующего порядка обсуждения.

Переходя к существу вопроса, не касаясь деталей различных налогов, я полагаю, что демократические партии палаты стали на верный путь. Они поступают правильно, борясь против программы правительства, отвергая, не соглашаясь ни на какие компромиссы, налог на платежи, какое название бы ему не присваивали. Речь идет в действительности о том, чтобы определить за счет каких социальных классов произойдет ликвидация нынешнего финансового кризиса. Налог на платежи означает, что владеющие классы экономические наиболее сильные, а следовательно и наиболее платежеспособные сбросят эту тяжесть на плечи бедных классов и без того страдающих от нынешнего несправедливого фискального режима.

Налог на платежи, если бы он прошел, означал бы, что

*) После получения редакцией статьи Г. Жеза во французской палате депутатов имели место прения по вопросу о налоге на платежи, кончившиеся поражением правительства.

демократическое большинство, избранное для того, чтобы реорганизовать на демократических началах французские финансы, признало себя неспособным осуществить свою программу и что оно смиренно склонилось перед властными требованиями и презрительным отказом владеющих классов. Этим классам до сих пор удавалось отбрасывать от себя тяжесть, которая по справедливости должна лечь на них. Своими криками они стараются внушить стране, что демократы непримиримы, что в их рядах отсутствует дух примирения, что они готовы скорее разорить страну, чем уступить. Эти обвинения не должны никого ввести в заблуждение.

Если допустить, что выбор налогов имеет второстепенное значение, почему же тогда консерваторы отвергают с такой решимостью проекты демократов картелистов? Если налог есть налог, каков бы он ни был, почему отвергают они демократические налоги? В свою очередь, левые партии могут сказать: примите наши налоги временно, — вы же сами требовали от нас и требуете еще и сейчас, чтобы мы согласились на временное введение налога на торговые обороты и налога на платежи. Консерваторы клеймят такую точку зрения антинациональной. Они уверяют, что только налог на платежи соответствует интересам страны. Это абсолютно недопустимо. Когда после выборов в 1919 г. консервативные партии получили в палате большинство, они воспользовались этим, чтобы провести налог на торговые обороты, давящий народные массы. Тогда все протесты демократов были напрасны. Им было заявлено, что это налог временный, который будет сокращен или даже вовсе упразднен при первом удобном случае. Уменьшение налога? Оно заключалось в том, что в 1924 г. этот налог был усугублен, повышением ставок, вотированным консервативным большинством.

В 1924 году на выборах в палату демократы обещали избирателям уничтожить налог на торговые обороты и заменить его более демократической фискальной системой. Председатель совета министров заявил в финансовой комиссии, что он сам лично обещал это избирателям на 20 избирательных собраниях. Но он вместе с тем утверждал, что это обещание абсолютно ни к чему не обязывает и не имеет никакого значения. Но многие депутаты чувствуют себя еще связанными своими избирательными обещаниями и, по словам одного социалиста, не являются достаточно крупными персонажами, чтобы считать себя в праве нарушить данное слово. Эти депутаты отказываются усугубить налог на торговые обороты налогом на платежи, или другим соответствующим налогом на потребление. Можно ли их порицать с демократической точки зрения и можно ли утверждать, что такая политика направлена в

ущерб интересам нации; есть ли это неуступчивость или честность?

Передача монополии.

Одним из крупных вопросов является вопрос о финансовом оздоровлении путем передачи табачной монополии частному капиталу. Один из вождей консервативной партии предложил передачу эксплуатации табачной монополии одной американской компании. Называли при этом очень значительную сумму — 350 миллионов долларов, что составляет при курсе доллара 25 франков — около 9 миллиардов бумажных франков. Некоторые называли даже цифру в 20 миллиардов франков. Перечисление таких громадных сумм сразу вызвало сочувствие к комбинации многих парламентариев и граждан. Сменявшиеся министры финансов заявили, однако, единогласно, что они открыли досе по этому вопросу и тотчас же его закрыли. В нем не было ни одного серьезного предложения. Этим дело закончилось. Можно весьма сожалеть, что обсуждение этого вопроса с обеих сторон было таким лаконическим. О передаче монополии, как будто речь шла о серьезном деле, будут, конечно, еще говорить. Я убежден с своей стороны, что если бы все отдавали себе точный отчет в его значении, то идея эта была бы единогласно отвергнута. В настоящее время по этому вопросу имеются два больших течения. Одно высказывается за передачу монополий частному капиталу, другое настаивает на их сохранении за государством. Но это, так сказать, лишь акты веры. Сторонники и противники распределяются согласно их политическому сгедо: консерваторы требуют передачи монополии, левые партии категорически эту мысль отказываются даже обсуждать. Рассмотрим этот вопрос спокойно, ибо весьма часто самый подход к вопросам бывает неправильный.

Табачная монополия вовсе не является государственным предприятием, имеющим целью удовлетворение какой-нибудь важной общественной потребности. Ее ни с какой стороны нельзя сравнить с такими предприятиями, как железные дороги, почта, телеграф, телефон и проч. Табачная монополия меньше всего преследует развитие физического, интеллектуального или морального благополучия французов. Это всего навсего известная техническая процедура взимания налога на продукт широкого потребления. Цель табачной монополии чисто фискальная, исключительно финансовая. Существуют другие монополии, имеющие одновременно финансовую цель и цель социальную. Таковая, например, в некоторых странах, спиртная монополия, которая может быть организована ради борьбы с потреблением спиртных напитков, борьбы с социальным злом, каким является алкоголизм. Табачная монополия

не подходит под эту категорию. В настоящее время потребление табака — правильно или нет — не рассматривается, как явление, затрагивающее интересы общественного здоровья. Государственные власти не заботятся вовсе об охране здоровья курильщиков. Злоупотребление табаком еще не признано социальной опасностью. Вот основные соображения, которые необходимо иметь в виду при обсуждении этого вопроса.

На первый взгляд может показаться, что передача эксплуатации табачной монополии частной компании не должна бы вызывать никаких принципиальных возражений. Здесь речь идет ведь только о получении прибыли, о том какая из двух систем взыскания налога на табак может дать больший доход казначейству: эксплуатация этой монополии самим государством или передача ее в руки частного капитала. При нынешнем положении наших финансов вполне понятно, что многие высказываются за то решение, которое кажется им наиболее выгодным для государства, не заглядывая глубже в суть вопроса. Казне необходимы деньги, деньги можно таким путем найти, — в этом заключается вся их аргументация. Но это весьма поверхностное отношение к вопросу.

Табачная монополия является исключительно известным способом взимания налога на потребление, — не надо забывать этого. Этим способом разрешается проблема, старая, как мир. Взимание налогов непосредственно самим государством — является одной из основных реформ французской революции. Разве уже забыли, что старый режим практиковал весьма широко ту систему, которую предлагают теперь ввести для налога на табак, т. е. систему откупа. До 1789 г. прямые налоги, как и налоги на соль, на табак и т. д. отдавались на откуп. Если система откупа является лучшим способом для взимания налога на табак, то почему не вернуться к этой системе в применении и к другим налогам, как до 1789 года?

Откуп означает взимание налога предпринимателем, уплачивающим в обмен за это право определенную сумму государству. В конце XVIII столетия, после векового существования этой системы, единогласно и с энтузиазмом было решено ее упразднение. Еще Вобан в XVII веке и Монтескье в XVIII выступили с разоблачениями злоупотреблений откупа. Революция 1789 года реализовала реформу, которой они безуспешно добивались. Конституанта организовала непосредственно взимание налогов органами государства, а не через откупщиков. С тех пор, — во Франции как и в других странах, развитие цивилизации шло вперед. Налоги взимаются способом, установленным революцией, а не путем откупной системы.

Во Франции имеется только один местный налог, который

иногда взимается через откуп — это пошлина на съестные припасы. Откуп является, следовательно, устаревшим и осужденным способом взимания налогов. Этот способ был упразднен во Франции и во всех передовых странах. Он применяется только еще в странах с рудиментарной администрацией, где взимание налогов еще плохо организовано. Непреодолимое движение против откупной системы определялось очень серьезными причинами, ибо оно явилось всеобщим. Здесь не место излагать их подробно. Сторонники отдачи на откуп табачной монополии, очевидно, этих фактов довольно известных не знают.

Фискальные усилия.

Чтобы разрешить нынешний кризис, необходимо серьезное фискальное усилие. Многие во Франции надеются на чудо, но оно не произойдет. Так как чуда ждут с мистическим пылом, то всякая новость, могущая показаться вестью о таком чуде, встречается проявлениями радости. Например, добровольная подписка или патриотические пожертвования. Как только об этом зашла речь, всюду раздались радостные крики: «Наконец-то, правильно значит нам говорили, что это произойдет. Не надо никогда отчаиваться». Да, не надо никогда отчаиваться, но не надо также ждать невозможного. Всякая страна может спасти себя лишь собственными усилиями. Она должна рассчитывать только на самое себя. Только в этом истина, остальное — иллюзии.

Патриотические пожертвования являются чистым миражем: кризис не может быть разрешен добровольными подаяниями. Впрочем, нельзя также потребовать сразу от страны перманентной жертвы, превышающей ее силы и ее мужество. Силы велики, но мужество им не соответствует. Нужно брать людей такими, какими они есть, и из этого исходить при своих расчетах. Надо, следовательно, разрешать вопросы в порядке их последовательности. Нужно добиваться, чтобы налоги покрывали дефицит бюджета, но нельзя требовать, чтобы этими же налогами консолидировались краткосрочные долги, немедленной амортизации государственного долга, не говоря уже о монетной реформе: это было бы чрезмерно. Г. Лушер выдвигал такую программу и в этом была его ошибка, что ему и было доказано. Из всех его прекрасных проектов осталось лишь воспоминание об еще одной рассеянной иллюзии.

Дорога из нынешнего тупика начертана ясно — необходимо немедленно разрешить два основных вопроса: равновесие бюджета и консолидация краткосрочных долгов. Налоги могут дать суммы лишь для реализации равновесия бюджета. Но нужно стремиться к созданию истинного серьезного равновесия, а не к чисто внешнему равновесию, на бумаге, оптими-

стическому и обманчивому. Впрочем, весьма странно, что до сих пор не могут установить точной цифры действительного дефицита. Оценки разнятся в зависимости от момента и разнятся на несколько миллиардов. Необходимо честно подсчитать дефицит, без стремления во что бы то ни стало его уменьшить. Недопустимы никакие колебания для вотирования всех необходимых налогов, имеющих целью устранение дефицита. Это минимальная жертва, которую нужно потребовать от страны. Налогоплательщики не могут отвергнуть ее, иначе произойдет катастрофа.

Консолидация краткосрочных долгов должна иметь место одновременно, но путем добровольного займа или мораториума. Будем надеяться, что это окажется возможным путем добровольного займа. Добровольный заем нельзя отвергать на основании плохих результатов сделанного несколько месяцев тому назад опыта. Основная ошибка заключалась тогда в том, что не была обещана гарантия валютного курса. Это было бы лояльно и честно. Необходимо всегда в финансовых вопросах выбирать комбинации наиболее откровенные и честные. Глубокая ошибка была в том, что норма процента была определена в четыре процента, тогда, как капитал приносит сейчас 8—9 и 10 процентов. Государство не может платить за деньги дешевле частных лиц в силу только простого министерского решения. Однако, эту иллюзию разделяли французские министры финансов всех режимов. Американцы, англичане давно от нее отказались. В действительности, слишком низкая норма процента приводит неизбежно к неудаче займа, даже когда предлагаются дорого стоящие компенсации в форме различных премий, фискального иммунитета и т. д. Три основных базы добровольного налога для консолидации должны заключаться в следующем: 1) высокая норма процента, могущая привлечь капиталистов, 2) гарантия против обесценения валюты, 3) амортизация в 30 или 40 лет. Выгодное и прочное помещение капиталов, обусловленная амортизация для ближайшего периода — такова программа, которую необходимо немедленно осуществить. Она не сложна, и не превышает ни силы, ни финансового мужества страны, она честна и понятна. Когда это будет сделано, можно будет немедленно перейти к реформе денежной системы, а потом, немного позже, к серьезной амортизации, но, отказавшись от миража амортизационной кассы. Желая все сделать сразу, не добьются ничего серьезного.

Финансовые иллюзии.

Прения по финансовым законопроектам в палате депутатов ярко выяснило настроение весьма распространенное в парла-

ментском мире. Люди выдающегося ума доходят до веры в том, что единственный способ могущий привести к финансовому оздоровлению страны — образование компактного большинства вокруг правительства для проведения его программы. Если этот счастливый случай произойдет, тогда все улажено и спасение найдено. Если, наоборот, те или иные ораторы обращают внимание на финансовую сторону вопроса и оспаривают финансовую целесообразность правительственных проектов, их клеймят последними словами: это плохие демократы, они компрометируют дело спасения, они играют в руку правым.

Необходимо дать себе отчет в том, что для оздоровления положения необходимо два основных условия: первое, самое важное, выработка целесообразной финансовой программы, второе — наличие большинства, чтобы эту программу вотировать. Оба эти условия необходимы. При отсутствии одного из них разрешение кризиса невозможно. Было бы большой ошибкой думать, что какой бы то ни было финансовый план, единогласно принятый палатой, уже является хорошим, ввиду его единогласного вотирования. Однако, мы именно при таком зрелище сейчас присутствуем. Консервативные партии отстаивают программу финансового оздоровления, главным пунктом которой является восстановление доверия. Они полагают, что доверие может быть восстановлен переменной политической персонала. Они не видят, что доверие было разрушено плохой финансовой политикой, потому что применяли всякие меры, за исключением правильных финансовых способов: бумажные деньги, займы, всевозможные финансовые уловки, вызывающие кучу воспоминаний финансовой истории, столь богатой, однако практикой недопустимых способов. Они также подвергаются политиканской деформации ума, полагая, что спасение придет от перемены персонала. Все политические партии поочередно стояли во Франции у власти *). О какой из них можно сказать, что она улучшила финансовое положение. Бесспристрастный ответ гласит, что ни одна из них этого не сделала и не в том ли причина этого, что вопрос всегда рассматривался с парламентской точки зрения, и что не было действительного стремления выработать финансовую программу, способную разрешить кризис. Главное видели в том, чтобы обладать большинством в парламенте. Только с этим считались и это продолжается и по днес. Это одна из самых больших иллюзий и она затрудняет разрешение вопроса.

Гастон Жез

Профессор Парижского Университета.

*) За исключением социалистов. Прим. редакции.

Социальный строй России.

I. Задачи работы.

Под социальным строем стран или государств я понимаю — в ближайшем смысле — сложение их из различных социальных групп, играющих различную роль в обществе.

Существо этих социальных групп определяется выполняемыми ими в жизни общества функциями, занимаемым ими положением, их правами и привилегиями, их обязанностями и повинностями, теми материальными благами и теми духовными ценностями, которыми они обладают, тою внутреннею жизнью, теми целестремлениями, тем творчеством, которые они несут в себе и вносят в общество. Я называю эти группы социальными, — а не экономическими, культурными или политическими, — ибо последние представляют скорее нашу абстракцию (как законное, но условное допущение для исследователей), чем реальное явление, реальный же социальный строй каждого общества состоит из групп синтетических, «комплексных», т. е. заключающих в себе — в разных пропорциях и комбинациях — элементы и экономические, и культурные, и политические, плюс еще такие цельные, собственно «социальные» переживания — как, например, «бытовые» явления, — которые неразложимы на эти элементы.

В разные эпохи и в разных странах эти группы весьма различны. В Индии это — «касты», то есть, группы лиц, отличающихся сразу и юридически, и экономически, и культурно, и даже этнографически. В средние века это были «сословия», различавшиеся сразу и политически, и экономически, и культурно. В странах современной культуры это по преимуществу «классы», то есть группы прежде всего экономические, но не только экономические, а также обладающие элементами культурными, бытовыми, юридическими, политическими, т. е. также являющиеся *социальными комплексами*. Таким образом мы рассматриваем здесь формальным образом именно классовое строение России, но берем не только классы, как таковые,

т. е. как чисто экономические категории, а именно как «социальные группы», как сложные социальные комплексы.

Очевидно, какой первостепенный интерес представляет изучение этих социальных структур, этих социальных групп и в отдельности, и во взаимодействии. Весь социальный лик разных стран различен до крайности, до противоположности, в зависимости от того, много ли в них социальных групп, сложна ли их структура, или проста, сильны ли в них старые традиционные группы, или новообразующиеся, — верхние, нетрудовые, или нижние, трудовые, какова напряженность и каков характер внутреннего творчества групп и их борьбы между собой, каков ход и исход образования, развития, отмирания этих групп, вообще социального отбора между ними и т. д.

Между тем, к сожалению, вследствие господства в общественном ведении специализации, «элементаризма», в частности, — экономизма, такое *социальное* изучение *социальных* групп почти не производилось. Современные социальные группы преимущественно изучались, да и то недостаточно, лишь как абстрактные экономические категории, под классами понимались чисто и только экономические группы. Благодаря этому, реальная социальная структура и социальная жизнь, столь глубоко различная в разных странах и имеющая такое огромное значение, остается — по научному — слишком мало исследованной и слишком мало понятой.

С другой стороны, у нас в России (как, впрочем, и повсюду) мешали научному изучению и пониманию социального строя еще различные политические субъективизмы. Они окрашивали разные классы то одними, то другими априорными пристрастиями: буржуазия и пролетариат, крестьянство и интеллигенция представлялись нам в разные десятилетия в противоположных тонах и стилях не в результате сменяющихся выводов объективного их изучения, а просто вследствие смены настроений и умонастроений, вследствие «смен вех» самой интеллигенции. Так, например, крестьянофильское народничество идеализировало патриархальный быт и старую общину и боялось «разложения» их от вторжения новой культуры и капитала, а крестьянофобский марксизм поставил над этими старыми «устоями» старой деревни крест и призывал капиталистическое ее «расслоение», — но оба (как увидим) были очень далеки от реальности и т. д. Все это создало такую атмосферу ходячих предрассудков, что представление о социальном строе России создавалось не исследователями и статистиками, а политиками и публицистами.

И насколько велико это засилье априорных предубеждений и пристрастий, показывает тот разительный факт, что предлагаемый ниже очерк представляет повидимому, первую попыт-

ку прямой и всесторонней *научной* характеристики социального строя России*). После ста лет работы социальной мысли и яркой жизни социализма, мы, оказывается, не взялись еще за прямое научное освещение центральной проблемы: *каков же собственно социальный строй новой России?*

Само собою разумеется, что при таких условиях предлагаемый краткий — можно сказать, кратчайший — очерк не может претендовать на полное разрешение столь большой и сложной проблемы. Он берет эту тему лишь в самых обобщающих чертах, лишь эскизно и схематически. Он представляет собою как бы первый набросок, как бы конспект книги.

Трактуются здесь эта проблема следующим образом. В основу изучения поставлена новая пореформенная Россия, — как она слагалась в период от 1861 до 1917 года, — с дорисовкой сначала ее главных исторических корней, а затем тех изменений, которые произошли в революционные годы. Основной задачей является изучение самого сложения — как бы «анатомии» — социального организма России. Каждой социальной группе уделено соответственно столько внимания, сколько требуется ее относительным значением и сколько позволяется соответствующими научными материалами. Крестьянству отведено центральное место, как представляющему основное тело России и как наиболее ясно освещенному научно-статистически.

Обобщающие черты социальных групп и социального строя России выражены мною в фактах и цифрах, которые представлялись мне самыми главными и наиболее твердо установленными. Выводы мои не считаю ни непогрешимыми, ни исчерпывающими и буду глубоко удовлетворен, если ими будет начато *серьезное научное* обсуждение: оно нарушит самодовольное невежество и послужит к углубленному познанию нашей родины.

Я решился взяться за столь трудную работу главным образом потому, что занимаюсь специальным изучением основной социальной силы России — крестьянства, притом именно, как цельного социального комплекса. Кроме того мною проведены некоторые исследования и другой характернейшей социальной группы России — интеллигенции, как трудового класса. Таким образом, многие главнейшие пункты этой работы суть собственно обобщающие тезисы этих моих особых исследований. Конечно, именно, как исследователю, мне самому более.

*) Насколько знаю, эту проблему трактовали или частично, или чисто философски, — всего интереснее были исторические подходы, — или публицистически. Задачей близкой к предлагаемому очерку, занимался, насколько знаю, Н. А. Рубакин, в книге «Россия в цифрах», изд. 1912 года, но эта работа, при некоторых несомненных достоинствах, имеет в значительной степени популярно-пропагандистский характер.

чем кому-либо, ясны все недочеты этого очерка, писавшегося в неблагоприятных условиях. Но они неизбежны во всякой такой новой работе. И, как ни труден и не ответственен первый шаг, надо его сделать.

II. Исторические предужазания.

Социальный строй России глубоко своеобразен. Объясняется это чрезвычайным своеобразием географии и истории России. Только из этих историко-географических особенностей можно понять происхождение и характер современного социального уклада России.

История Западной Европы выработала сложный социальный строй. Основой его явился феодализм: запутанная сеть групп и зависимостей — сюзеренов, вассалов, вассалов этих вассалов, подданных и полуподданных, отношения коих славились частью из насилия и захвата («кулачное право»), частью из тысячи разнообразных договоров. В городах слежились классы крупной, средней и мелкой буржуазии, цеховые организации с мастерами, подмастерьями и т. д. Сильную и многочисленную социальную группу составляла церковь. Сильна и разнообразна была группа интеллигентных профессий. Существовала особая группа бюрократии. Само крестьянство делилось на множество резко различных разновидностей. При этом нередко эти сословно-классовые различия осложнялись и углублялись национальными.

Из всех этих социальных напластований сложилось многоэтажное здание, или, скорее, нагромождение зданий со множеством лестниц и ступеней, ходов и переходов, в котором наконец, — наряду с большими достижениями, — стало нестерпимо жить и которое было частью разрушено, частью упрощено и перестроено Великой Французской Революцией и ее отражениями в разных странах. Но все-таки, большая часть этих сложных социальных сил, хотя и в измененном виде, остается и сейчас и делает строение европейских стран чрезвычайно сложным.

Совсем не то было в России.

Правда, в первые два-три века известной нам тысячелетней ее истории в ней, повидимому, начинал складываться некоторый вид подобной же буржуазно-феодальной социальной структуры. Это выражалось в сильной социальной жизни городов, в развитии власти князей с дружинами, это усиливалось общением с Западом и т. д. Но последующий поворот истории и татарское нашествие, а затем самодержавие, особенно в лице Ивана Грозного разбили это складывавшееся социальное строение и с необходимостью обусловили сложение в России совсем иного социального строя.

С одной стороны, была крайне подавлена вообще культура России и в особенности жизнь городов. В связи с этим буржуазные классы пришли в чрезвычайную слабость, и хотя, конечно, существовали и играли известную роль, но несомненно более слабую и подчиненную, чем на Западе. Настолько же было относительно ослаблено развитие и влияние духовенства, чиновничества и интеллигентных профессий. Обеднение городов и культурных очагов привело к образованию огромной однотонной сельской Руси с соответственно упрощенным социальным строением.

С другой стороны, и социальный уклад самой сельской России, в силу тех же, а отчасти и других причин, оказался иным, более упрощенным, чем на Западе. Это выразилось, если не в совершенном отсутствии, то во всяком случае в крайней слабости феодальной системы. Это — решительный вывод русской исторической науки. Если даже следовать за тезисами Н. П. Павлова-Сильванского, весьма талантливо отстаивавшего существование и в России ряда проявлений феодализма, то во всяком случае это были лишь его элементы и зачатки, не успевшие окрепнуть и развиться и настолько же не образующие еще *феодальной системы*, насколько отдельные разбросанные по степи деревья еще не образуют леса.

И вглядываясь в историко-географические условия России, мы видим, почему в ней не было и не могло быть феодализма. Ему не оказалось места между двух основных исторических сил России: между центральной государственной властью и крестьянством.

Зачатки феодальных отношений, повидимому, складывались в удельной системе и при дальнейшем ее развитии могла бы вероятно сложиться сеть договоров и лестница сюзеренов и вассалов, подобная западным. Но два мощных социальных движения повернули Россию в другую сторону: сверху государственная крыша, стягивавшая огромную страну воедино, сплющивала, раздавливала возникающий феодализм, снизу же фундамент его — крестьянство, которое «брело розно» — расплзался, растекался под ним и беспрерывно расшатывал, расхлябывал его.

Развитие феодализма из «удельной» системы означало движение центробежное, вело к разделению России. Движение центростремительное, объединение России требовало сильной центральной власти, которая неминуемо должна была столкнуться с удельной организацией и вообще со всеми зачатками феодализма и так или иначе подавить их. Единство племени, языка и веры устремляло все области Руси к объединению. Татарское иго уже повелительно и неотложно повело к этому объединению, к этой сильной центральной власти, к этому подавле-

нию раздробляющего Россию феодализма, — ибо только через такое объединение она могла притти к освобождению. И «собирая» русскую землю, московское самодержавие вместе с тем не только уничтожало остатки вечевых городских демократий, но и зачатки феодального строя, ослабив сильное «боярство», обратив его в служебное, всецело подчинное самодержавию «дворянство».

Правда, при этом, в отплату за эту службу, самодержавие допустило образование крепостного права, а под конец даже развило его. Оно, так сказать, не дав феодализму расти вверх, допустило рост его вниз. Но внизу он натолкнулся на мощь крестьянства. И крепостное право явилось в России во многих смыслах ограниченным.

Слабая населенность России, широкие просторы ее полупустых окраин давали крестьянству прибежище от закрепощения, оно уходило и бежало от господ, и государство с этим мирилось, отчасти само даже этим пользовалось, ибо только это заселение расширявшихся пограничных окраин осваивало, закрепляло их России. Таким образом, вокруг старой центральной России с закрепощенным крестьянством образовался с севера, востока и юга огромный пояс земель, почти свободных от крепостного права, заселенных свободными «государственными» крестьянами (с юга — «однодворцами» и «казаками») и в результате лишь меньшинство земледельческого населения России — до 2/5 — прошло чрез крепостное право, большинство же его не знало. Кроме того, у части владельцев (преимущественно у крупных) крепостное право было фактически несколько смягченным. Длилось оно в общем от 200 до 300 лет, а у многих крестьян и гораздо меньше. И никогда оно не входило в правосознание крестьянства, которое лишь подчинялось насилию, но вело против него неустанную хроническую борьбу, а два раза — в восстаниях Разина и Пугачева — сотрясало его до самых оснований.

При этом весьма важной и характерной чертой этого крестьянского класса России, — по преимуществу вышеуказанного не крепостного его большинства, — явилась известная исторически и органически сложившаяся самостоятельность и организованность. Конечно, в Московской деспотии крестьяне жили в бесправии, личность крестьянина была под гнетом и произволом администрации, но, во-первых, не многим лучше было правовое положение и иных сословий, а, во-вторых, — и это — главное — фактически крестьянство — по крайней мере не крепостное — пользовалось *некоторой экономической и культурной автономией*.

Государство, заинтересованное в хозяйственном процветании своей основной финансовой и политической опоры, стара-

лось не мешать крестьянскому хозяйствованию. Не имея само в этой сфере никакой твердой собственной правовой системы, оно естественно и неизбежно сводило свое крестьянское законодательство преимущественно к кодифицированию бытового права, фактически слагавшегося у самих крестьян. Таким образом, между прочим постепенно сложилось — в борьбе за землю при сгущении населения — из семейно-захватного общинно-передельное владение землей, которое стало для крестьян как бы своеобразной и осложненной бытовой кооперативной организацией, которое сосредоточило в себе обширную и энергичную хозяйственную и правовую самодетельность и сделалось организационной ячейкой крестьянства, как класса.

С другой стороны, обладая очень слабыми культурными силами и очень несовершенным административно-техническим аппаратом, российское самодержавие принуждено было дать местным крестьянским организациям известное самоуправление, — и во взимании налогов, и в суде, и в администрации, и в материальном благоустройстве, и в культурной деятельности, особенно в жизни церковных приходов и т. д. Купол самодержавия, высившийся над огромной страной, оказался так далек от крестьянской массы, что не только позволил, но и обусловил ее «самовольство» и «самодельство», ее самодетельность и самоорганизацию.

Еще более слабыми, чем дворянство, — наш суррогат феодализма, — явились другие сословия и классы. Духовенство, чиновничество, профессиональная интеллигенция, мещанство, пролетариат оказались на ряд столетий настолько же слабыми и зачаточными — по сравнению с Западом, — насколько была слаба и зачаточна тогдашняя культура России. Равным образом, наш торгово-промышленный класс, хотя при огромности и богатстве страны и сосредоточил в себе известную хозяйственную силу и проявил некоторые яркие инициативы (например, в освоении Сибири и т. п.), но по своей экономической и культурной отсталости не мог идти и в сравнение с капитализмом и буржуазией Западной Европы. При этом, если на Западе все эти силы — феодалы, церковь, буржуазия, интеллигенция, — были более или менее самодетельными и организованными — и остались таковыми и при абсолютизме, и при демократии, в России эти социальные группы имели весьма мало самодетельности и мало организации и с течением времени все более их теряли (особенно церковь).

Таким образом, если мы захотим выразить основные черты своеобразного социального строя России, как он органически сложился в ее истории к моменту уничтожения крепостного права и окончательного вступления России в культурно-гра-

жданственную эволюцию европейского типа, то должны будем сказать следующее.

Своеобразные историко-географические условия России создали в течение ее тысячелетней жизни столь же своеобразную социальную организацию: вместо высокого, узкого, многоэтажного, сложно-классового, стиснутого теснотой социального здания западно-европейского типа — особого рода пирамиду с низкой, плоской безмерно вширь раскинувшейся базой крестьянского класса, со слабыми над нею прослойками средних и высших классов и с высоким и тяжелым куполом абсолютизма над ними.

Купол абсолютизма имел функции по преимуществу внешние: сначала стягивал русские земли и освобождал их, затем расширял Россию до ее естественных пределов, — а под конец и за них, — наконец, черпал из Европы культуру и технику и ввел Россию в ряд европейских держав. Внутри сам он мало строил: частью просто впитывал в себя материальные средства народа, частью подавлял враждебные социальные силы (вечевые города, боярство, церковь), — а затем, обезвредив некоторые из них, охранял их привилегии и использовал для своих целей, — частью, наконец отверждал в уставах складывавшиеся в быту социальные отношения.

Прослойки средних классов были гораздо слабее и сыграли гораздо меньшую роль, чем на Западе. При этом они либо развивались лишь слабо, либо даже относительно падали в своем значении (как церковь), только дворянство выросло в последнее столетие, если не экономически, то культурно, но именно оно — с уничтожением крепостного права, — получило от того же абсолютизма смертельный удар.

Крестьянская база социального здания России охватывала не только огромное большинство населения, но и главную материальную ее жизнь, равно как хранила и творила в себе ее своеобразную и богатую национальную культуру, — язык, быт, искусство, религию, — колебавшуюся и выветривавшуюся на верхах. Во вне социальная жизнь крестьянства почти не могла сказываться: она вся устремилась на внутреннюю самостоятельность, на создание и выработку многообразных форм бытовой кооперации и своеобразной «общинной», «мирской» организации, вечевых сельских сходов.

В таком частью упрощенном, частью своеобразно сложившемся социальном укладе вступила Россия в пореформенное обновление.

III. Город, индустрия и капитал.

После «эпохи великих реформ», — с отменой крепостного права, с судебной-правовой реформой, с введением всеобщей воинской повинности, с созданием местного самоуправления и т.

д., — Россия, хотя и сохраняя еще самодержавие и многие пережитки дореформенного бесправия, — особенно по отношению к крестьянам и вообще «податным сословиям», — все-таки вступила в более свободную гражданственность, в экономическую и культурную европеизацию. «Окно в Европу» тогда впервые открылось не только правящим верхам, но и всему народу, всей социальной жизни. В этих условиях мог начать слагаться новый усложненный социальный уклад. Частью он мог отражать социальную эволюцию Запада, частью мог составить продолжение и развитие своеобразных социальных особенностей России, созданных ее историко-географическими условиями. В пореформенной эволюции России своеобразно сочетались оба эти направления.

Проблема пореформенной эволюции социального строя сосредоточивалась на следующих сериях вопросов. Во-первых, какова будет судьба старых высших и средних социальных групп — главным образом дворянства, отчасти духовенства? Во-вторых, какая роль предстоит наметившимся раньше средним классам: чиновничеству, интеллигенции, мещанству? В-третьих, в каких размерах и в какой форме разовьется в России с одной стороны капитализм и буржуазия, а с другой — класс пролетариата? В четвертых, наконец, какие количественные и качественные изменения произойдут в огромном классе крестьянства?

В русской социальной мысли, в которой преобладали социалистические течения, наметились два крайних течения. Крайние народники (главным образом в лице г. В. В.) не верили в возможность развития в России сильного капитализма и намечали устремление ее к своеобразному коллективистическому укладу на основах старых общинных «устоев». Решительные марксисты (от П. Б. Струве до В. И. Ленина), напротив предсказывали полную ее «выварку в фабричном котле», ее обновление через «выучку у капитализма», ее «капитализацию» и «пролетаризацию». «Критическое народничество» (начиная с Герцена и Чернышевского) предвидело некоторую комбинацию обоих этих путей. Что же произошло в жизни?

Совершенную невероятность исхода, предсказанного крайним марксизмом, установил уже опыт самого Запада во вторую половину 19 века. Оказалось, что в силу органичности сельскохозяйственного производства, ограниченности его механизации и его производительности, особой важности в нем способностей и стимулов рабочего, его округление не дает в нем решительных выгод, и потому мелкое трудовое земледелие может успешно конкурировать с крупным капиталистическим. И действительно, статистика на Западе в последние полвека установила, что крупное землевладение отнюдь не вытесняет мел-

кое, иногда даже уступает ему и что в самом мелком землевладении отнюдь не происходит «расслоения» на мелких капиталистов и полупролетариев, а иногда наоборот совершается, так сказать, «сслоение», — развитие среднего трудового крестьянства, — того типа, который со слов самих крестьян получил в современной России название «середняка». Этот факт отсутствия капитализации земледелия получил на Западе признание даже со стороны самих марксистов (сначала «ревизионистов», как Давид, а затем и «ортодоксов», как Каутский).

С другой стороны, также невероятным представлялось, чтобы капитализм не развился в торговле и промышленности России. Опыт не только Западной Европы, но и ряда новых стран установил элементарность и универсальность развития индустриального капитализма при всевозможных условиях. Правда, это развитие тоже в самих же западных странах не пошло по той «диалектической» схеме контрастов, как этого ожидал Маркс: рядом с огромной концентрацией капитала и с гигантской крупной индустрией хозяйственный отбор сохраняет все-таки и средние, и мелкие капиталистические предприятия, а главное — социально-экономический уровень пролетариата не опускается, а поднимается и его синдикально-кооперативная самостоятельность начинает закладывать некоторые основы нового трудового социального уклада уже в недрах самого индустриального капитализма. Но во всяком случае нельзя было себе представить, чтобы индустрия в России совсем не развивалась, или чтобы, развиваясь, она не приняла хотя бы этого — уже на Западе осложненного — типа могущественного капитализма со складывающимся внутри пролетарско-трудовым социальным ядром.

Таким образом, уже опыт Запада определенно предрекал невероятность установления в пореформенной России какой либо единой, либо капиталистической, либо трудовой — социальной структуры. Общие тенденции социального отбора с «европеизацией», с «модернизацией» России, должны были, очевидно, развить в ней два различных социальных течения и два параллельных уклада: в деревне — исторически и географически могущественно укрепленный и трудно поддающийся капитализации трудовой социальной строй, а в городе и индустрии — более или менее подобный западному капитализм.

Как же видоизменилась в действительности социальная структура России в последний пореформенный период — с 19 февраля 1861 года по 1 марта 1917 года? Обычно это изменение формулируется, как вторжение и развитие *индустрии, капитализма, города*. При этом эти явления как то смешиваются, или отождествляются. Это, конечно, неправильно. Точное изучение требует прежде всего точного их разграничения.

Несомненно, они в общем связаны между собой, а нередко и сливаются, но есть между ними и существенные различия: капитал и индустрия могут быть и вне города, индустрия — например, ремесленно-кустарная — может быть не городской и не капиталистической, в городе рядом с капиталом есть и труд и его организации, — как кооперация. Поэтому, явления *урбанизации, индустриализации и капитализации* России суть явления особые, и мы должны их строго различать и рассмотреть отдельно.

Начнем с *урбанизации*. Основная всероссийская перепись 1897 года насчитала всего 16,9 миллионов городского населения, чт по отношению к 125,7 миллиону всего населения составляет лишь 13½%. Пропорция эта не только прямо обратна Англии, но совершенно контрастирует и с такими странами, как Франция или Северная Америка. Но может быть городское население в России быстро, бурно развивалось, догоняя Запад? И этого нет. Если верить старым цифрам, то за 44 года от 1812 до 1856 года оно повысилось от 4½% до 9%, т. е. вдвое а за 41 год с 1856 по 1897 год — только с 9% до 13½%, т. е. в полтора раза. Выходит, как будто, что предреформенная *европеизация государства* вызвала более интенсивный рост городов, чем пореформенная *модернизация самой страны*.

Повидимому, тот же темп был и в период от 1897 до 1917 года: приблизительные исчисления дают от 15 до 17% городского населения перед 1917 годом. Некоторые города росли и возникали с американской почти быстротой, городское население росло быстрее сельского, но и сельское росло быстро, и относительная роль городов повышалась сравнительно медленно. Большевицкий разгром задержал рост городов: перепись 1920 года указывает 15,7% городского населения. При таком темпе урбанизации даже и к 2000 году Россия будет только на ¼ городской и на ¾ сельскою страной.

Таков был ход — мерный, сдержанный, — *урбанизации* России. *Индустриализация* ее шла быстрее, ярче, эффектнее.

Если вместо человеческих, бытовых единиц возьмем единицы хозяйственные, денежные, то процесс индустриализации России представится нам особенно ярко. Так, сумма индустриального производства составляла *миллионов рублей*: в 1825 г. — 46, в 1854 г. — 160, в 1887 г. — 1.334, в 1897 году — 2.839, в 1908 г. — 4.907. Правда, в этих цифрах имеется большее преувеличение темпа роста: во-первых, в дореформенные цифры вошла лишь часть производства, а, во-вторых, тут был не только рост производства товаров, но и рост их цен. Но так или иначе, несомненно, частью даже до реформы и особенно за полувековой пореформенный период в России выросла и стала рядом с сельским хозяйством значительная новая хозяй-

ственная сила — капиталистическая индустрия. И если последовать за С. Н. Прокоповичем в его вычислении народного дохода России, то окажется, что по 50 губерниям Европейской России пред войной — в 1913 году — из 11,8 миллиардов рублей всей его суммы только 6,4 миллиарда, т. е. 54,2% составляет сельское хозяйство (с лесоводством и рыболовством) и целых 5,4 миллиарда, т. е. 45,8% падает на промышленность и на транспортные, строительные и торговые предприятия (заметим, впрочем, что для всей России, надо думать, первая цифра больше, а вторая — меньше).

Однако, если мы подойдем к этим цифрам не с чисто хозяйственно-производственной, а с интересующей нас здесь социально-классовой стороны, если спросим себя, в какой мере за этой *индустриализацией* скрывается *капитализация* индустрии, то картина получится существенно иная. «Промышленность» — т. е. несельско-хозяйственные производства разного рода, лишь на $\frac{2}{3}$ — капиталистическая, а на $\frac{1}{3}$ — ремесленно-кустарная, т. е. трудовая. «Транспорт» — частью трудовой (извоз), в большой мере — государственный (железные дороги) и лишь отчасти капиталистический. В строительных (и домовладельческих) и торговых хозяйственных единицах чрезвычайно велика у нас доля трудовых и мелко-капиталистических и полутрудовых владельцев и предпринимателей. Таким образом, *далеко не вся индустриализация есть капитализация. Степень капитализации России значительно ниже степени индустриализации.*

В общем, поскольку степень капитализации выражается в доле народного дохода, то С. Н. Прокопович исчисляет, что из 11,8 миллиардов народного дохода в 1913 году (по 50 губерниям Европейской России) на классы трудовые приходилось 8,7 миллиарда, или 73,7%, на государство — до $\frac{1}{2}$ миллиарда, или 4,2% и на капиталистические классы — 2,6 миллиарда или 22,1%. При этом доля дохода трудовых классов вне сельского хозяйства колеблется от $\frac{5}{10}$ до $\frac{7}{10}$, а в сельском хозяйстве она составляет почти $\frac{9}{10}$. И из 8,7 миллиардов дохода трудовых классов пять миллиардов, т. е. 57,5% приходится на сельское хозяйство. Таким образом, *в России относительно велик трудовой доход, большая доля его сосредоточена в сельском хозяйстве и там он совершенно господствует над нетрудовым.* Сельское хозяйство еще до революции было резервуаром почти чисто трудовой социальной стихии.

Но *деревня — шире сельского хозяйства: крестьянство обладает кроме дохода от сельского хозяйства значительной долей трудового дохода остальных отраслей хозяйства.* Во-первых, около трети трудового дохода от промышленности падает на ремесленно-кустарную промышленность, огромная доля

которой гнездится в сельской России. Во-вторых, и крупная индустрия, как и транспорт, и торговля, разбросаны в значительной части по сельской России и дают заработок на местах крестьянству. В третьих, наконец, даже и заметная часть городских торговопромышленных рабочих (как это показывают данные земской статистики, данные о паспортах, о составе городского населения, анкеты о фабричных рабочих и т. д.) не только выходит из крестьянства, но и сохраняет в деревне свое хозяйство, а нередко и поддерживает и развивает его этим подсобным индустриальным «отхожим заработком».

Эта связь с торговопромышленным развитием была так сильна, что вызвала в связи с переживаниями самой сельской России (в нечерноземной по крайней мере ее части) периодические отливы и приливы в деревне: «бегство от земли» в периоды индустриальных подъемов и обратную «тягу к земле» в периоды упадка и кризиса. В общем итоге, надо думать, не менее половины трудового дохода вне сельского хозяйства впитывалось в той или иной форме крестьянством, деревней. И больше того, сама индустрия, в значительной части разбросанная островками в крестьянском море, усваивалась и переображалась сельским бытом и тем самым в той или иной форме и степени и сама «руризовалась».

Крайне важным при этом является то, что такая связь индустрии с деревней не есть явление временное, преходящее, а наоборот, скорее растущее, развивающееся: она не только связана органически с историко-географическими условиями и тенденциями России, но диктуется и общим новым поворотом в современном хозяйстве.

Ремесленно-кустарное производство рождалось у нас (как это случалось и на Западе) именно из капиталистических фабрично-заводских предприятий, разрастаясь вокруг них (с сохранением товарно-денежной зависимости от капитала), подобно мелкой поросли вокруг дерева. Первоначально оно казалось не только тяжелым для трудящихся, но и в производственном отношении нецелесообразным и нежизнеспособным. Но затем изучение фактически показало в нем известную живучесть и прогрессоспособность.

К этому толкают как технические, так и социальные стимулы. С технической стороны мелкой трудовой индустрии, — и вообще, так сказать, *децентрализованной индустрии*, — открываются широкие перспективы мелких и легких двигателей (электрических и взрывчатых) и с превращением значительной части индустрии из неповоротливой «тяжелой», (употребляя этот распространенный термин в ином, чем принято, смысле), — тип — железная дорога, в подвижную «легкую» — тип — автомобиль, аэроплан, трактор. С социально-организа-

ционной же стороны мелкая трудовая индустрия упрочняется и развивается кооперацией, которая и освобождает от капитала, и увеличивает доход, и расширяет производственные возможности. В результате, открывается широкий путь рядом с централизованной индустрией и казарменным пролетариатом «легкой индустриализации» деревни через кустарно-ремесленное полу-крестьянство.

Сказанным резюмируются те общие тенденции, те возможности и те пределы, которые обнаружили в России для процессов *индустриализации, капитализации и урбанизации*. Что касается этих процессов в большевицкий период, то, частью в виду их общеизвестности, частью, чтобы не выходить из задач этого очерка, я коснусь их лишь в нескольких словах.

Задачей большевизма было уничтожить капитализм, не только сохранив, но и мощно развив индустрию и город в социалистической форме. Но так как этот «социализм» фактически был казарменно-крепостным строем и, уничтожив стимулы личного интереса, которыми движется капитализм, не заменил их никаким иным созидющим стимулом, то труд остановился, и вместе с капиталом упала и индустрия, упал и город. Индустрия упала до 10—20% довоенной и ниже, города пришли в запустение. В три года все три процесса капитализации, индустриализации, урбанизации были далеко отброшены назад.

Но, конечно, как только большевицкая власть, чтобы найти возможность жить, допустила некоторый минимум личного интереса и личного права в хозяйственной области, тотчас же, и город, и индустрия, а отчасти и капитализм, стали восстанавливаться. Индустрия дотягивается, повидимому, до половины довоенной нормы и выше. Города частью восстановились, частью восстанавливаются. Возрождение города и индустрии происходит быстрее чем можно было ожидать, если исходить из того, как низко они упали и как еще подавляюще тяжел режим бюрократизованной индустрии.

Эту быстроту восстановления нельзя понять иначе, как поняв и осмыслив ту стремительность развития, которая проявилась в предыдущих процессах индустриализации России. Война, а затем революция захватила Россию в момент сильного подъема, как индустриального, так и общехозяйственного, так и культурного, так даже и политического. И именно этот размах, именно это могучее устремление всей социальной энергии огромной страны и дали России силы для чудовищно трудной для нее войны, для побед в ней, для немаловажных достижений в военной индустрии, для того, чтобы, как указывают специалисты, превысить в транспорте то, что раньше теоретически казалось мыслимым и т. д. И именно этой предыдущей

инерцией, этим все еще внутренне дрящимся размахом целестремительной энергии и можно объяснить наблюдающийся ныне вопреки всему, в связи с крайними напряжениями, возбужденными самой войной и революцией, быстрый темп процессов восстановления.

Так или иначе, опыт самых последних лет уже устанавливает с очевидностью, что большевицкий эксперимент только временно затормазил процессы индустриализации, капитализации и урбанизации и только временно задержал то «переслоение» социальных групп, то перерождение социального строя, которое ими вызывалось в России.

В заключение выше резюмированных процессов и соотношений, мы можем наметить следующие положения.

Индустриализация России, хотя и далеко отстает от западной, не была, однако, уже и в прошлом такой слабой, как это иногда думают и в пореформенный период прошла значительный путь развития. Но нельзя отождествлять ее с *капитализацией* и *урбанизацией*, ибо она была в значительной части трудовой и сельской.

Процесс *капитализации* был заметно более узким, чем процесс индустриализации, так как охватывал лишь часть последнего и почти не шел вне его, т. е. в сельском хозяйстве.

Процесс *урбанизации* шел в еще более узких пределах, ибо значительная часть индустриализации и некоторая часть капитализации (торговопромышленной) развивалась не в городах, а в деревне.

Из сказанного ясно то общее определение, которое мы можем дать социальному строю пореформенной России, поскольку он видоизменялся ростом индустрии, капитала и города.

Социальная структура России заметно индустриализована, и потому, хотя в общем верным, но наименее верным будет определение ее, как страны *земледельческой*. Поскольку, затем она менее капитализируется, то вернее будет определение ее, как страны *крестьянской*. Наконец, так как всего труднее продвигается в ней урбанизация, то наиболее правильным будет определить Россию, как страну *сельскую*.

Социальная жизнь и социальный строй новой — пореформенной, а также и пореволюционной — России характеризуется всего ближе и общее тем, что она, быстро впитывая и культуру, и технику, и индустрию, является и остается страной *сельской трудовой культуры*.

IV. Буржуазия.

«Европеизация», «модернизация» России преобразовала и оформила по новому и под новыми иностранными названиями

те классы в сословной оболочке, которые назывались раньше купечеством, мещанством, духовенством, чиновничеством и т. д.

В них принято видеть — по аналогии с Западом — «передовые», «прогрессивные» социальные силы России. Но интересно, что, приступая к их изучению, мы сразу же наталкиваемся на своеобразный и разительный факт: в то время, как сельская — помещицье-крестьянская — Россия провела замечательное, единственное в своем роде самопознание и дала — в земской статистике — обильные научные данные для своей хозяйственной и социальной характеристики, — в это время городская Россия, заключающая в себе именно эти «передовые» классы, далеко отстала в научном самоизучении. Поэтому мне придется ниже мало характеризовать их в цифрах, ограничиваясь лишь суммарным резюмированием главнейших характернейших фактов и явлений, которые в общем все-таки позволяют установить некоторые основные их черты.

Самые размеры «новых» классов, в силу этой недостаточности статистических данных, не могут быть исчислены, хотя бы с приблизительной точностью, а могут быть лишь намечены, — исходя из всеобщей переписи населения 1897 года и ряда частных промышленных, профессиональных, городских и т. п. обследований, — в самых грубых суммарных пропорциях (с чем нам, впрочем, приходится примириться в этом обобщающем схематическом очерке). По этим *общим указаниям* класс: «буржуазии», — денежной, торговой, промышленной, рантьеерской и т. д., — составит около 4—5% населения России. Из них примерно до 1% крупной и средней — «купецкой» — и около 4% мелкой — «мещанской».

Так слаба наша буржуазия количественно. Какова же, спрашивается, качественная ее характеристика и какова была ее судьба в пореформенной эволюции и в двух революциях?

Как уже выше было мною подчеркнуто, русская буржуазия не имела той многовековой богатой социальной организации и самодеятельности, как у капиталистов, предпринимателей, торговцев и мастеров на Западе. Эта организация начиналась было, но затем вместе с городами и городской культурой стала клониться к упадку и окончательно была подавлена сначала татарским нашествием, а затем самодержавием. Его тяжелыми стопами зародыши русской буржуазии были затоптаны в низы своеобразной российской социальной пирамиды — почти в уровень со свободной частью крестьянства, поднимавшиеся же иногда все-таки ее верхи в значительной части снимались с нее в служилый класс. Минимум культуры, минимум самодеятельности, минимум организации, экономическая отсталость, политическая подавленность — все это ограничило до минимума

социальные целестремления, социальную жизнь и социальную роль купечества и мещанства в старой России.

Более энергичная жизнедеятельность нашего «третьегословия» начинается лишь с уничтожения крепостного строя. Если на Западе буржуазия складывалась и росла веками и явилась уже во французской революции могучей обновляющей революционной силой, если для нашего дворянства открылось окно в европейскую культуру уже два века тому назад, то для нашего буржуазного класса оно открылось на сто-полтораста лет позже, и собственно возраст нашей буржуазии, как таковой, т. е. как *самостоятельного и самостоятельного капиталистического класса*, равняется всего полувеку. Несомненно что для такого ничтожного срока пройденный ею в пореформенный период путь был сравнительно велик. Но в эту эпоху росли очень быстро в России и другие силы и совершить чудо — перегнать их и отвоевать у них позиции — пореформенная буржуазия уже не смогла и по своей социальной энергии и роли она осталась на последнем месте.

В дореформенной деятельности торговопромышленного класса были очень сравнительно слабы функции производственно-созидательные, а преобладал элемент хищническо-спекулятивный. Только в торговле он так или иначе выполнял необходимую, нормальную социальную роль. К фабрично-заводскому производству он был наименее причастен, ибо оно начиналось в России на крепостных основах. «Кулачеческая» деятельность в крестьянстве была по преимуществу ростовщической и вообще паразитической. Паразитствовал русский капитал и по отношению к государству во всякого рода «откупках», «подрядах» и «концессиях». И вот на этих же спекулятивно-хищнических операциях совершалось и «первоначальное капиталистическое накопление» в пореформенный период. Капитал «разживался» на железнодорожном строительстве, потом на благоустройстве городов, наконец, на спекуляциях с продававшимися дворянскими поместьями, причем почти не внося сам культуры, истреблял «вишневые сады», вообще всяческие культурные накопления дворянства.

Естественным образом, только через два-три десятилетия, только с восьмидесятых и особенно девяностых годов начинают сказываться некоторые положительные проявления свободной конкуренции в эволюции русского капитализма. Он начинает распространяться на производство, на домостроительство и другие положительные функции. Сами торговопромышленники начинают приобщаться к Европе, к культуре. Устанавливается хотя некоторая экономическая самостоятельность русской буржуазии. Она делает первые шаги к вступлению в политическую жизнь. Все это ярче всего сказывается после первой револю-

нии. Но вот в этот именно момент наступает вторая революция и затем большевицкий переворот и он ее опять разбивает и за-таптывает, подобно тому, как некогда татарское нашествие и самодержавие.

Но, конечно, этот разгром русской буржуазии только потому и произошел и мог произойти, что она все-таки была крайне слаба, несравненно слабее, чем на Западе. Там такой разгром просто физически был бы невозможен, ибо крупная, средняя и мелкая буржуазия охватывает очень крупную долю населения, которая обладает огромною, еще большею, по сравнению со своей численностью экономической, культурной и политической силой, которая составляет господствующий и гипотизирующий остальное население социальный тип, которая дает тон, дает стиль и другим, ей подражающим, ее переотражающим социальным группам, в том числе интеллигенции и пролетариату, которая составляет центр всего того социального здания. В России же она явилась пока лишь позднейшей узкой и поверхностной наслойкой. При этом, интересным образом, самая быстрота новейших ее *экономических* успехов составила ее *социальную* слабость. Успехи эти в огромной степени были ей даны «последним словом» техники и крупного производства, — она выросла в экономическую силу при помощи машин и при *минимуме* людского состава, — а потому, скопив в узком круге капиталистов большие хозяйственные ценности, она вовлекла в себя очень малый круг населения и обладала очень малой и узкой сферой социального влияния.

С другой стороны, русская буржуазия оказалась слаба социально-экономически, ибо с трех сторон ее сплющивали три огромных силы: крестьянство, государство и иностранный капитал. Русский капитализм гораздо меньше и слабее, чем русское торговопромышленное хозяйство, ибо оно на большую долю построилось на государстве и иностранном капитале. Вместе с тем, почти не имея тех бытовых и уставных организаций, которые представляли и представляют такую силу на Западе, русская буржуазия сравнительно очень слаба в смысле самостоятельности и организованности.

Культурная отсталость русской буржуазии — общеизвестна и разительна. Если сравнить крестьянство на рубеже реформы у Мельникова-Печерского с купечеством Островского, то, пожалуй, больше культуры найдем у первого, ибо там течет и творится культура даровитого и вольного по натуре народа, в купечестве же застыл, оцепенел реакционный «Домострой». Затем, «Кит Китыч» Островского в 70—80-ые годы превратился в «чумазого», описанного Щедриным, и именно от городских лабазников, избивавших студентов, пошло самое имя «черпой сотни», «черносотенцев».

Конечно, под конец явились и в русской буржуазии культурные сливки — и не только у меценатствующих московских миллионеров, но и у гораздо более ценных культурных одиночек — будителей глухой провинции (собенно, например, среди разбуженных ссыльными сибирских купцов). Но насколько в массе своей некультурной осталась до конца русская буржуазия, это показывает тот разительный факт, что *города России по просвещению отстали от земской деревни*. Так, к 1 января 1915 года 15 уездных земств, т. е. 3% всего их числа, уже осуществили всеобщее обучение и 6% их приблизились к нему, из городов же ни один не осуществил, ни один не приблизился; затем, приняли план всеобщего обучения 88% уездных земств и всего 35% городов, не приступили же к нему лишь 5% земств и целых 39% городов. Наконец, более того деревня обогнала город по народному образованию даже в неземских губерниях.

Слабая экономически, бессильная культурно, русская буржуазия неизбежно оказалась столь же отсталой и ничтожной и политически. Только тонкий слой ее «сливок» пробудился к политической жизни и пришел к либерализму и демократии, сама же она, как таковая, уже внешне модернизованная, была политически равнодушна и безграмотна и способна была изображать — в лице «октябристов» — лишь статистов «самодержавной конституции», лишь «тормоза» столыпинского контрреволюционного режима. Придя к политике уже в разгар борьбы интеллигенции, пролетариата и крестьянства за демократию и социализм, русская буржуазия естественно оказалась на самом правом фланге в рядах фактических врагов демократии.

Этим прошлым русской буржуазии предопределено и ее настоящее. Торгово-денежное-посредническая функция не могла быть, конечно, уничтожена даже и при самом полном «разграблении награбленного», даже и при самой крайней деспотии, называемой ныне самими большевиками «военным коммунизмом». Затем, сам большевизм принужден был ее формально допустить — под названием «НЭП». Но он ее допустил — и только и мог допустить — в первобытной форме, аналогичной дореформенному ростовщичеству, посредничеству, откupu и подряду. Под странным не то по иностранному, не то по жульнически звучащим именем «нэпмана» в большевицкой России кишит толпа измелъчавших и загнанных спекулянтов и аферистов — всевозможных «бывших людей», выходцев из всевозможных классов, частью прямо уголовного типа. Эта толпа уже лишена не только «домостроя», но и всякого быта, всякого социального воспитания, в ней элементы положительные, организованные еще меньше, этот суррогат «капитализма» и «буржуазии» является в большей мере поверхностной пеной и

гнилью революции и реакции, чем живым и определенным социальным классом.

Таким образом, в настоящий момент «буржуазия» в России в смысле количественном полу уничтожена (было бы весьма интересно подсчитать размеры потерянных ею капиталов, но такой подсчет очень труден и не входит в прямые задачи этого очерка). В смысле же качественном она деградирована, понижена до последней степени. В общем она отброшена далеко назад. И когда в России вновь явится режим свободной конкуренции, и буржуазия вновь сможет выйти на социальную арену, то ей придется начинать в значительной степени сначала, притом при более для нее трудных, чем раньше социальных условиях и соотношениях сил: при *усилившемся крестьянстве, при еще расширившейся роли государства, а, может быть и иностранного капитала.*

(Продолжение следует).

К. Кочаровский.

Политические заметки.

„Подготовка октября“ и революционная тактика.

По случаю восьмилетия октябрьского переворота «Правда» напечатала два неизданных письма Ленина. Они представляют большой исторический интерес, как для характеристики самого Ленина, так и для понимания событий трагической осени 1917 года.

Две основные черты политического мышления Ленина проявляются в этих письмах с поразительной яркостью:

1) вульгарно-упрощенное толкование сложных явлений мировой и европейской политики, вытекающей из явного непонимания и незнания *действительной* политической и общественной *жизни* даже тех европейских стран, в которых ему пришлось прожить по несколько лет; самоуверенно-слепой утопизм;

2) и наоборот — большое умение разбираться в той непосредственной политической обстановке, в которой трудно вести борьбу за власть — незаурядный дар политического тактика и стратега, обладающего сверх того чувством иррациональной революционной стихии.

Первое письмо было написано в Выборге 27 сентября и адресовано Смильге, бывшему в то время председателем Областного Комитета армии, флота и рабочих в Финляндии; второе — 8 октября — к большевицкой фракции северного областного съезда Советов.

Вот, как представлял себе Ленин в это время международное положение:

«Взгляните на международное положение. Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запуганность правительства. В Италии дело тоже дошло до массового взрыва в Турине. Но важнее всего восста-

ние в немецком флоте. Надо представить себе неимоверные трудности революции в такой стране, как Германия, да еще при теперешних условиях. Невозможно сомневаться, что восстание в германском флоте означает великий кризис нарастания мировой революции».

Он убежден, что «мировая революция» развивается по тем самым нотам, которые он, совместно с Анжеликой Балабановой, Генриеттой Роланд Хольст и Хеглундом (три вождя «циммервальдской левой» 1916 г., ныне все три отлученные от церкви*) сочинил в Киентале.

Европейская гражданская война уже началась, нельзя терять ни минуту времени; нужно выручать немцев, чехов (!) и итальянцев.

«Подумайте, в каком положении, пишет он, окажемся мы теперь перед немецкими революционерами!»

И дальше: «Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях на такой призыв немецких революционеров ответим только ...резолуциями».

Да, мы будем настоящими изменниками...

Все это оказалось совершенным вздором.

Месяцем позже Ленин с таким же азартом убеждал своих товарищей держаться, пока «подоспеют на выручку Либкнехт и Адлер» с их революционными войсками.

Через полгода пришлось признать, что «ошиблись в темпе» и отложить революцию до «осени, потом до весны». А теперь наследники «гениальнейшего и величайшего» Ленина вынуждены горько жаловаться на «изменивших» и не поддержавших их европейских рабочих, или же так перетолковывать тогдашние откровения своего учителя, что от них ничего не остается, кроме общих мест о «кризисе капитализма», «борьбе пролетариата за власть» или «движении колониальных народов».

Выхолащивание революционно-боевой, переворотнической сущности ленинизма уже началось, как началось в области внутренне русской политики его перерождение, на которое намекала Крупская на 14-ом съезде партии.

Политическое зрение Ленина становится гораздо более острым, когда речь идет о борьбе за власть в обстановке стихийно развивающейся *русской* революции.

Ленин понимал — я думаю лучше многих своих противников, — как нужно действовать в революционный период.

Но прежде чем показать это на примере из названных выше писем, необходимо сделать маленькое отступление.

*) Балабанова исключена из русской партии, Хеглунд — из шведской и объединяется с соц.-демократами, а Роланд Хольст перешла в католичество, хотя, по видимому, еще не исключена официально.

Я, разумеется, не хочу ни в какой мере оправдывать или объявлять допустимыми в политической борьбе *все те методы*, к которым прибегал Ленин. Я лишь утверждаю, что во время революции, особенно если она впервые пробуждает к политической жизни громадное большинство народа, воспитанного в атмосфере насилия, векового экономического и сословного гнета и политического бесправия, обычные «мирные» политические методы неприменимы.

Политическое искусство революционера состоит не только в том, чтобы понять общий смысл революции и определить ее реально осуществимые задачи, соответствующие жизненным потребностям и возможностям народного развития.

Нужно еще уметь использовать *в этих целях* те новые силы, которые вызываются к жизни революционным процессом, разбираться в быстро меняющейся обстановке и понимать, вернее, чувствовать коллективную психологию масс, от которых, в последнем счете, зависит все.

Если Ленин ни в какой мере не обладал первым из этих двух качеств, то нельзя отрицать наличия у него второго.

Дело не только в демагогии и в «подхлестывании» стихии, хотя демагог он был первоклассный, не хуже некоторых из крупнейших «государственных» деятелей европейской или американской буржуазии.

Еще одно замечание: Ленин любил повторять фразу Маркса о том, что «восстание есть искусство». Но это положение есть лишь часть общей истины: политика есть искусство.

Можно быть искусным политиком, не будучи демократом.

С другой стороны, наивно предполагать, что в демократическом государстве все искусство сводится к убеждению и голосованию, к печатанию газет, произнесению речей и подсчету избирательных бюллетеней.

Это было бы, пожалуй, возможно лишь в таком идеальном государстве, где не только была бы осуществлена самая совершенная политическая демократия, но также абсолютное социальное равенство, весьма высокая степень умственного развития и все человеческие поступки повиновались бы исключительно законам логики.

В реальной общественной и государственной жизни современных наиболее культурно развитых и обладающих самыми демократическими учреждениями народов, политические результаты достигаются более сложными приемами и зависят от весьма разнообразных факторов.

Ленин где то сказал, что в современных парламентских демократиях нельзя управлять без обмана, мошенничества и подкупа.

Это, конечно, преувеличения, хотя нельзя отрицать того,

что унаследованные от прежних режимов эти приемы управления применяются нередко, как в интересах «государства», так и в интересах правящих и близких к правящим групп.

Но не в них сейчас дело. Дело в том, что самая честная группа, политическая партия, стремящаяся к самым высшим идеалам, наиболее добросовестный государственный деятель вынуждены считаться с тем материалом, из которого они хотят строить *теперь*. Они должны уметь «использовать благоприятную обстановку», парализовать невыгодные для себя последствия «неблагоприятной», во время заметить «слабое место» противника, во время заключать и расширять союзы и соглашения, находить решения в данный момент, отвечающие общим потребностям, уметь иногда действовать на воображение и т. д.

При этом в самые мирные времена по особенно, конечно, во время серьезных затруднений большую роль играют такие иррациональные моменты, как национальное, религиозное, классовое чувство, сила привычки, пассивное доверие, «prestиж» власти, богатства и т. д., страх, раздражение, невежество и суеверие, просто глупость.

Конечно, в современных классово развитых обществах основной определяющей силой являются *интересы* крупнейших общественных классов. Вытекающие из стихийного хозяйственного развития столкновения объективно враждебных классов и сотрудничество классов. интересы коих совпадают, ведут к *осознанию* этих интересов все большими человеческими массами.

Но как междуклассовая борьба, так и внутриклассовое строительство развиваются отнюдь не исключительно по законам логики.

Вернемся к Ленину.

Он ясно отдавал себе отчет в трех вещах:

Во-первых, что революция есть по отношению к обычной внутренней политической борьбе то же самое, что война по отношению к политике внешней.

«История, пишет он Смилге, сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос военный. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные «злобой дня», мелкими текущими вопросами и «надеясь», что «волна сметет Керенского». Такая надежда наивна, это все равно, что положиться «на авось». Со стороны партии революционного пролетариата, это может оказаться преступлением».

Отсюда вытекало, во-вторых, что условием победы является умение вырвать инициативу у противника и бросить в нужный момент достаточные силы для поражения его в его жизненном центре. «Кажется, пишет он тому же Смилге, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что

играет серьезную военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот. Я думаю, вам надо воспользоваться своим высоким положением, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую, рутинную работу, не терять времени на «резюлюции», а все внимание отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с ним всесторонне, собрать (и проверить самому) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о движении флота и т. д. Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого с прекрасными резолюциями и с Советами но без власти!! Я думаю, у нас есть возможность подобрать действительно надежных и знающих военных, съездить в Ино и другие важнейшие пункты, взвесить и изучить дело серьезно, не полагаясь на слишком обычные у нас хвастливые общие фразы».

А в письме к съезду:

«Дело не в голосованиях, не в привлечении левых эсэров, не в добавлении провинциальных советов, не в съездах их. Дело в восстании, которое *может* и должно решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере — вот где *может* и должно быть решено и осуществлено это восстание.

Как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно бы скорее, как можно энергичнее.

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер».

Можно, конечно, возмущаться этим заговором против демократии и принципиально осудить «захват власти» при помощи «военного переворота», сознательно совершенного «меньшинством» («единственное, что мы можем иметь вполне в своих руках») армии.

Не скрою, что и я сам «возмущался» и «осуждал» в «Деле Народа» на другой день после переворота.

Но во время революции «возмущения» и «осуждения» малого стоят. Революция есть борьба. Те, кто не борется — (еще хуже, если нет даже воли к борьбе) именно *революционным оружием*, — неизбежно терпят поражение.

У нас же думали приблизительно так: революция это есть свержение самодержавия; самодержавие свергнуто, значит, все благополучно и можно начать строить новое государство и новые отношения собственности на основе «общественного договора», общего согласия и последних учебников конституционного права.

Один чрезвычайно умный европейский социалист говорил мне, шутя, в 1918 году: «Вы, русские эсэры, кажетесь мне

типами вроде Жан Жака Руссо (*des types dans le genre de J. J. Rousseau*). Вы вообразили, что можно во время революции строить рациональное государство методами убеждения. Революции так не делаются. Во время революции нужно уметь защищаться и нападать на своих врагов.

Нужно уметь управлять бурным течением страстей.

Лишь те побеждают, кто уверенно и решительно идет к цели. Вы понимали, к чему они шли? Ведь вы знали наших большевиков?

Почему же вы деликатничали с ними? — Во имя демократии? Свободы? Но ведь *демократию* еще должна была только создать *революция*, а *свободу* оградить от посягательств — *власть*».

Так рассуждал умеренный *«реформист»* (в настоящий момент, кстати, министр), и издавна привыкший действовать «легальными» и мирными средствами, но *«историческая память»* которого сохранила полностью реальное живое представление о революции.

У нас же *революционеры*, подпольщики, террористы, всю жизнь проводившие «вне закона», не знавшие легальных методов, как то внезапно уверовали в «бескровную» (и это после 1905 года и во время войны!) революцию и в мирное, без всяких судорог рождение идеальной демократии, не только политической, но и земельной.

Между тем, революция не кончилась, а лишь *началась* в феврале—марте. За демократию нужно было еще *бороться* и нужно было понимать, что, как всегда во время революции, борьба эта должна была получить свое окончательное разрешение не в комиссиях, а *на улице*.

Ленин понимал это и готовил военный кулак. Меньшевики в эсэры, как это ни неприятно признать, не понимали и... выносили резолюции.

Третье, что понимал Ленин. — это необходимость немедленных реальных, понятных народу и отвечающих его желаниям *действий*.

В письме к большевицкой фракции северного съезда он пишет: «Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе, а не разговоров. Ближится момент, когда в народе может появиться мнение, что большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели *действовать* после выражения нами доверия к ним...»

Речь идет о доверии, выраженном рабочими на выборах в Московский и Петроградский Советы.

Ленин указывает затем, с одной стороны, на тревожные «признаки роста апатии и равнодушия», свидетельствующие

об «упадке веры в революцию и в выборы», с другой — на рост *аграрного движения*.

Он, конечно, преувеличивал (по своему обыкновению, для того, чтобы воздействовать на товарищей) размеры этого движения, называя его «Восстанием».

«Громадную силу крестьянского восстания, пишет он, доказывает то, что и соглашатели и эсэры в «Деле Народа», даже Брешко-Брешковская заговорили о передаче земли крестьянам, чтобы притушить движение, пока оно окончательно не перешло через их голову».

Нужно теперь признать, что реальное значение и политический смысл его Ленин понимал лучше, чем временное правительство или большинство вождей тогдашней советской демократии, которые, однако, должны были бы особенно внимательно прислушиваться к деревне.

П. Климушкин, которого нельзя заподозрить в особенной «левизне», описал недавно в очень интересной статье, напечатанной в «Воле России», как развивалось летом 1917 года крестьянское движение — от борьбы за снижения и отмену арендной платы, через более или менее организованный захват лугов и пахотной земли — к анархическому беспорядочному захвату и разгрому.

Временное правительство, исходя из того *принципа*, что земельный вопрос может быть решен только Учредительным Собранием, ограничивалось подготовительной работой, а князь Львов в качестве председателя правительства и министра внутренних дел предписывал пресекать самыми энергичными мерами самочинные действия крестьянских союзов.

Временное правительство считало возможным сохранение старых отношений собственности в неприкосновенности, до принятия Учредительным Собранием закона о социализации земли. Кроме запрещения земельных сделок и запоздалого проекта Маслова о передаче земли земельным комитетам, не было издано ни одного *революционного* закона (декрета), который мог бы рассеять сомнения крестьянства и предотвратить стихийное движение.

В мою задачу не входит исследовать здесь, кто за это ответственен.

Но трудно не видеть в этой медлительности одну из причин враждебного отношения к коалиции политически активной части *революционных классов* — пролетариата и крестьянства, жившей напряженной, тревожной, лихорадочной жизнью, в которую непрерывно втягивали все новые слои.

«Революционная демократия» 1917 года стояла, разумеется, перед колоссальными трудностями, главной из которых

была война, но ее поражение не может быть объяснено исключительно этими трудностями.

Была в ней своя, внутренняя слабость. Она впитала в себя в первые «праздничные» дни революции все политическое благодушие «мечтавших» о свободе, о европейской и мирной жизни, о культурной работе интеллигентских кругов образованной буржуазии, демократического чиновничества, мелко-буржуазных слоев. Она опиралась, правда, на пролетариат и крестьянство, но «праздничное» настроение охватило первое время и передовые слои рабочих, что давало повод говорить об «общенациональном» характере революции.

Один из бывших министров Временного Правительства объяснял при мне иностранцам: «Среди нас были люди, которых всю жизнь преследовали, которые попали в правительство прямо из тюрьмы или с каторги. Они психологически не могли применять репрессий.

На демократическом совещании в Петрограде, помню, каким кричащим парадоксом исторической несообразности показалась мне лапидарная фраза Церетелли:

«Коалиция есть душа революции».

Сущность революции есть борьба революционных классов за власть и подавление контр-революции. Казалось бы из тюрьмы, из подполья, с каторги революционеры должны были вынести именно это убеждение.

Но радость освобождения слилась у них с восторгами обывателей, почувствовавших себя гражданами.

Теперь контр-революционный философ Ильин издевается на все лады над «болтовней» 1917 года.

Его «философия» проста: свергнув царя, потеряли царя в голове, стали болтать и доболтались.

Он не понимает лишь, что если бы революционеры 1917 года во время решили *действовать*, продолжая дело, начатое свержением, то им пришлось бы ударять не только налево, но и самым ожесточенным образом направо. Создавая революционным путем во время войны новое демократическое государство, они должны были бы прежде всего обеспечить союз революционных классов рабочих и крестьян (над которым до сих пор бьются большевики), как основную определяющую силу революции, за которой могли идти все, кто был заинтересован в победе демократии.

А с теми классами или группами, которые стали бы оказывать сопротивление или саботировать создание политической и земельной демократии, им пришлось бы поступить очень невежливо.

Лишь потому, что эсеры и меньшевики не пошли этим пу-

тем в 1917 году, руководство стихией неизбежно должно было попасть в руки большевиков.

Утопист, социальный прожектёр, воображавший, что при помощи принуждения и пропаганды можно в несколько месяцев или лет «переделать» хозяйственный строй, социальный уклад, нравы, быт, психологию 150 миллионного народа, Ленин был одновременно стихийным революционером и политиком — государственным классического (до демократического) типа.

В нем, несомненно, жила частица стихийной ненависти угнетенных классов, ненависти, которая не была погашена, *не могла быть погашена* праздничным восторгом первых дней революции.

Это стихийное сродство позволило ему быстрее других разбираться в бурной смене массовых настроений, в кипении революционных страстей.

Он обладал, кроме того, некоторыми качествами старого «государственного» деятеля, а именно умением управлять людьми, использовать их слабые и сильные стороны, подчинять их своей воле, пониманием необходимости аппарата принуждения и реального, а не внешнего авторитета власти.

Недавно Винавер рассказал о своем давнишнем разговоре с адмиралом Бирилевым на политические темы.

Послушав все демократические и либеральные доводы лидера к.-д., реакционный адмирал сказал приблизительно следующее: «вся разница между нами и вами заключается в том, что мы считали большинство людей подлецами, а вы — верили в их благородство».

Доля истины здесь есть.

Молодая, еще неимеющая политического опыта демократия склонна идеализировать человеческую природу и отвращение, которое вызывает у нее холодный цинизм дряхлеющих режимов, может привести ее к противоположным, наивным крайностям.

Ленин был от них свободен.

Он не стеснялся и в области политики «учиться у буржуазии» и у феодализма.

Его политическое искусство, унаследованное и разработанное Ц. К. Р. К. П., основано на максиме старика Макиавелли: «*Li Omini Sono tristi*», что в вольном переводе на русский язык значит: — люди — дрянь».

Поэтому Ленин нисколько не стеснялся пускать в ход обман, «возбуждать подозрение», панику, использовать в своих целях патриотические и национальные чувства и т. д.

Вот один-два примера из выше приведенных писем.

В письме к большевицкой фракции он, ссылаясь на слухи

и рассказы какого то «проезжавшего по Варшавской дороге», уверяет, что Керенский ведет казаков на Питер» для того, чтобы «помешать передаче власти советам..., чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву (ведет казаков, чтобы сдать Питер! В. С.).

«Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение».

И в другом месте:

«Керенский сдаст Питер немцам, вот что яснее ясного теперь, никакие заверения в обратном не устраняют нашей полной уверенности в этом, вытекающей из всего хода событий и из всей политики Керенского.

Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть Советам обеих столиц, эти Советы тотчас предложат мир всем народам и выполнят этим свой долг перед немецкими революционерами, сделают этим решительный шаг к разрыву преступных заговоров против русской революции, заговоров международного империализма».

Но вместе с тем, в конфиденциальном письме к Смилге он предупреждает, что через 2 недели этот лозунг потеряет всякое значение, ибо выяснится окончательно невозможность для немцев высадиться в Финляндии и нельзя будет ссылаться на эту опасность, как на предлог для того, чтобы задерживать некоторые военные части в Финляндии:

«Что мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финляндии, это ясно. Лучше идти на все, на восстание, на взятие власти, — для передачи ее съезду Советов. Я читаю сегодня в газетах, что уже через 2 недели опасность десанта равна нулю. Значит, времени на подготовку у вас совсем немного».

Дессант и оккупация Финляндии, как известно, произошли *при большевиках*, которые немедленно оставили на произвол судьбы спровоцированное ими же рабочее правительство Финляндии. Оставили бы и Петроград немцам, если бы это нужно было для удержания власти.

Другой пример. В том же письме к Смилге он пишет:

«Пока там суть да дело заключите немедленно блок (с левыми эсэрами) у себя... Надо, чтобы в каждой агитационной группе (из отпускных солдат. В. С.) было не менее 2-х человек: один от большевиков, один от левых эсэров. В деревне фирма с. р. пока царит и надо пользоваться нашим счастьем (у нас левые с. р.); чтобы *во имя этой фирмы* (т. е. общепартийной эсэровской. В. С.) провести в деревне блок большевиков с *левыми с. р.*». (Подчеркнуто в обоих случаях Лениным).

Эти приемы входят в то, что Бухарин назвал недавно не-

обходимыми «хитростями», «западнями» в большевицкой политической стратегии.

Революционная демократия совершенно справедливо брезговала подобными средствами, но она должна была считаться с их возможными, иногда неизбежными результатами и уметь обезвреживать противника в случае надобности *революционными* мерами.

Теперь, спустя девять лет, кажется необъяснимым, как революционные партии, вынесенные народным движением к власти, создавшие рабочие и крестьянские советы, получившие большинство на городских выборах, не озаботились созданием *вооруженной силы*, способной обеспечить развитие революции и укрепление политических и социальных преобразований.

Еще менее понятно, когда до сих пор слышатся возражения, основанные на «принципиальной» недопустимости «партийных» или «классовых» вооруженных сил (во время революции!) даже тогда, когда было необходимо предупредить, например, Колчаковский переворот, совершенный офицерскими бандами и партией к. д.

Государство правовое и меньшевицкие-марксистское (буржуазная революция, значит, власть — буржуазии), доктринерство политических неопитов слишком часто подавляло революционное сознание деятелей 1917 года, а их «историческая память» не хранила в себе традиции великих народных революций.

Не то, например, наблюдаем мы теперь в маленькой, мирной Бельгии.

Стоило появиться на горизонте малейшей фашистской опасности и уже легальная «умеренная», «реформистская», строго демократическая рабочая партия, руководимая «социал-предателями» организует свою собственную рабочую милицию, которая, по выражению де Брукера, будет «собираться без оружия», но в нужный момент, для защиты демократии и политических свобод, «будет иметь в своем распоряжении все, что требуется».

Если бы миллионная партия социалистов революционеров была вооружена и организована соответствующим образом в августе—октябре 1917 года, события могли бы получить иное направление.

В. В. СУХОМЛИН.

Казачи в эмиграции

(Пройденный Путь).

(Окончание).

КАК РАЗРЕШАЛСЯ ВОПРОС О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ.

...Гражданская война кончилась победой большевиков, — население покорилось «и бысть тишина по всей земле», записал вероятно советский летописец в свою историю России; только стоны умирающих от голода людей наполняли города и деревни, но они не были страшны для власти, которая боится только физической силы, а все прочее «буржуазные предрассудки». С этого момента Россия стала базой, опираясь на которую большевики приступили к осуществлению своей главной цели — «разжиганию повсюду мировой революции». Даешь Европу — прокричали и старшие и младшие завоеватели России, скрывая в этом лозунге самые разнообразные желания. Борьба на внешнем фронте, особенно на европейском, оказалась во много раз сложнее: нужно было сразу отказаться от тактики прямых действий, — Европа не была настолько «прогнившей», как об этом проповедывали большевики русским рабочим и крестьянам. Самая страшная и неприятная «вещь», о которую спотыкнулись большевики, атаковав Европы, заключалась в ненавистных для них словах «общественное мнение и демократия». Овладеть общественным мнением и расстроить ряды демократии — вот задача, которая стояла тогда перед Советскою властью.

Идя по пути завоевания общественного мнения, Советская власть натолкнулась на эмиграцию, которая, как увидим ниже, оказалась весьма кстати для успешного маневрирования большевиков за границей. Если внимательно проследить все действия большевиков, направленные на эмиграцию, можно утверждать, что Советская власть интересовалась эмиграцией не столько из боязни ее, сколько ради использования эмиграции в своих целях. К такому выводу мы приходим, суммируя все

данные, которые имеются в нашем распоряжении относительно работы большевиков в среде казачьей эмиграции.

К казачьей эмиграции большевики подошли с большой осторожностью, и понятно, почему: ведь самыми непримиримыми врагами большевиков были казаки, простым обманом овладеть массами нельзя, поэтому советские агенты начали свою работу в интеллигентской среде и неожиданно для всех, в том числе вероятно, для самих большевиков — имели большой успех.

С апреля 1922 года в газете «Накануне», редактируемой «сменовеховцами» открывается специальная страница «казачество в эмиграции», которая в течение нескольких месяцев заполняется многочисленными воззваниями и обращениями к казакам белых армий. Первое обращение вышло за подписями: Л. Быча, Ф. Воропизова, П. Макаренко, Л. Белашева, И. Тимошенко, М. Гнилорыбова и других. Все эти лица являлись идеологами казачьего антибольшевицкого движения. Во время революции и гражданской войны они занимали ответственные посты, больше того — за время пребывания в эмиграции — продолжали вести активную антибольшевицкую работу, больше того, почти, за несколько дней до провозглашения своих новых убеждений, большинство из них принимало активное участие в казачьих эмигрантских организациях и Тимошенко опубликовал свое обращение 12-го мая 1922 года, а только 3-го января 1923 года подал заявление о сложении с себя звания Председателя Ревизионной Комиссии Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза. П. Макаренко продолжал работать и продолжает и сейчас в эмигрантских организациях. Невероятная быстрота «в смене вех»! Слово не веки идейные менялись, а вытряхивалось наспех все, что было случайным и оказалось негодным. Отчего отказывались, к чему призывали эти руководители казачьего движения? Кубанская группа, руководимая Л. Бычом, в 1921 году в октябре созвала в Праге «конференцию кубанских политических и общественных деятелей». На этой Конференции вынесены были следующие резолюции: 1) резолюция по докладу «Наши задачи», 2) резолюция по докладу «О положении беженцев-кубанцев в разных странах и организация помощи им». 3) Резолюция по вопросу «Об отношении к существующим кубанским Правительствам». 4) Резолюция «О необходимости контроля кубанских денежных сумм». 5) «Дессант и интервенция». 6) «О голоде на Кубани». 7) «Об исполнительном органе конференции кубанских политических и общественных деятелей».

Конференция закончилась созданием «Демократического Союза независимости Кубани»; в числе учредителей этого Союза были все упомянутые выше лица. В октябре 1921 года

группа Л. Быча определяла свои задачи следующим образом: «Борьба за вольную Кубань, в которой все граждане ее равны перед законом». Для продолжения этой работы избран был Исполнительный Комитет Конференции, в состав которого вошли следующие лица: Л. Быч, П. Макаренко, Ф. Воропинов, И. Тимошенко, А. Намитокон.

В чем заключалась работа этого Комитета по исполнению постановлений Конференции, нам неизвестно; но вот в апреле и мае 1922 года Члены этого Комитета выступают с новыми публичными заявлениями на страницах газеты «Накануне», при этом их выступления носят характер личный: в некоторых пунктах своих они солидарны, — в разных редакциях повторяют одно и то же. Воззвание начинается с истории борьбы за «независимую Кубань»; борьба эта велась на два фронта — против большевиков и монархистов; далее идет характеристика работы монархистов за границей и как вывод, предлагается казакам возвращаться на Родину. Как возвращаться? Что нужно для этого? По этому вопросу Члены Комитета Демократического Союза независимости Кубани разошлись. Группа Л. Быча в обращении к казакам белых армий ответила так: «Мы считаем, что вооруженная борьба Кубани против Советской власти закончилась в мае 1920 года сдачей на Черноморском побережье Рады и большей части Кубанской Армии», но почему в таком случае Л. Быч принимал активное участие в борьбе с большевиками в Грузии в 1921 году? И какой смысл имела «конференция» кубанских политических и общественных деятелей? — Смысл и оправдание нашей борьбы, говорится далее в том же воззвании, заключался единственно лишь в стремлении добиться для Кубани независимого положения, права свободного распоряжения своей судьбой. Помогать же авантюристам всякого калибра, всяких политических окрасок в их стремлении поработить русский народ и восстановить прежние ненавистные ему порядки — не наша задача и не наша цель и сыны вольной Кубани к этому преступлению не приложат руки». К чему хотели приложить свои руки вольные сыны Кубани? В октябре 1921 года они хотели добиться признания Кубани де-юре и через пять месяцев отказываются от этой мысли, одновременно заявляя о своем полном отказе бороться с советской властью: отказ от сотрудничества с авантюристами «разных политических окрасок», отказ от борьбы за независимость Кубани, отказ от борьбы с советской властью, отказ от всего, что исповедывалось только вчера, но во имя чего? Ответ дается следующий: «на основании многих данных мы можем думать, что жизнь на Кубани, как и вообще в России, начинает входить в нормальные условия, что полоса катастрофических потрясений уже пережита, что если не будет

новых вооруженных вторжений и вмешательств со стороны, окончательное замирение жизни пойдет быстро и что личная безопасность будет гарантирована возвращающимся домой. Но над этим последним вопросом пусть каждый подумает сам и пусть решает его на свою ответственность, *проверив критически свою деятельность за годы революции и борьбы*. Во всяком случае мы знаем, что за службу в белых армиях Советской властью дана полная амнистия. *Мы верим, что те, кто пожелает возвратиться сделает это не с чувством злобы и желания мести кому бы то ни было, а с искренним решением заняться мирной плодотворной работой*. Наконец нам хотелось бы также верить и в то, что Центральная Советская власть поймет свою ошибку в отношениях к Кубани и предоставит ей максимальную независимость наравне с другими советскими республиками, так как в этом будет заключаться залог успеха в борьбе с контрреволюцией и прекращением тех восстаний — протестов, которые раздирают и разоряют Кубань и долго будут еще мешать ей предаваться мирному труду и строительству». В этом ответе не только нет намеков на борьбу за признание Кубани де-юре Америкой и Западной Европой (о чем говорилось в резолюциях Конференции), но по тону и по смыслу этот ответ напоминает скорее жалостливое прошение, обращенное к Советской власти: мы надеемся, мы верим, что Советская власть предоставит максимальную независимость Кубани. Советская власть не удовлетворила этого «ходатайства» кубанцев, но очевидно осталась очень довольна новой позицией, активных борцов из казачьей эмиграции. Воззвание Быча и его товарищей помогали большевикам производить впечатление на общественное мнение Западной Европы. Казаки уезжали домой и без воззваний своих руководителей, по простому естественному чувству — в силу тоски по Родине, а казачья интеллигенция, надеющаяся на Советскую власть использовала это движение в различных своих целях, не имеющих ничего общего с политической работой. Прекрасным примером в этом отношении могут служить выступления г-на Тимошенко; этот кубанский общественный и политический деятель имел все «высшие награды», чтобы называться лидером кубанцев: он Член Рады, Председатель ее, Член Кубанского Правительства, Председатель Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, Председатель Комитета Освобождения Кубани, созданного в Грузии во время борьбы с большевиками, он Член Исполнительного Комитета Соза независимости Кубани, он подписывал ряд воззваний, в которых призывал: «не верить красным лицемерам, все силы, не мирящиеся с насильническим духом Советской власти должны выступить открыто на сцену решительной борьбы» и этот же Тимошенко в мае 1922 года, обращаясь к каза-

кам, с такими словами: «и я говорю Вам, *сейчас именно настал момент забыть Советской власти ее прошлые жестокости, как забыла она наши, примириться с нею, признать ее, ибо только в условиях Советской власти можно получить возможность устраивать нашу жизнь, согласно с нашими бытовыми и экономическими условиями*».

Г-н Тимошенко в своем признании в одном отношении был прав, но высказать это прямо не решился. В условиях Советской власти действительно можно получить возможность устраивать жизнь таким эмигрантам, каким оказался г-н Тимошенко. Он прекрасно использовал эти условия Советской власти: в награду за свою работу для большевиков получил заграницей место в советском учреждении с солидным окладом содержания. Мы не будем касаться выступлений Гнилорыбова, имея в виду его трагическую судьбу, но считаем необходимым отметить, что один из его сотоварищей г-н Лунченко, находящийся в данный момент в России, и выпустивший книжку об эмиграции, клеветает на демократические группы без всякой нужды для себя. Г-н Лунченко утверждает, что его группа первая заговорила с советскими представителями и ставит это себе в заслугу. Не оспариваем, но к сведению г-на Лунченко сообщаем, если он забыл, что до проповеди о возвращении в Россию и примирения с советской властью он также энергично призывал казаков идти вместе с Петлюрой освободить Россию от насильников, участвовал в войне против большевиков на Польском фронте; вел переговоры с Союзом Возрождения Казачества о соглашении, активно работал с Савинковым. Вспомните об этом, г-н Лунченко; все равно когда-нибудь придется отвечать за все. Он нападает на казачьи демократические организации за то, что они находились в связи с партией эс-эров; в чем заключалась эта связь, мы касались этого в предыдущих статьях, но если даже признать всю клевету и брань, которой щедро наполнена книга Лунченко за факты, то и тогда преступление казачьей демократии в эмиграции будет заключаться в том, что она не пошла ни с монархистами, ни с такими казачьими демократами, как Лунченко, Тимошенко и другие. С сознанием такого «преступления» жить можно, а подвиги Тимошенко, Лунченко, помогают только личному устройству.

Несмотря на большой шум, который произвели воззвания Л. Быча и И. Тимошенко с их товарищами, в казачьей среде большого эффекта не получилось. Казачьи массы группировались вокруг своих демократических центров. Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза и Союза Возрождения Казачества. Обе эти организации с момента своего возникновения своевременно отвечали на все острые вопросы, предъявляемые

жизнью, руководствуясь при этом своими программами. Общеказачий Сельско-Хозяйственный Союз, как экономическая организация, избегал острых политических вопросов, но никогда и нигде не ставил препятствий для своих членов, желавших возвратиться на Родину; но для демократической организации не безразличны были те условия, которые сопутствовали возвращающимся; поэтому, когда советский агент вербовал казаков на острове Лемносе для отправки их на принудительные работы в Баку, Правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза сочло своим долгом помешать такому возвращению; когда Врангелевский Штаб пытался посылать тайные отряды для поднятия восстания, Союз Возрождения Казачества разоблачал эту работу и вел энергичную кампанию против этих авантюр. Наряду с этим в Константинополе еще в 1921-м году организовывались группы возвращающихся на Родину. Одна из таких групп в 100 человек обратилась за помощью к Сельско-Хозяйственному Союзу. Правление этого Союза оказало всемерное содействие этой группе; эта помощь носила исключительно гуманитарный характер; в то время, как все другие организации отворачивались от этих лиц, как от чумы. Такова была общая позиция Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза по вопросу о возвращении на Родину. Кроме того нужно сказать, что помогая своим членам использовать вынужденное пребывание за границей с целью вернуться на Родину хорошими работниками, Союз фактом своей работы разрушал безответственную пропаганду за возвращение. Советские агенты это учли и направили все свои усилия в самый центр казачьей эмиграции в Болгарию, где объединено было вокруг Сельско-Хозяйственного Союза в 1921 году свыше 5.000 человек. Большевики прибыли в Болгарию под видом делегации Русского Красного Креста. Прикрываясь «красным крестом» большевики выполняли задания Совета Народных Комиссаров и Коминтерна. Болгарское Правительство, состоящее из представителей Земледельческой Партии, по разным государственным соображениям допустило «краснокрестовскую» работу советских агентов, но наряду с этим активно поддерживало все начинания эмиграции в отношении организации земледельческих групп и устройства их жизни на трудовых началах. Общеказачий Сельскохозяйственный Союз, как единственная русская организация, преследовавшая именно эти задачи, пользовалась покровительством Правительства Стамбулийского и земледельческой партии. Все члены Сельско-Хозяйственного Союза быстро получали работу на местах, отделения Болгарского Земледельческого Союза оказывали им всемерное содействие и покровительство; была уже разработана большая программа культурной помощи русской эмиграции; при поддер-

ке той же Болгарской Земледельческой партии Правление Сельско-Хозяйственного Союза приступило к изданию своего периодического печатного органа «Вестник земледельца».

У большевицкого «Красного Креста» дела шли сначала незаметно; многочисленные служащие Советской делегации, состоящие в большинстве из видных чекистов, бездействовали, скушали, подогревали настроение болгарских коммунистов, новсебыло не то, — эмиграция к ним не шла; и вот начинается атака на казачьи демократические центры. Ранее всего эта работа началась против Союза Возрождения Казачества. Она была поручена двум лицам: Члену Союза Возрождения А. М. Агееву и сотруднику ген. Сидорина М. Дюшайла, французу по происхождению и донскому казаку по своим подвигам и заслугам. А. Агеев совершил несколько секретных поездок в Берлин (Советская Миссия), Прагу, Белград, Софию и когда убедился в безуспешности своих попыток увлечь к большевикам своих товарищей, уехал навсегда в Софию, откуда прислал заявление о своем выходе из казачьих организаций; причем его поведение носило чрезвычайно странный характер. Он внешне не только не отходил от эмигрантских организаций, но, напротив, старался подчеркивать свою особую преданность к ним: почти за несколько дней до своего ухода А. Агеев печатал большие статьи по казачьим вопросам в «Воле России», и это несколько не помешало ему стать потом в главе большевицкой газеты, издаваемой в Софии под названием «Новая Россия».

Г-н Дюшайла путешествовал несколько в другом направлении: Париж, Берлин, Прага; в Праге он вел переговоры с членами Союза Возрождения Казачества Б. Н. Улановым и Г. Ф. Фальчиковым, которым предлагал начать издание большой эмигрантской газеты, при соблюдении двух обязательных условий: скрытие источников средств на издание и прекращение борьбы с советской властью, допуская лишь лойяльную критику. Б. Н. Уланов и Г. Ф. Фальчиков предложили свои условия; эти условия были отвергнуты, но г-н Дюшайла, уезжая из Праги на всякий случай оставил свой телеграфный адрес в Вене, куда просил телеграфировать согласие на его условия; при этом заявил, что в случае согласия деньги будут немедленно переведены в адрес переговаривающихся с ним лиц. Согласие не последовало. Дюшайла на время скрылся, а позже появился в Софии в качестве международного сотрудника по репатриации казаков. Работа большевиков развивалась; не стану останавливаться на бесконечном множестве мелких фактов, характеризующих какими средствами вербовались советские агенты завоевания эмиграции. Предвидя, что самый сокрушительный удар будет нанесен Общеказачьему Сельско-Хозяйственному Союзу, Правление Союза и Центральный Комитет Союза Возрождения

Казачества усилили связь с своими членами Союза. Несмотря на все предупредительные меры, против соблазнов большевиков не устояли и некоторые из лиц руководящих демократическими организациями. В одном из писем на имя Центрального Комитета Союза Возрождения Казачества А. Булацель уже предупреждал своих товарищей о том, что не стоит оставаться в эмиграции, необходимо организованно возвращаться домой, необходимо пересмотреть свои тактические позиции в отношении существующей власти. Письмо это появилось после того, как уже А. Булацель и Член Правления Союза М. Адамович секретно от своих товарищей вступили в переговоры с большевиками. Когда эти обстоятельства стали известны в Праге, казачьи центры командировали в Болгарию Г. Ф. Фальчикова, как Члена Правления Сельско-Хозяйственного Союза для выяснения обстановки на месте. К приезду Г. Ф. Фальчикова Правление в полном составе за исключением Г. Ф. Фальчикова, уже приняло условия, на которых согласилось работать с советским «Красным Крестом». Общеказачий Сельско-Хозяйственный Союз объявлен был «Земледельческим Союзом; эмигрантская программа работы Союза заменена была программой возвращения на Родину. Член Правления Г. Ф. Фальчиков пытался апеллировать к Членам Сельско-Хозяйственного Союза, для чего созвал Общее Собрание Членов Союза в Софии; на это Собрание командированы были свыше 200 человек наемных агентов Советского «Красного Креста, которым было дано задание сорвать Собрание во что бы то ни стало. Несмотря на это все же на Собрании была вынесена резолюция, клеймящая деятельность Председателя Правления Дудакова и его товарищей и требующая отчета в средствах, но, конечно эта резолюция и другие коллективные заявления, которые были поданы в это время, не могли практически помешать уже начатой работе большевиков и их новых союзников из среды казачьей интеллигенции. С целью произвести большую общественную демонстрацию назначен был Общеказачий Земледельческий Съезд в Софии, в повестку которого ставился один вопрос — о возвращении на Родину. С внешней стороны все устроено было так, что желающие принять участие на этом Съезде не знали, что будут делать по существу на этом Съезде. Этот Съезд принял два решения в виде резолюций, которые продиктованы были из Москвы. Резолюции эти чрезвычайно характерны, как для тех целей, которые ставили себе большевики в отношении эмиграции, так и для тех вождей, из эмигрантской среды, которые меняли свои вехи. Поэтому мы считаем необходимым восстановить их в памяти читателей.

«Обращение к Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: Съезд Представителей Общека-

зачьего Земледельческого Союза, собравшийся для выборов делегатов в Россию, в целях скорейшего и безболезненного возвращения на Родину, от имени представляемых им четырех тысяч четырехсот (удивительная точность) приветствует Всероссийское Советское Правительство, считает необходимым заявить следующее: зарубежное трудовое казачество, *давно сознав свою роль в прошлом, как простого орудия в руках всероссийской контрреволюции, и твердо решив покончить с таким положением, признает себя гражданами российской Социалистической Федеративной Советской Республики и подчиняется безоговорочно единственно законной существующей в России Советской власти*, осуществляющей национальные задачи собирания воедино Государства Российского и охрану его интересов в международных отношениях и не склоняющей в то же время интернационального знамени освобождения трудящихся масс всего мира от рабства и эксплуатации, привлекая тем к себе горячую любовь и симпатии народных низов стран всего мира и *поднимая тем самым престиж русского имени на небывалую до сих пор высоту.*

Считая, что дальнейшее пребывание вне пределов России будет давать возможность реакционным силам использовать вопреки воле и желанию казачества для авантюристических попыток борьбы с советской Россией, Съезд полагает гражданским и политическим долгом зарубежного казачества приступить к осуществлению мысли о возвращении на Родину. Своєю твердою решимостью вернуться в пределы Советской России казачество окончательно порывает с врангелевской белогвардейщиной и сознательно наносит решительный удар реакции, увлекая из ее вооруженных рядов под знамена рабоче-крестьянской армии Р. С. Ф. С. Р. кадры бывшей белой армии. Заканчивая свою работу Съезд призывает всех честных русских граждан, находящихся вне пределов Родины, понять свой долг и вступить на этот путь, который давно избрало казачество и оформило его в настоящем Съезде Общеказачьего Земледельческого Союза».

Конечно никто не верил в искренность всех этих слов, сказанных от имени четырех тысяч «трудовых казаков» и меньше всего верили в это сами большевики. Для тех, кто становился на путь, указанный в этой резолюции, эти слова были приказом о подчинении: хочешь возвращаться на Родину, увидь своих родных — говори все это и признавай, что ты был средством контр-революции, признавай, что большевики собирают Россию, и не склоняют интернационального знамени освобождения трудящихся всего мира; мало этого признания, нужно беспрекословное подчинение, — вот во что вылилась вся «гуманитарная красно-крестовская» помощь большеви-

ков. Казаки, обманутые своими представителями, подчинились, приняли условия, удовлетворяя своему естественному человеческому чувству — тоске по Родине.

Стремясь как-нибудь связать свое прошлое со службой у большевиков, казачья интеллигенция из Земледельческого центра стремилась соблюсти некоторые внешние формы приличия; так, на том же Съезде с ведома советских агентов, было решено послать особую делегацию в Россию, но не для ускорения вопроса о возвращении, как об этом сказано в резолюции, а для ознакомления с общим положением на местах. Большевики разрешили эту поездку, делегаты возвратились из России не с сведениями о действительном положении на Родине, а с новыми большими средствами, которые пошли на расширение агитации за границей. В Софии начала выходить большая ежедневная газета «Новая Россия»; эта газета скоро приобрела себе солидных сотрудников, в числе которых оказался бывший Ректор Петроградского Университета проф. Э. Д. Грим. Почтенный Профессор стал «научно» оправдывать существование Советской власти, написал несколько статей по этому поводу и уехал в Россию. В той же газете появилось воззвание за подписью четырех казачьих генералов, двадцати полковников и около пятидесяти офицеров других чинов. «Октябрьская революция, передавшая власть Советам, говорится в этом воззвании, освободила трудящихся от вековых оков рабства, насилий и унижений. Совет Народных Комиссаров, ставший на место политических болтунов и предателей типа Керенского, Савинкова и других, твердо начал создавать новую жизнь. Спокойно и уверенно выступают представители Республики на международном поприще в Генуе, Гаге и Лозанне, защищая интересы угнетенных, слабых и завоевывая почетное место новой России среди других народов. Мы, старые Ваши начальники и соратники по прежней службе в Белой Армии призываем вас *всех честно и открыто* порвать с вождями белой идеологии и признав существующее на Родине Правительство СССР, смело ехать на Родину». и другое воззвание, подписанное также генералами, полковниками и большим количеством офицеров других чинов, принадлежащих непосредственно к армии Врангеля, содержит в себе следующее: *«с горечью мы должны сознаться, что мы являемся жертвами подлых авантюристов, спекулировавших на наших головах и на нашей крови строящих свое благополучие»*. Заканчивается воззвание «Громким ура Российской Советской власти».

Старые начальники белых армий и эти воззвания! Что это? Сдача своих позиций? Нет — в этих воззваниях выявлена подлинная общественная сущность вождей антибольшевических армий, беспринципность, крайнее моральное падение

вследствие чего расцветали те ужасы, в которых погружено было антибольшевицкое движение, благодаря чему осквернен был подлинный лик борьбы за освобождение. Эти старые начальники и их товарищи — большевики загнали казачьи демократические массы в Крым, бросили потом их в военные лагеря и теперь уже в формальном союзе с большевиками заставляют трудовые массы пойти на последние жертвы.

Вот как разрешался вопрос о возвращении эмигрантов на Родину и до сих пор еще эта работа в иных формах продолжается.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ СТАНОВИТСЯ БАЗОЙ ДЛЯ ВСЕЙ КАЗАЧЕЙ ЭМИГРАЦИИ.

Только чехословацкий народ и его Правительство заняли ясную позицию в отношении русской эмиграции. Огромная материальная помощь, которая оказывается до сих пор, особо льготные правовые условия, большая и внимательная забота о культурных интересах русских беженцев, полная терпимость ко всем политическим русским течениям, все это общеизвестные факты, которые стали притягивать к себе всех русских людей, находящихся в изгнании. Прага стала по истине обетованной землей для всей русской эмиграции; сюда тянулись со всех концов света самые разнообразные элементы русской эмиграции, по визам и без виз. По статистике Земгора в течение 1923 г. и 1924 г. нелегальных прибывало 30 человек в среднем в месяц, только через австрийскую и венгерскую границу.

До сих пор существуют еще особые конторы по переотправке беженцев в Ч. С. Р. нелегальным путем. Несмотря на широкий отклик чехословацкого народа, русские организации, конечно, понимали, что Ч. С. Р. не сможет дать приют и гостеприимство всей эмиграции, поэтому и Правление Общек. Сельско-Хоз. Союза стремилось удерживать главную массу казаков в Болгарии, опираясь на сочувственное отношение правительства Стамбулийского до того момента пока не было там, «краснокрестовских» организаций большевиков. После признания «трудовым казачеством безоговорочно советской власти», работа в Болгарии стала невозможной, особенно в связи с происшедшим вскоре переворотом в Болгарии.

Принимая во внимание все эти обстоятельства и руководствуясь основными своими задачами, казачья демократическая общественность в очередь дня поставила укрепление в Ч. С. Р. единой организации, могущей стать авторитетной для всей эмиграции. Как мы уже упоминали в предыдущей статье, в Чехословакии был образован в начале Объединенный Казачий Комитет, куда входил и представитель Общек. Сельск. Хоз. Союза. Эта организация возникла в среде интеллигенции живу-

щей в Праге; она приняла на себя заботу о казаках, прибывших с транспортом в Ч. С. Р. в количестве 2 с половиной тысяч человек. (В этом числе находилось небольшое количество неказаков). Основная работа ее заключалась в культурной помощи и в улучшении материального и правового положения беженцев. Необходимо здесь указать, что въезд в Ч. С. Р. первой партии казаков был обусловлен особыми правилами, выработанными Чешской Земледельческой Еднотой, являющейся представителем хозяев, у которых должны были находиться казаки, вывезенные из лагерей. Эти правила представляют и до сих пор большой интерес, так как они характеризуют общинный взгляд определенной чешской общественности на русскую эмиграцию. Прежде всего, какую цель преследовала Земледельческая Еднота, берясь за дело привозки казаков в Ч. С. Р.

Правила дают прямой ответ на этот вопрос:

«Целью переселения — облегчить участь и положение страдающих и погибающих русских эмигрантов, находящихся ныне в Константинополе и его окрестностях. При этом предоставляется возможность русским беженцам использовать время их пребывания вне отечества для ознакомления с производственными и организационными условиями экономического развития в Чехословацкой Республике для целей будущей реализации, приобретенных таким путем знаний у себя на Родине и, наконец, для поддержки взаимных экономических сношений земледельческих слоев населения обеих государств».

Эта цель поднимала настроение эмигрантов, давала смысл его тяжелому скитанию за границей. Но условия, поставленные для осуществления этой цели становили казака в такое положение, что он нередко забывал, зачем прибыл в братскую страну, общая цель затушевывалась многочисленными мелкими прозаическими заботами о заработке, о квартире, о недоразумениях с хозяевами, о заработной плате, о лучших условиях и т. п. Эти условия жизни казаков в Ч. С. Р. определялись следующим образом:

«По прибытии в Чехословакию все распределяются в земледельческие и лесные хозяйства и тотчас поступают на место своего назначения, заявляют о своем прибытии местной сельской администрации и жандармскому управлению и передают все свои документы их новым хозяевам на хранение. *По службе исполнять все возложенные на них работы без возражений и должны себя вести так, чтобы между ними и их хозяевами образовались дружественные и основные на взаимном доверии отношения.* Оставить или переменить место разрешается лишь с ведома и согласия хозяина и Земледельческой Едноты, которую должен известить о своем намерении. При желании оставления службы, обязан оставаться там до тех пор, пока не

обратится письменно к Земледельческой Едноте и не получит разрешения»...

«За все время пребывания на территории Чехословацкой республики беженцам не разрешается принимать участие в каких бы то ни было политических выступлениях, в течениях внутреннего и заграничного характера. Культурная деятельность и формы взаимной организации беженцев в Чехословакии будут разработаны и проведены в Земледельческой Едноте...

О возвращении в Россию все беженцы будут своевременно уведомлены, как равно будут указаны и способы массовой отправки. Без разрешения Земледельческой Едноты никому нельзя выехать из пределов Чехословацкой Республики при каких бы то ни было условиях». Получается странное противоречие, если сопоставить эти условия с общей целью. Спрашивается, откуда такая осторожность и предусмотрительность, касающаяся поведения казаков эмигрантов? Мы утверждаем, что в значительной степени редакция этих условий составлена под влиянием тех «общественных» русских кругов, которые пользовались большим доверием, чем казачьи и демократические организации; эта их работа «во имя дружеских отношений с братским народом»:

Наше утверждение основано на ряде фактов, возникших в связи с переселением в Ч. С. Р. и на том общем отношении к русским со стороны Земледельческой Едноты, которое выяснилось впоследствии; там, где чешская общественность выступала без влияния со стороны русских «патриотов», там всегда проявлялась ярко общая цель и добрые намерения оказать целесообразную помощь; однако на первых порах влияние врангелевской общественности на Земледельческую Едноту, вернее на его агентов, было настолько велико, что представитель Общесельск. Хоз. Союза в Ч. С. Р. Г. Ф. Фальчиков не мог осуществлять, возложенных на него обязанностей, как лицо неблагонадежное в политическом отношении, несмотря на полную поддержку со стороны казаков; дело дошло до того, что члену Объединенного Комитета В. Н. Уланову, посетившему лагерь по уполномочию Казачьего Комитета, было запрещено всякое общение с казаками и калмыками; несмотря на то, что казачьи представители никакой политики не вносили в дело помощи переселенцам, агенты Земледельческой Едноты, инспирируемые русскими «общественниками» создали о них представление как о «левых социалистах, разлагающих эмиграцию».

Благодаря поддержки Министерства Иностранных Дел, работа казачьих организаций не приостанавливалась, но отношения с Земледельческой Еднотой, усложнялись с каждым днем; от казаков поступали многочисленные жалобы, особенно тяже-

лы были квартирные условия; запрещение менять хозяев обостряло отношения с последними.

Представитель Общек. Сельск. Хоз. Союза и Объединенный Комитет энергично выступили на защиту интересов казаков рабочих, благодаря их настойчивости и неизменной поддержке со стороны Мин. Ин. Дел удалось добиться улучшения условий в правовом положении. С этого момента начинается та работа, ради которой и Земледельческая Еднота и казачья демократическая общественность и Правительство Чехословакии проявили свои заботы в отношении русских беженцев. Земледельческая Еднота в своей самостоятельной работе стремилась и стремится, оказывая разнообразную помощь русским земледельцам, сохранить за собою идейное и культурное влияние на них.

Руководимая этими побуждениями, Земледельческая Еднота дала полную возможность несколькимстам человек получить специальное сельско-хозяйственное образование; уже свыше 300 казаков закончили специальные школы и получили необходимую практику по различным специальностям в сельском хозяйстве.

Выяснив общую обстановку в Ч. С. Р. и учтя неудачи своей работы в Болгарии, казачьи демократические круги решили восстановить Общеказачий Сельско-Хозяйственный Союз в Ч. С. Р.; инициатива этого начинания принадлежала в начале члену правления Г. Ф. Фальчикову, оставшимся одиноким в составе своего правления, большинство которого ушло к большевикам. Работа по подготовке Учредительного Съезда начата с 1922 г. после приезда Г. Ф. Фальчикова из Болгарии. Это начинание встретило большое сочувствие со стороны широких казачьих масс. Члены Союза, находящиеся в Чехии и Болгарии требовали оживления самостоятельной деятельности Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза в Ч. С. Р., уполномоченные Союза первого состава в ряде совещаний выносили решения с теми же требованиями; на одном из собраний уполномоченных избрано было временное правление Общеказачьего Сельско-Хозяйственного Союза, председателем этого Правления избран был Г. Ф. Фальчиков, на которого и возложена была вся организационная часть работы.

Учредительный Съезд состоялся, на нем присутствовало свыше 250 делегатов; съезд этот был единственным во всей эмиграции по своему общественному содержанию и значению. Здесь были затронуты все волнующие эмиграцию вопросы и даны на них ясные ответы. В деле организации этого съезда исключительную роль сыграл «Союз возрождения казачества». Можно без преувеличения сказать, что только благодаря сплоченности, дисциплинированности и преданности идеям демократии

всех членов этой единственной политической казачьей организации удалось снова восстановить демократическую организацию, уже сыгравшую большую роль в жизни зарубежного казачества.

Неожиданный для всей казачьей эмиграции успех этой работы заставил всю казачью общественность самых разнообразных оттенков обратить внимание на Прагу. Сюда начали поступать многочисленные предложения своих услуг для работы со стороны лиц, которые до этого времени не проявляли никакого интереса к нуждам казачьих масс; еще до съезда появился в Праге ген. Сидорин, который не принадлежал ни к одной из существующих группировок, производил какою то самостоятельную работу, предлагая свои услуги преимущественно левым группировкам; накануне Съезда он подал заявление о вложении в Союз Возрождения Казачества и был принят; за Сидориным последовал ген. Стариков и, наконец, В. А. Харламов, долгое время состоявший при Атаманах то в качестве их представителя, то в качестве советчика и «корректора» их политического поведения. Участие этих лиц в работе Сельско-Хозяйственного Союза вызвало разногласие у его руководителей, вследствие того, во-первых, что В. А. Харламов по его собственному заявлению интересовался только пропагандистской работой, а во-вторых потому, что демократические позиции В. А. Харламова в эмиграционной работе носили чрезвычайно неопределенный характер. После долгих споров В. А. Харламов вошел в число активных работников Сельско-Хоз. Союза. Вопрос о его вхождении решился голосами донцов. Земляки поддержали. Генерал Сидорин сделался председателем Сельско-Хоз. Союза, благодаря также настойчивой поддержке донцов, входящих в руководящие органы обеих демократических организаций. Донцы доказывали, что возглавление Сельско-Хоз. Союза генералом привлечет большое сочувствие широких казачьих масс, т. к. казаки больше всего доверяют своим военным вождям. Факт вхождения в демократические ряды 2-х новых лиц сам по себе, казалось бы не должен иметь особого значения для дальнейшего развития работы и на нем не следовало бы останавливаться, но в данном случае он имел большое значение и вот почему.

Эти лица имеют большой политический стаж, В. А. Харламов десятки лет состоял в партии К-дэ; ген. Сидорин возглавлял вооруженные силы на Дону во время гражданской войны; поэтому вхождение этих лиц в казачьи демократические организации нужно рассматривать, как участие в них представителей определенных казачьих течений, которые имели свою эмигрантскую программу и свою эмигрантскую политику.

Политическая работа казачьих ка-де выразилась в стремле-

нии проводить через лиц, «олицетворяющих» идею единства казачества (Атаманы — ген. Богаевский, ген. Вдовенко, ген. Науменко) свою партийную политику, — Атаманы должны были ориентироваться на кадетскую платформу. В. А. Харламов упорно выполнял эти задания, и когда убедился в полной безуспешности своих усилий, оставил казачьи официальные центры. Еще в 1923 году В. А. Харламов, входя в Сельско-Хоз. Союз доказывал его руководителям что необходимо осторожно подходить к оценке деятельности Атаманов, а немногом позже сам писал резкие статьи, направленные против недавних своих сотрудников. Казачьим массам трудно понять, — «к чему клонят эти люди». Антибольшевическое движение было названо кадетским, это название привилось среди народных масс, но кому известны были подлинные намерения вдохновителей этого движения? Сейчас за границей эта партия проповедует «Республиканско-демократические» лозунги, а в то время, когда шла борьба за республику и демократию, разрабатывался план восстановления монархии.

Ген. Сидорин не принадлежит ни к одной политической группировке, тем не менее он представляет особое течение в казачьей среде, которое можно назвать «военно-демократическим течением»; сущность его заключается в поддержании у казаков военного духа и военной дисциплины, как основы общественной жизни; демократичность этого течения идеологически ничем не отличается от партийных взглядов к-дет, — только тактика «военно-демократического» течения грубее, Ген. Сидорин накануне эвакуации из Крыма вдруг «ни с того и с сего» ярко заговорил о таких понятиях, за которые простого смертного «вывели бы в расход» без всякого разговора, а ему, как командующему Донской Армии создали судебный процесс, закончившийся благополучным переходом Сидорина за границу, в качестве генерала «пострадавшего за демократию». В Крыму, где собрались все силы подлинной русской контрреволюции, надеющейся укрыться неприступными военными сооружениями, Сидорин заговорил, — о Республике, о федерации, о демократии, о социальной несправедливости, о принципах февральской Революции, а у себя на Дону, где казачьи массы боролись за эти принципы, г. Сидорин, очевидно по тактическим соображениям, не только замалчивал все то, о чем неожиданно заговорил в Крыму, но направлял всю свою деятельность в качестве командующего Донской Армии к поддержанию авторитета Главнокомандующего и к поддержанию порядка, устанавливаемого им.

Таков общий политический облик течений, представляемых этими лицами, которые в настоящий момент руководят Общеказачьим Сельско-Хоз. Союзом.

И Сельско-Хоз. Союз фактически превращается в казачью секцию «республиканско-демократического» направления с кадетской тактикой, усиленной «военно-демократическим духом; культурно-экономическая работа вытеснена пропагандистской деятельностью; общественное значение этой организации не только не выросло до признания ее авторитета всей казачьей эмиграцией, но утрачены и те связи, которые были установлены в момент создания этого Союза в Ч. С. Р., а между тем работа по оказанию помощи казакам эмигрантам далеко не закончена: ведь еще до сих пор около 10 т. человек казаков находятся в Болгарии в очень тяжелых материальных и культурных условиях; около 6 тысяч в Сербии, свыше 4 тысяч работает на фабриках и заводах во Франции; в Чехословакии свыше 500 человек находятся в различных учебных заведениях, из которых уже некоторые выходят из учебных заведений и остаются без работы. Казачья демократия не может прекратить свою работу в эмиграции до тех пор, пока останутся на чужбине группы людей, нуждающихся в помощи, пока не прекратится охота за казачьими массами для использования их, — все равно для каких целей: для вынесения резолюций во имя III-го Интернационала или во имя верности «Главкомандующему, или поддержки новых «убежденных» казачьих лидеров.

Подлинная демократия отличается от всех демократий разных наименований тем, что она стремится не к использованию человека, а к полному его освобождению. Работа казачьей демократии за границей освещена была именно этим смыслом, и напрасно гг. «республиканцы-демократы» стремятся опорочить эту работу, залугивая казаков левизной и социализмом. Путь, ими проповедуемый, как единственный путь для казачества, известен казакам по тем событиям, которые уже пережиты. И мы совершенно согласны с другими донцами, которые, образовав Донской Союз еще в 1905 году, указывали казакам «наиболее славная и почетная роль казачества именно в борьбе за лучшие формы государственности, против самовластия и произвола, в борьбе за свободу и права не только свои, но и всех угнетенных. Тут именно славные заветы старины гармонически сочитаются с завоеваниями человеческой мысли. И чем скорее казачество поймет свои интересы, тем скорее проложится путь к счастью... И когда русский народ завоеует себе право на свободный труд, на всестороннее развитие на осуществление народовластия, когда путь к общему счастью, равенству и братству будет очищен от терний и шипов, — человечество убедится, что формы широкого народоправства и свободного общежития созданы были людьми борьбы за право личности».

А. Васильевский.

К пятилетию Пражского Земгора.

Условия зарождения Земгора

21 февраля 1921 года, по инициативе бывшего председателя Московской Городской Думы О. С. Минора, в помещении редакции газеты «Воля России», собралось несколько человек — членов партии социалистов-революционеров и сочувствующих — для обсуждения вопроса о создании на территории Чехо-Словацкой Республики Объединения Российских Земских и Городских деятелей.

Идея создания организации этого типа была не нова. В Париже уже около года существовало Земско - Городское Объединение, поставившее себе целью оказание помощи российским гражданам во Франции. Но обстановка, в которой предстояло работать намечавшейся в Праге организации, значительно в то время отличалось от той, в которой осуществляло свою деятельность парижское объединение и задачи вырисовывавшиеся перед инициаторами Пражского Земгора были несравненно труднее и сложнее.

В то время, во Франции беженцев, в прямом смысле этого слова, почти не было. Многотысячная беженская волна не успела еще туда докатиться. Французские власти с чрезвычайно большой строгостью пропускали к себе русских и во Францию попадали лишь видные представители политической эмиграции или зажиточные, материально обеспеченные, беженцы, редко нуждавшиеся в попечении. Объектом попечения парижского Земско-Городского Объединения являлись оставшиеся во Франции солдаты русского экспедиционного корпуса и группы русских военно-пленных, пробравшиеся нелегально из германских лагерей через французскую границу. И бывшие солдаты и военно-пленные представляли собою в массе рабочих и крестьянский элемент и сравнительно легко устраивались на работу в сельском хозяйстве и в фабрично заводской промышленности, все время нуждавшихся в иностранной рабочей силе.

Совсем иное положение было в Чехо-Словакии. Сотнями и тысячами направлялась сюда беженская масса, без виз и паспортов, пробираясь через румынскую, польскую, австрийскую границу. Нищие, голодные, оборванные, бесправные, беспомощные, дезорганизованные и деклассированные годами мировой и гражданской войны и прозябанием в разного рода концентрационных лагерях, они устремлялись в гостеприимную славянскую Чехо-Словакию, откуда, переходивших через границу, беженцев обратно не выселяли и где они надеялись найти приют и покой.

По официальным сведениям Чехо-Словацкого Правительства к началу 1921 года число русских беженцев в Чехо-Словакии превышало 20.000 душ. И число это безостановочно с каждым днем возрастало.

Необходимо было быстро и в большом масштабе организовать помощь этой многотысячной обездоленной массе и ввести ее жизнь в мало мальски правильное русло. Необходимо было в первую очередь накормить беженцев, урегулировать их правовое положение и принять меры к опеспечению их хоть сколько нибудь постоянным заработком. А между тем, молодая, не успевшая окрепнуть, Чехо-Словацкая Республика сама переживала довольно острый экономический и промышленный кризис. В стране имелись десятки тысяч своих безработных и вопрос об устройстве на работы русских беженцев, к физическому и ручному труду в массе не приноровленных, являлось делом довольно трудным и деликатным.

В 1920 году были отдельные попытки в ограниченном масштабе наладить беженское дело в Чехо-Словакии. Некоторое время проработал так называемый Русский Комитет, во главе с городским головой города Праги, Др. Баксой, американская миссия методистов что-то делала для русских одновременно с чешским Красным Крестом. Было организовано самими русскими беженцами «Трудовое Русское Общество», ставившее себе целью всестороннюю трудовую помощь беженцам. Но все эти попытки не дали и не могли дать желательных результатов. Задача была слишком трудная и сложная.

В этом отдавало себе отчет и Чехо-Словацкое правительство, которое сильно было озабочено тяжелым положением русских беженцев и решило организовать им помощь в государственном масштабе.

Но как и каким путем? В какие формы должна была вылиться та организация, на которую можно было бы с уверенностью в успехе возложить сложное и трудное беженское дело? Эта организация должна была раньше всего знать бе-

женскую среду, пользоваться ее доверием, а на ряду с этим достаточным авторитетом и доверием в глазах чешского общества и правительства.

Такой организацией могло, в местных условиях, явиться только широко общественное демократическое и беспартийное Объединение Российских Земских и Городских Деятелей. Таково было мнение не только инициаторов создания пражского Земгора, но и компетентных общественных и политических деятелей Чехо-Словацкой республики. С этой стороны дело для нас было ясно.

Несмотря на все трудности и сомнения, инициативное собрание 21 февраля 1921 г. единогласно решило немедленно приступить к образованию объединения Земских и Городских Деятелей в Чехо-Словацкой Республике.

В основу образования Объединения был положен принцип участия кандидатов в члены Объединения в земско-городской работе в России. Однако по характеру предстоящей деятельности нового объединения, инициаторы его считали нецелесообразным включение в его состав лиц определенно монархического или большевицкого толка. Ответственность взятая инициаторами пражского объединения перед Чехо-Словацким народом и правительством, а также перед беженской массой, заставляли с сугубой осторожностью относиться к приему новых членов в Объединение и диктовали необходимость ограждать новую организацию от острой внутренней политической борьбы.

Увы, деятельность Земгора, не взирая на всю ее сугубую аполитичность, была с самого начала встречена, реакционными, большевицкими и пробольшевицкими группировками как фактор только политический.

Политическая борьба против Земгора, самая бессмысленная и ожесточенная, велась с первых дней его возникновения и справа и слева; она ведется до сих пор, несмотря на то, что своей пятилетней деятельностью работники Земгора доказали всю свою преданность беженскому делу, всю свою объективность и аполитичность в работе.

Смысл этой борьбы, был как нельзя лучше сформирован членом оппозиции Земгора С. С. Масловым, заявившим в последнем общем собрании объединения:

— Мы боремся не против Земгора, как такового, а против партии социалистов-революционеров в Земгоре.

План деятельности.

В основных своих чертах план деятельности Пражского Земгора с самого начала был подсказан самой жизнью.

В чем прежде всего, сильнее всего и больше всего нуждалась многотысячная беженская масса?

В первую очередь она нуждалась в материальной помощи. Необходимо было голодных накормить; оборванных одеть и обуть; бездомным дать приют, место для ночлега; больных — лечить и снабдить медикаментами.

Наряду с этой совершенно неотложной помощью необходимо было заняться устройением правового положения беженца, удостоверением его личности, легализацией его бумаг, исходатайствованием ему разрешения на право жительства в Чехо-Словакии и т. д.

Но недостаточно было накормить, обуть человека, дать ему кров, оказать ему медицинскую помощь, исхлопотать ему вид на жительство, необходимо было безотлагательно позаботиться о том, чтобы создать ему возможности самостоятельного прочного существования, подыскать мало мальски постоянный заработок, приноровить его к здоровому труду и освободить его от невольного положения паразита.

Необходимо было тут же подумать и о духовных запросах беженской массы. Как организация общественно-демократическая, Земгор не мог не интересоваться духовной, культурной жизнью тех, кому он должен был помогать материально.

Сообразно со всеми этими основными задачами Пражский Земгор с самого начала своего существования распределил свою деятельность по следующим главным отделам:

1) Отдел помощи с анкетно-регистрационным подотделом, 2) Отдел трудовой с Бюро труда, 3) Отдел медицинский и 4) Отдел Культурно-Просветительный.

А для осуществления своей деятельности в отдаленных от Праги крупных центрах скопления русских беженцев и транзитных пунктах, через которые беженская масса, после перехода через австрийскую, польскую или венгерскую границы, устремлялась в Прагу, были образованы особые Представительства и агентства Земгора. В первую очередь были открыты представительства в главном городе Словакии — Братиславе и в главном городе Подкарпатской Руси — Ужгороде; последнему было подчинено открытое впоследствии агентство Земгора в Кошицах.

Представительства и агентства Земгора должны были в районах их действия осуществлять под контролем и руко-

водством Комитета Земгора все те же виды помощи беженцам, какие в Праге и в районе Праги осуществлял сам Комитет Земгора через свои отделы.

Материальная помощь.

Помощная деятельность Земгора, или точнее: деятельность по оказанию беженцам непосредственно материальной помощи осуществлялась самыми разнообразными путями: путем выдачи бесплатных обедов и ужинов в столовой Земгора; путем предоставления бесплатной квартиры в общежитии Земгора; путем бесплатной выдачи одежды, белья, обуви, рабочих костюмов и починки обуви; путем выдачи в особых случаях безвозвратных мелких денежных пособий, путем выдачи возвратных ссуд и т. д.

Само собою разумеется, что эти виды материальной помощи беженцам могли носить исключительно временный характер, как в отношении каждого беженца в отдельности, так и с точки зрения общего плана беженской акции.

Накормить, обуть, одеть беженца, помочь ему денежным пособием или ссудой представлялось необходимым, как общее правило, лишь на первых порах, лишь до тех пор, пока не удавалось, в том или ином качестве, более или менее прочно обеспечить его материально. Устроенный на работу или поступивший в учебное заведение беженец в систематической материальной помощи больше не нуждался.

А так как приток новых беженцев извне должен был постепенно сокращаться, а современем и совсем сойти на нет, то и вся деятельность Земгора в области оказания непосредственно материальной помощи должна была мало-по-малу, по мере вхождения наличных в Чехо-Словакии беженцев в окружающую жизнь и по мере сокращения притока новых беженцев извне, сократиться с тем, чтобы в конце концов совсем сойти на нет.

Так оно в действительности и происходило. Из статистических данных Комитета Земгора мы усматриваем, что **продовольственная помощь** беженцам достигает своего кульминационного пункта в 1922 году, т. е. в период, когда беженская волна продолжает усиленно вливаться в Чехо-Словакию. В этом году продовольственную помощь от Земгора получило 6.594 чел., на сумму в 311.029 чешских крон.

В следующем 1923 году число лиц воспользовавшихся этим видом помощи понижается до 5.908, на сумму в 229.660 крон.

В 1924 году бесплатное продовольствие отпускается Земгором лишь 4.932 лицам, на сумму в 155.100 крон.

А в 1925 году — всего лишь 1928 человек — беженцев, студентов, учащихся — обращается за продовольственной помощью и получают ее на сумму — в 62.500 кр.

Точно также обстоит дело с остальными видами материальной помощи.

Вещевой помощью: одеждой, обувью, бельем и рабочими костюмами пользуются:

В 1922 году — 1.277 чел. на сумму в 175.260 ч. крон.

В 1923 году — 1.038 чел. на сумму в 79.420 ч. крон.

В 1924 году — 902 чел. на сумму в 52.803 ч. крон.

В 1925 году — 172 чел. на сумму в 6.666 ч. крон.

Жилищной помощью пользуются:

В 1922 году — 4.430 чел.; в 1923 году — 2.129 чел.; в 1924 году — 1.635 чел.; в 1925 г. — 927 чел.

Точно такой же процесс постепенного сокращения чисто материальной помощи беженцам наблюдается в представительствах Земгора: в Ужгороде и Братиславе.

Приведенные цифры несомненно свидетельствуют о том, что степень нуждаемости беженской массы постепенно и неуклонно понижалась и что русские беженцы действительно вросли экономически в окружающую жизнь. Необходимо однако отметить что цифры эти не являются абсолютными в том смысле, что объект для оказания материальной помощи—нуждающаяся беженская масса—совершенно автоматически уменьшается численно и должен в такой-то срок исчезнуть совсем.

Даже при нормальных условиях жизни в капиталистическом обществе всегда имеется то или иное количество граждан нуждающихся в материальной помощи, а тем более в ненормальных условиях беженской жизни. Сокращение материальной помощи русским беженцам, наряду с действительным сокращением нуждаемости в беженской среде, сопровождалось **совершенно естественным** желанием Чехо - Словацкого правительства хоть сколько нибудь уменьшить специальные расходы по оказанию помощи русским беженцам, с тем, чтобы предоставить это дело соответствующим чешским организациям, и приравнять таким образом русских беженцев к местному населению.

Медицинская помощь.

Совершенно иную эволюцию проделал за истекшие пять лет медицинский отдел Земгора.

Пережившие в огромном своем большинстве тяжелые годы мировой и гражданской войны, скитания по лагерям и чужим странам, в обстановке нищеты, лишения и скверных гигиенических условий, русские беженцы, прибывшие в Чехо-Словакию, представляли собою среду весьма благоприятную для всякого рода заболеваний. И Земгору пришлось с самого начала своей деятельности поспешить с оказанием медицинской помощи беженцам.

С августа 1921 года медицинский отдел Земгора открыл амбулаторию для приема больных по самым разнообразным болезням, и зубоврачебный кабинет.

Помимо бесплатной консультации, больные беженцы получали бесплатные медикаменты, а в необходимых случаях и соответствующее усиленное питание.

В противоположность помощному отделу, деятельность которого, поднявшись до определенного уровня, стала постепенно, по мере устройства беженцев, понижаться, деятельность медицинского отдела с некоторыми колебаниями развивается все время. Это и естественно. Устроенные на работу или в учебном заведении, беженцы в большинстве своем все же живут в условиях сравнительно неудовлетворительных. А сырой пражский климат, дающий неизменно большой процент заболеваемости в местном населении, отражается еще более пагубно на русских беженцах, к этому климату непривыкших и прибывших сюда с расшатанным здоровьем.

За первые 5 месяцев 1921 года в амбулатории Земгора было 1.008 приемов больных; в 1922 году — 4789 приемов; в 1923 году — 6.627; в 1924 году — 5.819 и в 1925 году 2.986. Понижение количества приемов в 1924 и 1925 годах объясняется не понижением заболеваемости, а тем, что с одной стороны за эти годы уже полным темпом функционировала санатория для туберкулезных, а с другой — сокращением финансовых возможностей медицинского отдела, вследствие чего пришлось прекратить прием по специальным болезням: ушным, горловым, глазным и т. д.

Еще сильнее развивается за истекшие пять лет деятельность зубоврачебного кабинета Земгора. В то время, как амбулаторная медицинская помощь, помимо Земгора, все же оказывается бесплатно русским беженцам и другими организациями: Красным Крестом, городскими больницами и т. п., бесплатная зубоврачебная помощь оказывается исключительно Земгором и зубоврачебный кабинет Земгора, где постоянно работает 2 зубных врача и врач — ассистентка, посещается многочисленным русским студенчеством, беженцами, украинцами, белоруссами, армянами и др.

Статистические данные зубоврачебного кабинета Земгора дают довольно красноречивую картину развития его деятельности:

За 5 месяцев 1921 года было 723 приема; за весь 1922 год было 5475; в 1923 году — 6389; в 1924 году — 10.354; в 1925 году — 12.206.

С первых шагов своей работы медицинский отдел Земгора столкнулся с значительным количеством больных туберкулезом, для которых амбулаторное лечение оказывалось недостаточным. Приходилось этого рода больных устраивать в чешских санаториях и больницах. Но этот способ оказания помощи оказался слишком дорогим и ограниченность средств не позволяла устраивать всех нуждавшихся в санаторном лечении. Принимая во внимание, что большинство заболеваний туберкулезом являлись результатом плохого питания беженцев и климатических условий Праги, медицинский отдел в некоторых случаях прибегал к выдаче денежных пособий на усиленное питание и на проживание в деревне. Но и этот способ помощи туберкулезным стоил недешево и не разрешал вопроса о радикальном лечении.

А между тем заболеваемость туберкулезом среди учащейся русской молодежи в Праге безостановочно возрастала и принимала массовый характер. Сырой, туманный, изменчивый климат Праги, воздух отравленный угольной копотью и пылью от окружающих город фабричных труб чрезвычайно способствует туберкулезу вообще. Не мог этот климат не отразиться на здоровье русской беженской молодежи. Приходилось подумывать о мерах борьбы с туберкулезом и у Земгора возник план создания особой русской санатории.

Лишь в 1923 году удалось приступить к осуществлению этого плана. С разрешения и при финансовой поддержке Чехо-Словацкого правительства удалось сравнительно дешево купить в высокой лесистой местности небольшое каменное здание, где в сентябре 1923 года была открыта санатория на 35 больных, под названием «Русская Здравница Земгора».

Но через несколько месяцев обнаружилось, что 35 кроватей мало для удовлетворения всех больных и что оборудования помещения здравницы недостаточно для серьезного санаторного лечения. Вставал вопрос о расширении и усовершенствовании оборудования Здравницы. Осенью 1924 года, Мин. Ин. Дел согласилось отпустить необходимые на это дело дополнительные средства и в ноябре Здравница была временно закрыта и было приступлено к работам по перестройке и оборудованию.

Пришлось надстроить этаж, пристроить веранды и террасы, проводить водопровод, канализацию, электричество,

прокладывать в лесу дороги. Пришлось заново переделать все палаты, приемную, аптеку, помещение для прислуги, столовую, кухню и проч. К первому апреля 1925 года вся эта работа была закончена и Здравница вновь была открыта для приема больных. В настоящее время Здравница Земгора представляет собою образцовую санаторию на 60 кроватей, где больные всех стадий пользуются всеми видами лечения и где помимо хорошей пищи, чистого соснового воздуха, они находят самый внимательный уход, уютную русскую обстановку, библиотеку, игры, радио-концерты — словом все то, что необходимо для того, чтобы больной отдыхал физически и морально.

За 9 месяцев 1925 года в Здравнице перебивало 180 больных. Выписалось за это время 122, из коих 31 выздоровели окончательно, значительно улучшили свое здоровье 84 чел.

Из 180 больных за 1925 год 122 приходится на студентов, 13 на воспитанников средних школ, 27 на лиц интеллигентных профессий и лишь 18 на лиц физического труда. Самое большое число больных приходится на молодежь в возрасте от 20 до 30 лет.

Трудовая помощь.

Самой сложной и трудной для разрешения являлась проблема трудовой помощи.

Главное затруднение заключалось в том, что значительное большинство беженцев являлись лицами интеллигентных профессий. Из 5.852 беженцев, зарегистрированных в Земгоре, мужчин и женщин, на лиц интеллигентных профессий приходится 3.598, а на категории ремесленников, земледельцев, фабрично-заводских рабочих и лиц ручного труда приходится всего лишь 2.254 чел. Среди лиц интеллигентных профессий более трех четвертей приходилось на категории с средним образованием, т. е. на категории неквалифицированного интеллигентного труда, которым труднее всего бывает во всех странах и при всех условиях находить работу. В Чехо-Словакии же, постоянно ощущается большой избыток интеллигентных труженников. Как же найти при таких условиях работу иностранцу, не знающему языка и местных условий?

Правда, одна из провинций Чехо-Словацкой республики, Подкарпатская Русь, могла бы поглотить некоторое количество интеллигентных русских сил: учителей, врачей, юристов и т. д. Но целый ряд внутренних, чисто местных условий, не благоприятствовали устройству русских в Подкарпатской

Руси. С большим трудом, после долгих ходатайств на службу были приняты единицы.

Из официальной статистики Трудового Отдела Земгора явствует, что из 5000 устроенных через Земгор на работу отдельных беженцев только 324 по специальностям приходится на лиц интеллигентных профессий. Правда, спрос на эту категорию труда был несколько выше (475), но среди массы русских беженцев интеллигентных профессий не нашлось соответствующего количества лиц приспособленных к местным условиям.

Таким образом, единственное на что могли рассчитывать беженцы, был труд физический, ручной. В этой области спрос был значительно выше предложения. На 8.098 требований от работодателей на лиц физического и ручного труда Земгор мог за все время удовлетворить лишь 4.622.

При этом следует заметить, что спрос на труд далеко не одинаков во всех категориях физического и ручного труда. Главный спрос за все время был на рабочих сельско-хозяйственных и чернорабочих. 6.489 требований было зарегистрировано на рабочих этих двух категорий, а предложений труда по этим категориям было чуть не в 4 раза меньше — 1.659. Таким образом земледельцы и чернорабочие имели возможность менять работодателей по несколько раз, выбирая наиболее выгодные условия работы.

Сравнительно неплохо обстояло дело с устройством на работу мужчин легкого физического труда (сторожей, курьеров и проч., и женщин: кельнерш, нянь, швей. Тут спрос тоже значительно превышал предложение (880 и 633) и число фактически устроенных сравнительно удовлетворительно (442).

Хуже гораздо было положение квалифицированных рабочих и ремесленников. Существовавший в начале деятельности Земгора кризис в фабрично-заводской промышленности, незнание беженцами-рабочими языка и то обстоятельство, что чешские предприниматели с трудом принимают рабочих не членов профессиональных организаций, а местные профсоюзы неохотно включают в свой состав иностранцев, лишали возможности сразу устраивать на работу беженцев этой категории.

Вот почему для того, чтобы предоставить работу русским беженцам рабочим и ремесленникам на первых порах и приучить к физическому труду лиц неквалифицированных интеллигентных профессий, Земгору пришлось испробовать иные пути: создание русских артелей, мастерских, ремесленных школ, оказание материального содействия тем из бежен

цев, которые выражали желание изучать ремесло или специализироваться в ремесле в чешских предприятиях.

Целый ряд мастерских, организованных «Русским Трудовым Обществом» существовал уже в Праге. Земгору пришлось взять их под свое руководство в готовом виде со всеми теми организационными недочетами, которые были допущены инициаторами этих предприятий. Пришлось создавать и новые более широкого масштаба предприятия.

Из предприятий, которые в разное время организовывались или поддерживались Земгором и в которых русские беженцы получали заработок и приучались к ручному труду следует отметить:

Сапожную мастерскую, в которой работало 5 человек и которая просуществовала до конца 1924 года.

2 переплетные мастерские: в Праге и Брно. Первая существует и в настоящее время. В ней постоянно зарабатывает средства к существованию артель в 3—4 чел. Через нее за истекшие годы прошло значительное количество беженцев, обучившихся переплетному делу и устроившихся в чешских предприятиях. Вторая переплетная мастерская в Брно была закрыта в 1922 местными властями, так как вследствие цеховых затруднений мастерская не могла быть зарегистрирована в местной управе.

Брошюровочную мастерскую, в которой работало попеременно до 15 человек и в которой обучилось брошюровочному делу несколько десятков человек.

Столярную мастерскую, существовавшую больше года в Праге, а затем перенесенную в Братиславу, где в ней работало несколько человек до конца 1924 г.

Парикмахерскую — существующую на артельных началах с 1921 года до настоящего времени и покрывающую с избытком все свои расходы.

Ресторан «Русского Дома», дававший постоянный заработок 30 служащим и отпускавший дешевые обеды беженской массе.

Рыболовную артель на Дунае, просуществовавшую 2 года.

Артели строительные в Подкарпатской Руси и артели лесные в Словакии, где в разное время находили себе заработок сотни русских беженцев.

Практика однако показала, что, как общее правило, в силу местных условий и характера самих беженцев, специальным русским мастерским и артелям, без помощи извне, трудно существовать и выдерживать конкуренцию чешских предприятий. Вот почему, по мере того, как открывалась возможность устраивать беженцев на стороне, Земгор старался

ликвидировать собственные предприятия. Так или иначе, свыше 500 человек получили временный заработок и приучились к физическому труду в этих предприятиях и задача, которую Земгор себе ставил, создавая их, в значительной степени была разрешена.

Неменьшее количество беженцев получили от Земгора ремесленные пособия и субсидии на время практики в чешских предприятиях и в свою очередь постепенно приносились к местным условиям и вошли в трудовую жизнь страны.

Постепенно осуществляя свой план широкой трудовой помощи русским беженцам в Чехо-Словакии, Земгор не мог ограничиваться только задачами непосредственно сегодняшнего дня. Его занимала и мысль о необходимости подготовить одновременно некоторый контингент таких специалистов, которые могли бы применить свои специальности и на чужбине и в будущей России. В этих целях были основаны: Авто-тракторная школа и Высшее училище техников путей сообщения.

Идея организации русских автомобильных курсов в Праге зародилась летом 1921 года, когда Земгор изыскивал пути и способы обучения безработных беженцев полезному труду, который мог бы им опеспечивать верный заработок. Открытые в августе 3-х месячные курсы просуществовали около года. Девяносто с лишним человек обучилось за этот срок шоферскому делу и нашли себе заработок. Но очень скоро стало ясно, что наспех обучившимся шоферскому делу русским шоферам в Чехо-Словакии трудно конкурировать с местными, более квалифицированными шоферами. Возникла необходимость дать русским шоферам более солидную техническую подготовку, которая дала бы возможность окончившему курсы не только управлять автомобилем, но и починить его, заменить испорченную часть машины. Вставал вопрос о том, чтобы слушатели автомобильных курсов обучались делу, которое давало бы им возможность не только получить заработок за-границей, но и позволило бы им приложить приобретенные знания и по возвращению в России. При практическом изучении этого вопроса вырисовывалась целесообразность обучения слушателей курсов не только легковому автомобильному делу, но и управлению различными земледельческими авто-тракторами.

Таким образом, при содействии Чехо-Словацкого Правительства, которое предоставило необходимые средства и 2 автомобиля и при поддержке некоторых крупных чешских заводов, отпустивших Земгору, необходимые для оборудования машины и материалы, в конце лета 1922 была открыта

авто-тракторная школа с механическим отделом. Одновременное число слушателей в школе — около 100 чел. Слушатели разбиваются на две группы: одна с шестимесячным курсом обучения; другая — с одиннадцати месячным. Первая группа по окончании представляет собою авто-тракторщиков, способных управлять различного рода машинами и производить необходимую несложную починку автомобиля. Вторая группа изучает более обстоятельно слесарное, кузнечное, токарное дело и по окончании дает действительных мастеров автомобильного дела. Все слушатели во время пребывания на курсах получают стипендию в 500 чеш. крон в месяц и дешевые, трамвайные и железнодорожные билеты.

Помимо практических знаний, слушателям авто-тракторных курсов преподается программа теоретических знаний: алгебры, геометрии, физики, технологии, черчения, счетоводства и т. д.

За пять лет существования школы 500 человек окончили в ней курс и успешно сдали экзамены. Все окончившие получили работу, частью как городские шоферы, частью, как механики при земледельческих машинах, а частью в качестве квалифицированных рабочих на заводах.

Большая часть окончивших Автошколу устроились во Франции, остальные нашли работу в Сербии, Болгарии, Австрии и Чехо-Словакии.

В настоящее время в школе обучается 109 человек.

Русское железнодорожно-техническое училище в Праге было открыто в декабре 1922 года. Первоначальная программа училища была рассчитана на подготовку средних железнодорожных техников. Позже однако, по ознакомлению со спросом в Европе на специалистов этой категории, выяснилось, что лишь техники путей сообщения более высокой квалификации могут рассчитывать на получение заработка. В 1923 году программа была значительно расширена применительно к высшему училищу техников путей сообщения, с двухгодичным сроком обучения. Первый выпуск техников путей сообщения был произведен в апреле 1925 года. Успешно окончило 31 человек. Все окончившие получили работу по специальности.

В настоящее время в училище обучается еще 80 человек. Все учащиеся, как и авто-тракторной школе, получают стипендию в 500 крон в месяц.

Как видно на примере слушателей авто-тракторной школы, большинство окончивших эту школу нашли себе заработок за пределами Чехо-Словакии и, главным образом, во Франции. Но, помимо шоферов-механиков, и другие трудовые элементы русского беженства в Чехии: земледельцы, ре-

месленники и фабрично-заводские рабочие обнаружили тягу во Францию. Для земледельцев эта тяга объясняется тем, что в общем условия земледельческого труда в Чехии, а в особенности в Словакии, весьма тяжелые по сравнению с Францией. Огромное количество чешских и словацких батраков ежегодно оставляет свою родину и переселяется по контракту во Францию в качестве сельско-хозяйственных рабочих у французских фермеров, этим отчасти и объясняется сравнительно большой спрос на рабочие руки в чешском земледелии. Не могли не обратить своего внимания на Францию и русские земледельцы в общем живущие в условиях менее благоприятных, нежели их товарищи чехи или словаки. Ремесленники и фабрично-заводские русские рабочие, как сказано выше, с трудом находили себе в Чехии работу и их стремление во Францию, где все время существует большой спрос на иностранную рабочую силу была более чем естественным. Но ни земледельцы, ни рабочие русские собственными силами пробираться во Францию при существующих паспортных затруднениях конечно не могли. И Земгор, идя навстречу желаниям самих беженцев, решил воспользоваться своими связями в правительственных и общественных кругах Франции для того, чтобы помочь переселению русских беженцев из Чехо-Словакии во Францию. В 1924 году в этих целях было учреждено во Франции специальное агентство Пражского Земгора, которому поручено было подыскивать работу для отдельных беженцев, исхлопывать визы на въезд во Францию, и оказывать им содействие на первых порах в самой Франции. Уезжавшим из Чехии Земгор оказывал всяческую помощь: денежную, паспортную и проч.

Таким путем, в течении 1924 года было переправлено во Францию свыше 100 чел. Но в процессе этой работы по переселению выяснилось, что спрос на рабочие руки во Франции вообще и в сельском хозяйстве, в особенности очень велик и что материальные условия труда во Франции несравненно лучше, нежели в Чехо-Словакии.

Принимая, во внимание эти обстоятельства, Земгор, конечно, не мог ограничиться формальным отношением к беженцу: устроил его в Чехии на работу — и кончено. Поскольку представлялась возможность доставить русскому рабочему более благоприятные условия существования, к использованию этой возможности должны были быть приложены все усилия. Так возник план более широкого и организованного переселения беженцев во Францию. Задача переселения не ограничивалась по этому плану одними лишь беженцами из Чехии. Имелись ввиду более широкие контингенты русских беженцев Югославии, Болгарии и других стран, где по

нашим данным, условия труда для русских беженцев были несравненно хуже тех, которые существуют во Франции.

Для выполнения этого плана Земгор в начале 1925 году, в первую очередь, вступил в сношения с Французским правительством и получил формальное разрешение на массовое переселение во Францию русских земледельцев.

Однако, одного этого разрешения оказалось недостаточно. Вопрос об иммиграции во Францию вообще уже давно занимает не только Французское правительство, политические партии Франции, профессиональные рабочие организации, синдикаты предпринимателей, но и международное Бюро Труда при Лиге Наций и правительства других заинтересованных стран.

Международное Бюро Труда заключило даже в феврале 1925 с Французским правительством особое соглашение, по которому ввоз во Францию иностранных, а в частности русских, рабочих должен непременно регулироваться международным Бюро Труда. И Земгору пришлось, с одной стороны войти в сношения с международным Бюро Труда, а с другой — с профессиональными рабочими организациями Франции и с синдикатами работодателей.

На вопросе о переселении русских беженцев во Францию скрестились государственные интересы Франции с общим планом Международного Бюро Труда; интересы синдикатов французских предпринимателей с интересами рабочих профессиональных союзов. Все развитие этого дела осложнилось с другой стороны деятельностью спекулянтских русских организаций, вроде оперировавшего в Югославии и Болгарии общества «Технопомощь», которое раньше Земгора взялось за переселение русских беженцев во Францию, но в совершенно иных целях, нежели Земгор. В то время, как деятели Земгора в деле переселения русских рабочих во Францию были озабочены исключительно стремлением улучшить материальное положение беженцев, «Технопомощь» раньше всего искала наживы для себя и заставляла беженцев дорого оплачивать **право** на переселение во Францию, несколько при этом не интересуясь условиями, в которые переселяемые попадали. А наряду с этим та же «Технопомощь» обслуживала монархические русские организации, в планы которых входило переселение остатков врангелевских частей из Болгарии и Югославии во Францию. Все эти обстоятельства, чрезвычайно затормозили и осложнили работу Земгора по переселению во Францию.

Тем не менее, за вторую половину 1925 года удалось переселить из Чехии во Францию около 300 рабочих земледельцев и свыше 100 фабрично-заводских рабочих. И есть

надежда, в будущем осуществить план переселения и в более широком масштабе.

Резюмируя вкратце результаты деятельности Земгора в оказании трудовой помощи русским беженцам в Чехо-Словакии мы констатируем:

Около 5000 человек было устроено на работу непосредственно через Бюро Труда Земгора в Праге; свыше 1.000 чел. получили работу через Братиславское агентство Земгора; 1.200 с лишним человек были устроены представительством Земгора в Ужгороде; 600 с лишним человек прошли через авто-тракторную-школу, изучили ремесло и опеспечены заработком; свыше 100 человек получили и получают еще высшее техническое образование в училище техников путей сообщения и, так или иначе, обеспечены средствами к существованию. Несколько сотен беженцев получили ремесленное пособие или стипендию в качестве практикантов на чешских заводах и таким путем устроили свою трудовую жизнь. И, наконец свыше 400 человек, рабочих и земледельцев были отправлены во Францию, где они работают в сравнительно благоприятных материальных условиях.

В результате всей этой деятельности, огромное большинство русских беженцев в Чехо-Словакии пролетаризировалось, приучилось к ручному и физическому труду, нашла заработок и окончательно вышла из паразитарного состояния людей нуждающихся в материальной помощи и опеке.

Число безработных русских всех категорий, радикально понижается из года в год: В 1921—2 году обращались за работою через Бюро Труда в Праге — 1859 чел.; в 1923 г. — 1089; в 1924 — 446 и в 1925 — 196. Резкое понижение предложения труда в 1924 и 1925 годах объясняется, помимо всего, и тем, что значительное количество русских рабочих было усилиями Земгора переправлено на работу за-границу и, главным образом, во Францию.

Таким образом, проблему трудовой помощи русским беженцам **в пределах Чехо-Словакии** можно было бы считать разрешенной, если бы на сцену не появилась новая категория ищущих труда, в лице 5000 русских студентов, частью окончивших в конце 1925, частью оканчивающих в 1926 и 1927 г. высшие учебные заведения в Чехо-Словакии.

Не взирая на то, что большинство этих студентов училось и учится в чисто чешских учебных заведениях, и в смысле знания языка и местных условий находится в лучших условиях, нежели первые контингенты беженцев, с которыми Земгору приходилось иметь дело, объективные условия, на которые я указывал выше, не позволяют надеяться на то, чтобы можно было устроить хоть сколько нибудь

значительное число из них по специальностям в Чехо-Словакии. Огромному большинству из них, в особенности юристам, кончающим русский юридический факультет в Праге, придется приспособливаться к ручному труду и в свою очередь пролетаризироваться, если в ближайшее время не откроется возможность возвращения на родину. Идя на встречу этому неизбежному процессу, Земгор в 1925 году, как только появились первые контингенты окончивших высшие учебные заведения, беженцев, приступил к организации для них профессиональных курсов. К концу года 46 человек окончили эти курсы и все устроились на работах в Чехии или во Франции. В настоящее время уже открыты электро-технические курсы, на которых обучается 20 чел. и курсы кройки и шитья, на которых обучается 20 курсисток. В ближайшее время предполагается расширить существующие курсы и открыть новые, дабы дать возможность изучить ремесло наибольшему числу из оканчивающих студентов.

Одновременно с профессиональной подготовкой окончивших или оканчивающих русских студентов, Земгор с середины лета 1925 года, стал изыскивать пути для подыскания некоторым категориям: врачам, инженерам, агрономам, работы по специальностям в двух странах, где можно рассчитывать эту работу получить: во Франции, имея ввиду, главным образом, французские колонии, и в Югославии, где в противоположность другим европейским странам, ощущается недостаток в интеллигентных труженниках. В настоящее время продолжают переговоры по этому поводу с соответствующими правительственными учреждениями этих стран. Несколько человек врачей уже удалось устроить во французских колониях. Всего по настоящее время удалось отправить, в том или ином качестве, в разные страны около 100 окончивших в Чехии студентов.

Но проблема оказания трудовой помощи русским студентам оканчивающим в ближайшее время Высшие Учебные Заведения в Чехо-Словакии далеко еще не разрешена.

Культурно-просветительная деятельность.

Одновременно с оказанием всесторонней помощи русским беженцам в Чехо-Словакии, Земгор, с самого начала своей деятельности, обратил свое внимание на удовлетворение культурных нужд и запросов русского беженства. В процессе работы Культурно-просветительного отдела Земгора постепенно определились три основные линии культурно-просветительной деятельности: Поддержка и развитие, в оторванных от родной почвы, русских людях основ русской куль-

туры путем организации библиотек, читален, лекций, курсов, экскурсий и проч.; обеспечение образованием и воспитанием беженской школьной молодежи путем открытия русских школ, пансионов, гимназий и содействия поступлению в чешские учебные заведения; организация при содействии, очутившихся в эмиграции русских ученых научно-культурного исследования вопросов, разработка которых при нынешних политических условиях в самой России невозможна.

По этим трем линиям и развивалась культурно-просветительная деятельность Земгора. Уже летом 1921 г. было приступлено к организации общедоступных лекций, курсов, библиотеки, читальни и т. д. Общедоступные лекции и доклады с самого начала имели ввиду широкую массу простых беженцев, живо интересовавшихся обще-политическими, литературно-художественными, историческими вопросами и вопросами современного состояния России.

В одной лишь Праге за первые 2 года деятельности Земгора было устроено 113 лекций, на которых присутствовало около 16.000 слушателей. А кроме Праги лекции устраивались в Ужгороде, Братиславе, Брно, Пшибраме и других центрах скопления русских.

Надобно при этом заметить, что на первых порах многочисленная русская профессура в Праге упорно бойкотировала этот вид культурно-просветительной деятельности Земгора и отказывалась выступать в качестве лекторов от имени Земгора на том лишь основании, что Земгором руководят члены партии социалистов-революционеров. В самом начале, отдельными лицами и группами из правого лагеря были сделаны попытки сорвать лекции в «Русском Доме» с тем, чтобы напугать слушателей и расстроить начатое чисто культурное дело. Но эти попытки не увенчались успехом. Тяга беженской массы к знанию была слишком велика. И под влиянием этой тяги сама профессура стала постепенно подходить к лекционной деятельности Земгора, быть может, не без задней мысли современем овладеть ею.

Наряду с отдельными общедоступными лекциями были организованы Земгором систематические курсы по вопросам социологии, кооперации, истории русской общественности, новейшей литературы, музыки и т. д., а также курсы практического значения: курсы языков, курсы стенографии и др. Все эти курсы посещались многочисленной аудиторией. Так постепенно возникла мысль о необходимости создания правильно организованного народного университета.

Для осуществления плана создания русского народного университета в Праге, Земгору пришлось войти в соглашение с русской академической группой, которая, как сказано вы-

ше, по политическим мотивам, избегала первоначально сотрудничества с Земгором. Отсюда ясно, что соглашение было достигнуто не без труда и являлось результатом компромисса. Необходимо было придумать такие формы сотрудничества, при которых обоим сторонам было бы гарантировано одинаковое влияние на руководство работою Народного Университета. Но самые тонкие формы управления народным университетом не могли уничтожить политических антагонизмов в его среде, которые обострялись, почти все время.

Несмотря на трудность такого положения, Народный Университет проделал весьма значительную культурную работу. Вся работа Народного Университета была сосредоточена в следующих семи отделениях: 1) Общественных наук, 2) Историко-философском, 3) Естественных наук, 4) Прикладных знаний, 5) По изучению Чехо-Словакии, 6) Специальных курсов и 7) Начальных школ.

На всех отделениях Народного Университета было записано около 900 человек слушателей. На общедоступных лекциях в Праге и провинции в общем перебивало свыше 8.000 слушателей за учебный год. Около 2.000 человек посетили исторические концерты, организованные Народным Университетом.

Но стремление профессуры овладеть полностью Народным Университетом было, повидимому настолько велико, что она не находила достаточного удовлетворения в самой деятельности Университета. Повидимому, ярко выраженный демократический отпечаток, который накладывался на Народный Университет «Земгором», стеснял и раздражал правую русскую профессуру. Борьба внутри руководящих органов Народного Университета все обострялась и, после долгих перипетий, на которых я здесь останавливаться не буду и по поводу которых за последнее время достаточно шумела все зарубежная русская пресса, Народный Университет ушел из под ведения Земгора и перешел к чешско-русскому обществу, специально для этого дела созданному.

У нас нет еще исчерпывающих данных о том, как живет русский Народный Университет, освободившийся усилиями профессоров и некоторых, враждебных социализму, политических групп от демократической «опеки» Земгора. Но по тем данным, которые в настоящий момент являются уже неоспоримыми, Народный Университет постепенно перестает быть **народным**. Нам известно, что уже закрыты начальные школы в Кошицах и Ужгороде. Нам известно, что идет речь о закрытии начальной школы в Праге с тем, чтобы средства расходуемые на эту школу обратить на открытие дополнительных курсов Закона Божия и русского языка для

профессорских детей. Нам известно, что идет сокращение курсов иностранных языков и стенографии, где обучались, главным образом, рядовые беженцы; что, почти, прекращены общедоступные лекции: вместо предполагавшихся по старой программе 4 общедоступных лекций в месяц, за весь зимний сезон их было устроено не более четырех. И, наконец, нам известен и такой случай «демократичности» из деятельности нового Народного Университета: студенческая молодежь из Брно обратилась в правление Народного Университета с просьбою прислать лектора для чтения лекции о декабристах. Вместо лектора о декабристах был послан проф. Савицкий с лекцией на тему: «Россия, как особый исторический мир».

Этих примеров пока достаточно. Земгору придется самостоятельно вернуться к своей **народной** деятельности: возобновить начальные школы, общедоступные лекции в Праге и провинции, курсы прикладных знаний, словом все то, что призвано обслуживать массу беженскую, а не ее интеллигентскую верхушку.

*

* * *

В ноябре 1921 года было заложено основание русской народной библиотеки в Праге. Первый книжный фонд библиотеки составил из пожертвований отдельных деятелей Земгора и едва превышал сотню книг. В 1922 году в библиотеку Земгора поступили во временное пользование: библиотека В. М. Чернова в количестве 1.500 томов; библиотека В. В. Сухомлина в количестве 500 томов и библиотека журнала «Воля России» в количестве 335 томов. Таким образом образовался более или менее солидный книжный фонд, постоянно пополнявшийся книгами, которые Земгор покупал.

Деятельность библиотеки развивалась довольно интенсивно и быстро. На первое января 1922 года в библиотеке имелось всего 389 книг, на которых было 50 абонентов; на первое января 1923 года число книг выросло до 5.155, из коих 272 выдавались ежедневно абонентам; на 1 января 1924 года число книг достигает 10.408, а число абонентов — 2.820 чел.; к 1 января 1925 года библиотека имела 15.636 томов, число абонентов превышало 3½ тысяч, а на 1-ое января 1926 года общее число томов в библиотеке равняется 18.314 и число постоянных абонентов выражается в цифре 4.214.

Рядом с библиотекой при Земгоре имеется читальня, где в большом уютном зале русские беженцы имеют возможность целый день читать газеты, книги, работать, писать. В читальне имеются все русские газеты и журналы, выходящие

за-границей, целый ряд периодических советских изданий и большой запас научных книг и учебников, которые на дом не выдаются.

Книжный фонд читальни Земгора составил из книг библиотеки Лаврова - Гоца, являющейся собственностью партии социалистов-революционеров и из книг библиотеки Е. Е. Лазарева. Общее число книг в читальне равняется 14.379. Среди этих книг, почти нет русской беллетристики (332 тома); несколько больше беллетристики иностранной: 523 тома; остальное — научные книги по всем отраслям знаний: философии, истории, социологии, медицине и т. д.

Помимо центральной библиотеки в Праге, Земгор имеет отделения библиотечные в Ужгороде, Братиславе, Брно и Ржичанах. Каждая из этих библиотек обладает основным книжным фондом от 500 до 2000 томов, который возобновляется и пополняется центральной библиотекой. Как центральная библиотека, так и ее отделения обслуживают довольно широко беженскую массу живущую в провинции путем обращения так называемых летучих библиотек.

*

* * *

Еще летом 1921 года перед Земгором встал вопрос о необходимости создания школы для русских детей в Праге. Детей школьного возраста в тот момент было не так много, но легко можно было предвидеть, что оно будет быстро увеличиваться. 15-го сентября 1921 года было заложено основание прогимназии Земгора, в которой в момент открытия насчитывалось всего 15 учеников. Но число это быстро возросло. На 1-ое января 1922 года число учащихся поднялось до 28, а к июню того же года — до 37. К осени 1922 года предвиделось значительное увеличение числа учеников обоего пола и Земгором был разработан план преобразования прогимназии в Русскую Реформированную Смешанную Реальную Гимназию. Число учащихся обоего пола при открытии гимназии Земгора не превышало 60. Но к концу 1922 года оно поднялось до 100, а учебный год 1923—4 г. был начат при 197 учащихся и закончен при 243.

Помимо бесплатного образования, учебников, учебных пособий неимущие учащиеся гимназии Земгора все время получают полное иждивение. Большая часть из них содержится в пансионах Земгора. Пансионеров два: для мальчиков и для девочек отдельно. К концу 1924 года в пансионе для мальчиков было 120 воспитанников, а в пансионе для девочек — 59. Некоторое количество взрослых учеников, получающих иждивение, живет на частных квартирах и получают на проживание 450 крон в месяц.

В нынешнем учебном году число учащихся в гимназии Земгора равняется 307. Из них мальчиков — 192; девочек — 115. Пансионеров — 174. Остальные, в большей или меньшей степени, помимо бесплатного образования пользуются частичной материальной поддержкой выражающейся: в бесплатных обедах, обмундировании, учебных пособиях и проч.

В настоящее время занятия происходят полным темпом во всех 8 классах. Гимназия во всех отношениях оборудована, сравнительно с общими беженскими условиями, вполне удовлетворительно. При гимназии имеется солидная библиотека, насчитывающая, вместе с учебниками, около 12.000 названий. Оборудованы физический кабинет и лаборатория. Состав учащихся в гимназии так же разнообразен, как и состав самой эмиграции. Тут есть уроженцы Архангельска, Закавказья, Западного края, Владивостока и т. д. Есть православные, католики, лютеране, буддисты, евреи и т. д. Довольно значительное число чешских детей (свыше 60) родившихся в России, продолжают свое образование в русской гимназии. Такое разнообразие состава учащихся совершенно естественно затрудняет задачу педагогов и воспитателей. Можно однако без преувеличения сказать, что общее впечатление от постановки учебного и воспитательного дела в гимназии Земгора весьма благоприятное. По инициативе педагогического персонала гимназии, учащиеся выпускают ученический журнал. А культурно-просветительный отдел Земгора — большой педагогический журнал «Русская школа за рубежом».

*
*   *

Из числа культурных начинаний, выросших по инициативе Земгора или при его содействии и призванных не для обслуживания беженской, а имеющих научное значение, необходимо отметить следующее: Институт изучения России, Экономический кабинет и Заграничный исторический архив.

Институт изучения России зародился весной 1924 года, под первоначальным названием «Института Сельской Культуры». По мере развития своей работы Совет Института так оформил свои задачи: а) предоставление возможности русским ученым и исследователям продолжать в Чехо-Словакии работу по изучению России, б) привлечение к этой работе молодых исследовательских сил эмиграции, в) принятие всех мер для успешного хода научного изучения русской народной жизни во всех ее проявлениях. В соответствии с наличными научными силами работа института сосредоточена была первоначально в следующих пяти кабинетах: 1) социальном, во главе, с К. Р. Кочаровским, 2) аграрном, во главе с А. В. Пешехоновым, 3) кабинете сельско-хозяйственной эко-

номии А. Н. Челинцева, 4) местного самоуправления, под руководством Г. И. Шрейдера и 5) практических проблем сельской жизни, во главе с С. С. Масловым.

В феврале 1925 года, в связи с отъездом в Россию А. Н. Челинцева, был закрыт кабинет сельско-хозяйственной экономики. Вместо закрытого кабинета, был учрежден новый социально-политический кабинет, руководство которым поручено В. М. Чернову.

Помимо выше указанных руководителей кабинетов Института, в научной и технической работе его принимает участие около 30 научных и технических сотрудников.

Результаты исследований кабинетов Института печатаются в отдельных неперIODических сборниках под названием «Записки Института изучения России». За 1925 год выпущено 2 тома этих сборников, действительно представляющих собою серьезные научные труды по изучению России. Готовится к печати третий том «Записок» на чешском языке.

При Институте работают отдельные исследовательские кружки и семинарии. Кроме того институтом, совместно с экономическим кабинетом С. Н. Прокоповича, устраиваются экономические беседы и доклады, на которых подвергаются обсуждению вопросы русской народной жизни во всех ее проявлениях.

Экономический кабинет С. Н. Прокоповича в сущности вполне мог бы быть включен в качестве шестого кабинета Института изучения России. Самостоятельность и независимость этого кабинета является результатом того, что кабинет С. Н. Прокоповича зародился в Берлине, где он просуществовал самостоятельно до 1924 года. При экономическом кабинете имеется своя отдельная, из Берлина привезенная, научная библиотека, которой пользуются не только сотрудники кабинета, но и посторонние исследователи, а, главным образом, работники Института изучения России.

На практике работа Института изучения России и Экономического кабинета протекает в полном контакте: устраиваются общие экономические беседы, доклады, лекции. Как и Институт изучения России, Экономический кабинет выпускает свои труды изданиями под названием «Русских Экономических Сборников».

*

*   *

Идея создания архива русской эмиграции зародилась у Земгора в начале 1923 года, когда жизнь беженства и эмиграции вошла в более или менее организованное русло и когда выяснилось, что эта жизнь должна быть рассчитана

на более или менее длительный период. Собрать весь литературный и исторический материал, касающийся жизни эмиграции во всех ее проявлениях, являлось культурной задачей бесспорной для всех. И к началу осени 1923 Земгор взял на себя инициативу создания такого архива. Первоначальные задачи архива русской эмиграции были сами по себе весьма значительны, однако, в процессе работы выяснилось, что рамки этих задач могут быть серьезно расширены в сторону собирания материалов по истории революции и общественных движений в России вообще.

В октябре 1924 года архив русской эмиграции был переименован в «Русский исторический архив», который ставит себе целью собирание, хранение, систематизацию и научную обработку материалов по истории России и входивших в ее состав народов. Практическая программа деятельности архива предусматривает даже издание особых периодических и непериодических трудов архива, организацию лекций, семинариев, докладов и т. д.

К концу 1924 года работа архива приняла широкие размеры. Был учрежден ряд представительств архива во многих центрах сосредоточения русской эмиграции, как-то: Париж, Белград, София, Харбин, Варшава, Ревель, Гельсингфорс, Константинополь, Рим, Нью-Йорк и т. д. На обязанности представительств лежит собирание и закупка архивных материалов и пересылка их в Прагу.

Месячная смета архива с апреля 1924 года равнялась 40.000 чешских крон в месяц. В сентябре того же года, по мере развития деятельности Архива, смета его была увеличена до 60.000. Помимо представителей и агентов архива на местах, в самом архиве, занимающем два этажа большого здания, работает служащих, руководителей и ученых около 30 человек.

Архивные богатства, собранные до настоящего времени сводятся к следующему:

1) Библиотека архива насчитывает 8.100 названий самого разнообразного исторического характера; 2) журнальный отдел архива состоит из 1.226 названий, включающих как издания выходящие в эмиграции, так и журналы российские до и послереволюционного периода; 3) газетный фонд архива насчитывает названий; 4) рукописи, и исторические документы собранные в архиве составляют 6075 номеров. Особый интерес среди этих материалов представляют архивы Меньшикова, Бурцева, Амфитеатрова, Северо-Западного Правительства, Петлюры, Деникина, Врангеля, Алексеева и проч.

По оценке компетентных лиц, материалы, собранные до настоящего времени в архиве, представляют собою ценность

далеко превышающую, произведенные на архив затраты. А такие компетентные ученые, как историк А. А. Кизеветер, считают, что трудно в настоящее время вести серьезную историческую работу по русской революции без помощи Русского Заграничного Архива.

Деятельность за пределами Чехо-Словакии.

Как видно из обзора деятельности Земгора по оказанию материальной и трудовой помощи русским беженцам в Чехо-Словакии, работа эта постепенно идет на убыль, сокращается число нуждающихся, сокращается количество расходуемых на эти виды помощи средств. Под знаком большого сокращения в этой области проходит конец 1924 года и весь 1925 год. В Праге, материальная и трудовая помощь сводится до минимума. А представительства Земгора в Ужгороде, Братиславе и Кошицах, на которых лежали, главным образом, помощные функции ликвидируются вовсе. Правда, в конце 1925 г. открывается агентство в Брно, крупном центре скопления русских студентов, но функции брненского агентства являются исключительно культурно-просветительными.

И по мере того, как идет на убыль помощная работа Земгора в самой Чехо-Словакии, внимание деятелей Земгора обращается за-границу, где имеются десятки и сотни тысяч русских беженцев, нуждающихся в помощи и защите. Как будто в предчувствии необходимости перенесения своей деятельности за пределы Чехо-Словакии, Объединение Земгора, применяя свой первоначальный устав, вносит в него в 1924 году новый пункт, по которому Объединение может открывать отделы Земских и Городских Деятелей в других странах. В первую очередь внимание Земгора устремляется на Балканы.

По инициативе редактора «Воли России», В. И. Лебедева, у которого с давних пор были большие связи среди политических и общественных деятелей Югославии, возникает план образования отделения Пражского Земгора в Белграде. Для изучения местной обстановки и для ознакомления с условиями жизни беженской массы в Югославии Комитетом Земгора командировается в Белград Ф. Е. Махин. Результаты, привезенные Махиным не оставляют никаких сомнений в необходимости и возможности приступить к работе в Югославии. Беженская масса стонет под игом генералов и врангелевских штабов. Беженец связан во всех своих движениях. За доставленную ему работу он обязан дорого платить. За книжку в библиотеке — платить; за лечение платить. Его насильно заставляют производить отчисления в кассы вели-

ких князей и атаманов. За ослушание — бойкот, преследование. За вольное слово — суд, наказание, вплоть до ареста. Все демократическое забито, загнано в подполье. Таково положение беженства. Это положение прекрасно осознано передовыми кругами сербского общества и государственными деятелями Югославии. Исконная любовь сербов к русским вообще поругана действиями и поведением представителей старой России, перенесшими на сербскую почву все старорежимные безобразия. Такова картина нарисованная Махиным по его возвращении из Югославии.

Осенью 1924 года с разрешения Югославянского правительства учреждается в Белграде представительство Земгора при глубоких симпатиях сербского общества и демократических элементов русского беженства. Вначале широкая беженская масса нерешительно относится к новому представительству. Запуганность многолетняя заставляет с опаскою и с оглядкой заводить разговор с новыми людьми. Но постепенно, упорная, аполитичная, бескорыстная работа деятелей Земгора выводят массу из состояния нерешительности и Белградское представительство через несколько месяцев делается пунктом притяжения для беженской колонии. В беженской массе происходит коренная дифференциация. Рядовые беженцы убеждаются, что генералы не боги и не цари, что их бояться нечего и они начинают постепенно освобождаться, жить и мыслить самостоятельно.

Отсюда та неслыханная злоба и ненависть против Земгора, которую русские черносотенцы Югославии проявили и продолжают проявлять в борьбе с ними.

Процесс развития работы деятельности представительства Земгора в Югославии требует самостоятельного очерка. В настоящем беглом и кратком обзоре деятельности Земгора за 5 лет приходится ограничиться лишь общим указанием на то, что деятельность Белградского Представительства идет по тем же основным линиям, по которым шла за истекшие 5 лет деятельность всего Земгора: трудовая помощь, медицинская, юридическая, библиотека, читальня, народный университет, курсы профессиональные — вот те главные функции, которые, учитывая опыт пражского Земгора, успешно выполняет Белградское представительство.

В то время, как основная работа попечения о беженцах пражского Земгора идет на убыль, деятельность белградского представительства, нашедшего широкую беженскую базу, идет в гору, ширится, растет.

В настоящее время белградское представительство Земгора занимает большой особняк на одной из главных улиц Белграда. Здесь сосредоточены все учреждения и отделы

Земгора, вокруг которых происходит непрерывное массовое движение беженства. Можно без преувеличения сказать, что белградское отделение Земгора, имеющее свои филиалы и в провинции, является подлинным, моральным и культурным центром русского беженства в Югославии.

Другое представительство Пражского Земгора было открыто в конце 1924 года в Париже. Задачи этого представительства с самого начала были совсем иные. В Париже давно существует Объединение Земских и Городских Деятелей, ставящее себе целью обслуживание русских беженцев. Создавать параллельную, конкурирующую организацию было бы явной бессмыслицей. Роль представительства пражского Земгора во Франции ограничивается исключительно подсобными функциями: подысканием работы для лиц стремящихся переселиться из Чехо-Словакии и других стран во Францию, исходатайствование виз этим лицам и оказание им содействия в момент приезда во Францию. Особым соглашением, которое в настоящее время обсуждается обоими Объединениями: пражским и парижским, четко регулируются функции представительства пражского Земгора во Франции.

Комитетом Земгора в настоящее время изучаются возможности открытия отделений в Греции, Болгарии, Эстонии, Латвии и других странах. Общая тенденция Земгора, в ближайший период его деятельности — организация, защита и помощь русским беженцам всюду, где бы они не находились. Само собою разумеется, что работа пражского Земгора в других странах может и должна производиться в тесном контакте и согласии с аналогичными и родственными демократическими организациями этих стран.

Общие задачи стоящие в настоящее время перед пражским и перед другими Земско-Городскими Объединениями предопределяются общим положением беженской массы во всех странах.

Положение это в самых общих чертах следующее: огромное большинство миллионной беженской массы во всех странах Европы **пролетаризировалось**, живет своим трудом. Но условия этого труда не всюду одинаковы. В силу отсутствия во многих местах русских организаций по защите труда русских трудящихся, правовое положение их, как общее правило, хуже положения туземных рабочих. Правовое положение русских беженцев до сих пор не урегулировано и оно далеко не одинаково во всех странах.

Сообразно с этим положением ближайшие задачи Земгора могут быть сформулированы кратко следующим образом: 1) Оказание трудовой и правовой помощи беженцам во всех странах; 2) Ведение интенсивной культурно-просве-

тительной работы среди беженского населения; 3) Организация трудовых беженцев для защиты их профессиональных прав и интересов; 4) Содействие к переселению беженцев из стран с худшими условиями труда в страны с лучшими условиями; 5) Работа по освобождению русских беженцев от особого **беженского** положения и приравнению их к гражданам других стран Европы. Эта последняя задача может быть осуществлена лишь путем большой дипломатической работы в международном масштабе через Совет Лиги Наций и правительств заинтересованных стран. Вся деятельность Земгора трудового и правового характера должна вестись в полном согласии с международным Бюро Труда при Лиге Наций и в контакте с национальными и международными рабочими организациями.

То обстоятельство, что Российский Земско-Городской Комитет и Пражский Земгор имеют своих представителей в беженской комиссии при Международном Бюро Труда, дает все основания думать, что при интенсивной международной деятельности могут быть благоприятно разрешены основные задачи русского беженства.

Настоящий краткий очерк о деятельности пражского Земгора за пять лет далеко не исчерпывает всех фактических данных об этой деятельности. Официальный отчет Земгора, опубликованный в начале 1925, содержит в себе огромный статистический и фактический материал, нами здесь не использованный. Кстати два слова об этом отчете. Вся русская зарубежная пресса его замолчала. Как будто такой крупный фактор беженской жизни, как Пражский Земгор не стоит того, чтобы его отметить.

Но из этого беглого обзора видно, какую огромную работу проделал Земгор в Чехо-Словакии и за ее пределами. Несомненно, что в деятельности Пражского Земгора были большие дефекты, которых и не могло не быть при ненормальности условий общественной работы большого масштаба в эмиграции.

Тем не менее можно с удовлетворением сказать, что за истекшие 5 лет Пражский Земгор справился с возложенными на него задачами.

Враги, вначале посмеивавшиеся над первыми шагами Земгоровской работы, а затем при ее успехах злобствовавшие и до сих пор злобствующие и активно борющиеся против Земгора лишь потому, что он создан социалистами, сейчас не могут не признать, что дело сделанное пражским Земгором останется лучшим культурным памятником в истории русской после-революционной эмиграции. **Л. Россель.**

Иностранная жизнь.

Политические партии Финляндии.

Финляндская социал-демократическая партия.

(Продолжение)*).

Начало социалистического движения не совпадает с началом рабочего движения в Финляндии. Капиталистический строй не находил вначале плодотворной почвы в Финляндии. Бедная капиталом аграрная Финляндия отставала от западноевропейских стран в промышленном развитии. Производство и способы производства страны оставались долгое время на примитивной ступени развития. Крупных промышленных центров не было, рабочий люд жил разрозненно. В области же сельского хозяйства и наемного труда в деревне долгое время господствовал особый полуфеодальный строй. Само собой разумеется, что при таких условиях почвы для марксистского движения и социализма в старые времена не было.

Однако уже в 1870—1880 годах капитализм стал проникать в Финляндию и местная промышленность стала оживать. Рубка леса, сплав бревен, установка целой группы лесопильных заводов и пр. и пр. концентрируют с одной стороны основной и оборотный капиталы, а с другой стороны организуют связанный с соответствующей отраслью отечественной промышленности финляндский пролетариат. За лесной промышленностью в Финляндии начали развиваться и другие виды промышленности: бумажная, металлическая и т. д. Образование рабочих центров и рост рабочего движения заставил рабочих организоваться в рабочие союзы. Первые такие союзы были образованы в 1883 году в городах Ваза

---

*) См. «Волю России» №№ 11, 12, 1925 г.

и Гельсингфорс. За ними последовала целая сеть подобных же союзов в остальной части Финляндии.

Эти первые рабочие организации не имели, однако, вначале ничего общего с организованным социалистическим движением пролетариата. Отличительным признаком этого примитивного рабочего движения «*sui generis*» было то, что во главе названных рабочих союзов и в составе президиума правлений находились передовые люди финляндской буржуазии. В числе виднейших представителей «рабочего» движения этого периода были известные и русским политическим кругам имена Лео Мехелина, К. И. Стольберга (первого президента Финляндии) и многих других лидеров различных буржуазных партий. Нет никакого сомнения в том, что участие этих буржуазных демократов в организации рабочего движения, объяснялось желанием просвещенной в классовом отношении буржуазии направить это движение в «обратную сторону». Затаенная мысль буржуазных политиков, однако, не привела к цели. Упомянутой тактикой было достигнуто лишь то, что начало рабочего движения в Финляндии не совпало с социалистическим движением и что последнее, благодаря тормозившим его приемам буржуазии, несколько запоздало по сравнению с Западной Европой.

Однако, уже в 1876 году на втором общем собрании рабочих союзов в Таммерфорсе «патриарх» нашей партии доктор Урсин поднял вопрос об образовании в Финляндии самостоятельной рабочей партии и о выработке для таковой определенной социалистической программы. Хотя мысль Урсина в тот момент и не смогла еще осуществиться, но уже в том же году появившаяся в свет первая рабочая газета «*Tuomies*» (рабочий) стала энергично агитировать в пользу образования в Финляндии социалистической рабочей партии. Третий съезд рабочих союзов в городе Або открыл в июле 1899 года первую страницу истории рабочего движения Финляндии, образовав независимую в политическом отношении «Рабочую Партию Финляндии». Постановление было принято на съезде 55 голосами против 3 при большом количестве воздержавшихся от голосования буржуазных членов союзов. Всех представителей было 85. В состав же новой партии от 64 союзов вошло 9412 членов, из коих 1.009 женщин. Местом правления партии был город Або, пока Таммерфорский партийный конгресс 1905 года не перевел его в Гельсингфорс.

Политическая обстановка заставила рабочих соблюдать в то время известную осторожность в смысле афиширования социалистического содержания программы. Лишь в 1903 году на партийном конгрессе в Форсса партия официально переименовалась в социалистическую и обнародовала свою

партийную платформу, составленную преимущественно по образцам **австрийской** социал-демократической программы. Характерным и отличительным от других пунктом этой программы было требование введения в стране запретительного алкогольного закона. В прочих своих частях программа совпадала с международными требованиями марксизма, при чем самое направление партии развивалось и шло скорее по левому, чем по правому «берегу» рабочего движения. Характерно отметить, что полный текст протокола Форссальского Конгресса появился официально в печати лишь в 1904 году после убийства генерал-губернатора Бобрикова.

Великие для России события 1905—1906 годов оставляют неизгладимые следы и на истории социалистического движения Финляндии. Ведь Россия и Финляндия были первые страны, показавшие международному пролетариату, что такое всеобщая политическая забастовка. Финляндский забастовочный лозунг 1905 года «*Ruoga seisoo*» (Колесо стоит) остановил в Финляндии в 24 часа как все колеса фабрик, так и железных дорог. В результате требований рабочих, Финляндия получила обратно все отнятые у нее незаконным образом права, а кроме того новый избираемый по пропорциональной системе Д'Онта парламент и избирательное право женщин.

На партийном конгрессе в Таммерферсе участвовало в те годы уже 400 уполномоченных от 150 рабочих организаций. К этим же годам относится также и развитие печатного дела партии. Не довольствуясь своим главным органом «*Tuomes*» с (ежедневным тиражем от 80—100.000 экземпляров), партия приобретает и ставит на ноги новые социалистические журналы в Выборге, Бьернеборге, Котка, Улеаборге, Тавастгусе, Куоте, Ваза, Ювяскиля, С. Михеле, Сердаболе, Вильманстранде и Барге.

На следующем Улеаборгском Конгрессе участвует 500 депутатов, представляющих 85.000 членов партии. На этом съезде из партии исключаются два видных политических деятеля: Матти Куриikka и Жан Больт. Первый за проповедь в рабочей среде утопистских и теософских теорий, а последний за склонность к мелкобуржуазному анархизму.

Столыпинская реакция в России влияла сильно и на социалистическое движение в Финляндии. Многие товарищи подвергались тюремному заключению, высылке с мест деятельности и ссылке в Сибирь. Однако, правительственный террор не проявлял себя в Финляндии так сильно, как по русскую сторону Сестры реки, финский берег которой продолжал даже и в самые темные дни служить убежищем русских революционеров от петли столыпинской реакции.

Благодаря государственной автономии Финляндии и признанным в стране политическим свободам, финляндская социалдемократическая партия, могла развивать свою **не подпольную** политическую деятельность, пользуясь, таким образом, сильную печатью и сильным представительством в новом парламенте, заседавшем уже в 1913 году под председательством социалдемократа Оскара Токою.

Первые годы мировой войны сильно затруднили политическую деятельность финляндской рабочей партии, но несмотря на все препятствия финляндская социалдемократия дала Финляндии первый в Европе парламент с **социалистическим большинством**. Сеймовые выборы 1916 года дали, как известно, социалдемократы 103 места из 200.

Начало великой российской революции передает инициативу в руки социалдемократической партии, которая в 1917 году образует коалиционное правительство, возглавляемое упомянутым уже выше товарищем Токою. Число членов партии растет чрезвычайно быстро; с 52—60.000 оно достигает осенью 1917 года 150.000. Под давлением воодушевленных революцией рабочих масс сейм принимает закон о 8 часов. дне, закон о всеобщем избирательном праве для всех, достигших 21 летнего возраста, равно, как закон, ставящий Финляндию в наиболее независимое положение от Российского Временного Правительства. («Valtalaki»).

Насильственные меры принятые Российским Временным Правительством против проведения в жизнь этого закона, привели к разгону социалистического Сейма, к уходу социалистического правительства и к переходу инициативы, пока что, во **внешней** политики от социалдемократии к буржуазии...

Гражданская война 1917—1918 года.

В результате всего происшедшего, а также и вспыхнувшего в то время в России коммунистического движения началась неслыханная до тех пор в нашей стране гражданская война, в которую были втянуты сначала русские, а затем германские вооруженные силы.

Нельзя сказать, чтобы эта кровавая гражданская война в Финляндии явилась неожиданностью. Те, кто имел возможность ближе следить за развитием хода политических событий в Финляндии и (в России), могли без особого затруднения усмотреть наличность как психологических, так и социально-экономических двигателей революционного движения обоих, борющихся за власть классов Финляндии. Характер эмоциональных переживаний финляндских рабочих и находившихся в Финляндии русских матросов и солдат не

оставлял ни малейших сомнений на счет революционной их тенденции. Отсутствие съестных продуктов, ограниченное количество хлеба, дороговизна жизни и прочие явления экономического характера придавали и без того повышенному настроению рабочих масс и деревенской бедноты оттенок озлобленности, переходившей часто в анархическое желание «распоряжаться самим». Результатом таких настроений были неизвестные до тех пор и несвойственные характеру финляндцев «рыночные скандалы», проявлявшиеся в самовольном и насильственном дележе, имевшихся в продаже продовольственных продуктов. Результатом одного из таких «дележей масла» был первый частичный кризис социалистического правительства Финляндии, выразившийся в выходе социалистического сенатора Вуолиоки (бывшего в то время на положении «продовольственного диктатора») в отставку.

Не дремала, однако, и буржуазия. Понимая прекрасно, к чему клонится дело, буржуазия стала организовать вооруженные кадры «белой самозащиты» (шюцкоры). Делалось это по планам и инструкциям перешедших на службу германской армии финляндских активистов — егерей. Создалось тяжелое и опасное положение: каждая сторона видела, что делал открыто ее противник, но слабость финляндской государственной власти, конфликт ее с Временным Правительством, нарастание коммунистического движения и надежда буржуазии на вооруженную германскую помощь, представляли события «автономное право» развертываться когда и как угодно.

15 ноября финляндский Сейм объявил себя высшею властью Финляндии. Одновременно финляндские рабочие обнародовали известное воззвание: «Мы требуем» и объявили всеобщую политическую забастовку. Буржуазия ответила на предъявленный рабочими ряд социальных требований отказом и образованием коалиционного буржуазного правительства под председательством Свингвуда. Недовольные результатом забастовки рабочие низы стали требовать уже «прямых действий» и видя колебания верхов социал-демократической партии самовольными анархическими выступлениями начали провоцировать гражданскую войну. Партия созвала вследствие создавшегося положения чрезвычайный партийный съезд в Гельсингфорсе, где сторонники законной и парламентарной тактики оказались в большинстве. Несмотря, однако, на это — форсируемые коммунистическою победою в России события в Финляндии развивались с неудержимою силою в сторону вооруженного конфликта, вспыхнувшего ярким пламенем кровавой междуусобицы 26 января 1918 г. и продолжавшегося вплоть до начала мая месяца.

Пропуская подробное описание хода революционных событий, перехожу сразу к последнему периоду деятельности финляндской социалдемократии, который нужно назвать в полном смысле слова **возрождением**.

Воскресение из мертвых.

Накануне гражданской войны число членов партии достигло 150.000, а число членов профсоюза 170.000. Партия покрывала страну целую сеть хорошо поставленной социалистической прессы. Партия имела около половины мест в парламенте. Независимость страны давала социалдемократии возможность проводить все стоявшие на очереди реформы своим внутренним и независимым от России порядком и т. д.

Все это исчезло по мановению **германского жезла**. Красная рабочая армия была окружена около города Лахти и заключена в концентрационный лагерь (70—80,000 красных бойцов). Вожди партии — члены парламента и красного правительства бежали с семьями в Россию и Швецию. 30.000 финляндских рабочих умерли насильственной смертью. Вся организация социалдемократической партии была разгромлена, рабочие дома — переданы во владение шуцкоров и т. д.

Общий вид и внешний разгром социалдемократической партии не оставляли никаких сомнений в победе ее противников. Заседавшее в гор. Ваза белое правительство благодарило Вильгельма II за ликвидацию в Финляндии рабочего движения.

Финляндская буржуазия, называвшая рабочих в те дни «париями» Финляндии, однако, сильно ошиблась в расчетах. Дело в том, что, несмотря на видимый разгром партии, внутренняя живучесть финляндского социализма оказалась сильнее наихудших мер белой репрессии. Уже на 2-ой день после «взятия» Гельсингфорса, уцелевшие от смерти и тюрьмы товарищи собрались на тайное совещание, на котором единогласно решили начать новую работу по восстановлению силы, влияния и чести рабочего класса Финляндии.

В Гельсингфорсе временное управление партии издает газету «Suomen Socialdemocratti», достигающую с первых же недель почти 100,000 ежедневного тиража. Газету закрывают в административном порядке. Но через несколько дней партия издает другую газету «Nusi Suomen Socialdemocratti» с тем же тиражем.

5-го ноября 1918 г. в Гельсингфорсе состоялось первое после подавления революции общее собрание рабочих всей страны, на котором присутствовали полицеймейстеры и чины охраны, выставляется целый ряд весьма острых для того момента требований. 27—29 декабря того же года собирается первый после гражданской войны чрезвычайный съезд со-

циал-демократической партии Финляндии, на котором рассмотрены и приняты в резолюциях целый ряд дел. На этом чрезвычайном конгрессе партии были приняты постановления:

- 1) о восстановлении политических свобод, 2) о республиканской форме правления, 3) о признании «Suomen Sosialdemocratti» в качестве главного органа партии, 4) о подготовке к предстоящим парламентским выборам, 5) о подготовке к общинным выборам, 6) о партийном налоге и членских взносах, 7) о продовольственной политике страны, 8) о возвращении конфискованного партийного имущества, 9) об общей политической амнистии, 10) о государственной налоговой системе, 11) о помощи красным вдовам и сиротам, 12) о положении торпарей, 13) об иностранной политике Финляндии, 14) о привлечении к судебной ответственности авторов белых убийств и уголовных преступников, 15) о роспуске буржуазного шуцкора и 16) об отношении партии к большевикско-коммунистическим теориям.

Уже из перечня одних заголовков программы названного съезда партии русский читатель легко поймет, как быстро растерявшаяся на мгновение рабочая партия Финляндии снова нашла себя, нашла тот революционный дух, который не признает никаких угроз и репрессий и, который, не зная страха, прокладывает дальнейший путь освободительного движения международного пролетариата, не оглядываясь назад и не пугаясь окровавленных теней.

Я остановлюсь из выше приведенных 16-ти пунктах программы лишь на последнем, в виду его особенного значения для дальнейшего развития партии. По вопросу об отношении к коммунизму конгресс партии одобрил шесть тезисов, в которых рабочий класс Финляндии, предостерегался от коммунистических методов политики, и в которой социалистическая партия, как таковая, обязывалась вести энергичную и просветительную пропаганду против утопических учений псевдокоммунизма, и в которых, наконец, объявлялось по партии, что находящиеся в советской России именующие себя попрежнему вождями социал-демократической партии прежние ее лидеры, на самом деле перешли в ряды коммунистов и как таковые лишены отныне права давать советы, выступать и действовать от имени финляндской социал-демократии. В марте месяце 1919 г. первые парламентские выборы дали «разгромленной партии» снова 80 мест в Риксдаге, что послужило толчком к окончательной ликвидации в Финляндии монархического влияния и движения. Столь неожиданный успех «париев» заставил финляндских «господ» в первый раз после продолжительного победного похмелья

глубже призадуматься над «проблемой ликвидации рабочего движения» в Финляндии.

8—16 декабря 1919 года состоялся первый обычный съезд партии, к сожалению, оказавшийся историческим в том смысле, что на нем произошел раскол партии по вопросу о голосовании об отношении к II и III Интернационалам. За Социалистический Интернационал было подано 91 голос, а за коммунистический — 27. Та же пропорция в соотношении сил сохранилась примерно и по ряду других важных голосований. В 1920 году вышедшие из социал-демократической партии наиболее левонастроенные рабочие образовали свою новую коммунистическую партию, не входя, однако, официально в III Интернационал. Наша же партия на съезде «Совета партии» вышла в том же году из II Интернационала и присоединилась к так называемому «Венской» международной организации.

Следующий конгресс партии, в конце марта 1922 г., состоялся уже при более или менее нормальных политических условиях, так как главные требования «периода возрождения» буржуазией были выполнены и социал-демократическая партия могла вновь начать (вернее продолжать) работу того созидательного или творческого социализма, о положительных достоинствах которого финляндский рабочий класс, даже при всей своей молчаливости, имел основание скромно обмолвиться уже в 1906 году, проведя в те времена в жизнь такие требования рабочей программы, которые еще и по сей час входят у многих социалистических партий Европы и Америки лишь в программу «завтрашнего» дня.

Для закругления весьма незакругленной характеристики развития и роли социаллдемократической партии Финляндии приведу еще эту параллельную статистическую таблицу:

Г о д	Ч и с л о ч л е н о в			
	партии	профсоюза	парл.	избирателей
1907	82.328	25.797	80	329.946
1908	71.266	23.909	83	310.826
1909	58.293	19.928	84	337.685
1910	52.076	15.346	86	316.951
1911	48.406	19.640	86	321.201
1912	51.798	20.989	—	—
1913	53.082	28.021	90	312.214
1914	51.520	30.871	—	—
1915	51.821	30.150	—	—
1916	72.691	40.804	103	376.030
1917	156.763	170.000	92	444.670
1919	67.022	—	80	365.046
1920	49.830	—	—	—
1921	37.541	—	—	—
1922	31.806	—	53	216.861
1923	27.750	—	—	—
1924	25.123	—	60	254.672

Из приведенной таблицы явствует, что развитие партии шло более или менее равномерно и что лишь 1917 г., благодаря «сильно повышенной температуре», дал ненормально высокую цифру членов партии и профсоюза. Следующее за сим «падение» есть опять таки ничто иное, как возвращение к старой норме. Лишь после раскола партии на конгрессе 1919 г. социалдемократическое движение несколько ослабевает. Партия входит в парламент лишь в составе 53 членов, так как остальные места (из прежних 80) занимают коммунисты. Но уже следующие, по счету последние выборы повышают число социалдемократических депутатов с 53 до 60, что дает основание предполагать о дальнейшем поступательном движении партии за счет коммунистов.

Не могу не обратить внимание еще на одну характерную черту рабочего движения Финляндии. Оно не дало социализму сильных и высоко одаренных личностей. Но зато оно втиснуло в ряды международного пролетариата несколько десятков тысяч таких рабочих, за классовое самосознание и степень развития которых можно со смелостью поручиться. Так называемые «низы» рабочего класса Финляндии всегда были относительно сильнее его «верхов». В этом одновременно и сила и слабость нашей партии. Сейчас мы не можем пожаловаться на отсутствие интеллигенции в партии. Специалистов найдется достаточно по всяким вопросам дня. Но все то, что партия, как таковая, достигла на протяжении истории ее развития, было достигнуто упорством, энергией и работой мысли низов. Работой мысли самого **финляндского рабочего**. «Социалисты — господа», как нас здесь называют в партии, лишь в виде «полезного приложения» к уже давно существующему и весьма хорошо поставленному «изданию». Собственно говоря, следовало бы еще вкратце упомянуть о той работе, которую выполнила, начиная с 1919 года социалдемократическая парламентская фракция. Боюсь, однако, что характеристика деятельности социалдемократической партии оказалась и без того слишком длинной. Да к тому же всего все равно не рассмотришь.

В последнем очерке упомяну вскользь еще о коммунистическом движении в Финляндии, которое в известном смысле не лишено своего специального интереса.

Рейнх. Свенторжецкий.

Среди книг и журналов.

Письма Е. С. Сазонова.

Письма Егора Сергеевича Сазонова к родным. 1895—1910. Изд. Историко-Революц. Библиотеки журнала «Каторга-ссылка». — под. ред. Б. П. Козьмина и Н. И. Ракитникова. Москва. 1925.

Письма Егора Сергеевича Сазонова к родным. 1895—1910. всего в них поражало его глубокая любовь к жизни, необычайная доброта и мягкость характера, и наконец, их способность претерпевать. Все они были людьми глубокой, религиозной веры в великое и счастливое будущее. Последняя как-бы служила противовесом к непрерывной готовности погибнуть, уйти из мира. Все террористы партии социалистов-революционеров отличались еще одним свойством: идя на пролитие крови — они шли и сами на верную смерть. Огромное моральное влияние русского террориста, идущего на верную смерть — вне всякого сомнения.

Е. С. Сазонова я лично почти не знал, если не считать нескольких случайных встреч в Женеве в 1902 г., но я помню хорошо его одухотворенные, мягкие глаза, его худое, продолговатое лицо; я так же ясно вижу его, как Ивана Платоновича Каляева, Зину Коноплянникову, Л. Езерскую. На их лицах было написано, что не жильцы они на белом свете, что не могут они жить, окруженные густым облаком зла, людских страданий, неправды, жестокости. И они все ушли от мира, чтобы толкнуть его на несколько шагов вперед к чести, совести, правды и справедливости...

Вчитываясь в письма Е. С. Сазонова я все ярче и ярче представляю себе огромную силу совести, веры, чести, доброты и бесконечной любви нашего загубленного самодержавием товарища. Читая эту книгу жизни вдыхаешь любовь к человеку, к своему народу, к земле, к свободе и жизни и

начинаешь еще больше ненавидеть, презирать всякое насилие. Невольно мысль переносится к тем, кто и после падения царского самодержавия продолжают свою жертвенную во имя человеческого освобождения жизнь в тюрьмах, и ссылке.

Огромная масса писем Е. С. к родным представляют собой, своим тоном и содержанием совершенно то же, что пишет каждый политический узник. Это прежде всего письма, стремящиеся успокоить любимых родных, убедить их в том, что пишущий здоров, бодр, чувствует себя прекрасно, верит в скорое наступление желанного момента встречи с родными, бесконечно любит родных, живет памятью и заботой о них. Затем следует обычная цепь горячих благодарностей родным за заботы и наконец ряд просьб к родным. Все это есть во всех письмах всех каторжан. Дело в том, что чувство любви, привязанности к близким, в тюрьме, когда вся жизнь сосредоточена на себе самом, очень сильно обострено, но за то и получает чрезвычайно колоритные, индивидуальные оттенки. Вот по этим-то оттенкам письма Е. Сазонова резко выделяются среди множества других. В них ощущается, все время начиная с 1905 по начало 1910, необычайная сила духа. Сазонов любит мать, отца, брата, сестер, их детей, но эта бесконечная любовь ни разу не заслонила в душе Е. С. основного чувства любви и преданности идее, любви и готовности жертвовать во имя ее всем своим существом. Если бы нужно было изобразить развитие тех или иных чувств Е. С-ва за период его тюремной жизни, то я бы сказал, что вскоре после суда напряжение общественных интересов дошло в нем до высшей точки, затем постепенно его заменяло глубоко критическое вдумчивое отношение к пережитому и в конце своих тюремных мук, почти перед смертью, он глубоким размышлением приходит к решительному оправданию своего прошлого. Я был слишком много занял времени у читателя, если бы стал доказывать свои мысли последовательными ссылками на письма Е. С. Сазонова. По этому ограничусь лишь наиболее яркими письмами. Это истинные документы мыслящего и глубоко благородного человека. Эти письма должны стать, сказала мне Е. К. Брешковская, настольной книгой каждого социалиста.

В марте 1903-го года после 1½ годового тюремного заключения, Е. С. высылается на 5 лет в В. Сибирь; в августе Е. С. бежит с дороги и отправляется за границу. В своем письме из Женевы Е. С. пишет родителям:

«Мне еще хочется пожить по человечески, и я решил вместо того, чтоб потратить пять лет совершенно задаром в самой беспросветной глуши, среди голода и холода и умственного мрака — искать новой жизни. Здесь к услугам уни-

верситеты, европейская наука, европейская литература... Здесь я могу спокойно отдаться науке и наконец-то привести в исполнение те мечты, которые манили меня некогда в нашем русском университете, но которые должны были оборваться и завянуть в самом зародыше». Через три года Е. С. мечтает окончить Бернский Университет и стать доктором. Дальше в том же письме Е. С. успокаивает любимую мать: «Здесь такие же люди, как везде... я глубоко верю, что не погибну здесь»... «Я виноват перед Вами (в том, что долго не извещал о себе), но лишь постолько, поскольку грубая необходимость заставляет поступаться и самыми дорогими, самыми родственными чувствами». Егора бесконечно мучит, что его жизнь доставляет страдания любимым отцу и матери. «Но» поймите меня, и призовите всю свою веру в Страдающего Христа. Он вас поддержит и утешит»... Так началась его жизнь за границей. Он весь охвачен мечтой пополнить свое образование.

Не долго пришлось ему лелеять эту мечту. 15 июля 1904-го года, т. е. только около полугода прошло с момента, когда он весь был охвачен мечтой о своем образовании, как Е. С. Сазонов бросает бомбу в министра Плеве, и тяжело раненый арестуется. Все помнят, как радостно была принята в России весть об освобождении от этой могильной плиты над свободой народа. Егор стал героем... и 1906-м году из тюрьмы, уже будучи помилованным смертником, он пишет матери:

«Но, дорогая, плача по страданиям народа, не теряй надежды на их конец, на светлое будущее, которое несомненно настанет. Может быть мы до него не доживем, но не всели равно? Разве плохо, если из наших маленьких страданий расцветут, как цветы на могиле, яркие, пышные цветы всеобщего счастья, мира и успокоения? Разве не радостно будет, когда к нашим могилам будут приходить счастливые, веселые дети народа любоваться на роскошные цветы, распустившиеся на наших могилах? Нам будет так радостно в наших могилах от сознания, что дети народа больше не страдают, что они могут мирно наслаждаться ласками матерей, могут мирно, честно и радостно работать для всеобщего счастья... Ах, как радостно будет нам отдыхать в могилах с мыслью, что мы за них, за детей народа, страдали.» Еще раньше в письме (1906 г.) Е. С. пытается дать отцу и матери яркое изображение своих внутренних переживаний.

Надо сказать, что для его родителей — крупных коммерсантов, совершенный им акт, был каким-то ужасным, позорным преступлением, легшим на них великим позором. Е. С-ча мучило такое непонимание его поступка и стремление вну-

шить им, особенно отцу, правильное представление о своем внутреннем мире проходит красной нитью во всех письмах, вплоть до последнего, написанного незадолго до его трагического самоубийства.

«Пользуюсь случаем, чтоб поговорить с вами по душе, пишет он. Не знаю, даст ли нам судьба счастье дожидаться того времени, когда, мы, свободные, опять сойдемся вместе — тогда все объяснится, тогда-то надеюсь, вы совершенно поймете своего сына и будете не только любить и жалеть, но и гордиться им, а не стыдиться, как, может быть еще недавно...

«Я совершил величайший грех, возможный для человека, два убийства, запятнал себя кровью; «честные люди» приговором суда навеки покрыли меня позором, осудили, как убийцу и врага общества... и весь этот позор свалился на вашу неповинную голову. Тяжело вам было — тяжелее для отца с матерью быть не может. Но теперь-то поняли-ли Вы? (Е. С. напоминает о революции 1905 г.) Выслушайте меня!

«Прежде всего не будем искать смягчающих обстоятельств, не покривим душою перед Богом. Вы знаете, я не в **безумии** решил и совершил мое дело. Никогда я не был осмыслительнее, чем когда решался. И не в один день решил! Нет! Долгие дни и бессонные ночи в Самарской тюрьме (в 1902—3 г. после ареста по делу Уральского Союза с.-д. и с.-р.) были проведены в муках раздумья... Все передумал, взвесил, пережил ожидавшие вас страдания. Затем не вините никого другого, кроме меня самого. Я не ребенок и, слава Богу, говорят не особенно глуп. Значит, мог понять, что делал, и не был игрушкой в руках каких-то злонамеренных людей, прятавшихся за моей спиной, по уверениям разной правительственной сволочи. Может быть я даже другого натолкнул на такое же ужасное дело. Да, дорогие мои, ужасное дело... Я первый признал это. Вы знаете мой характер. Для того ли я был создан, чтоб проливать кровь? «Вспомните мои молодые мечты о мирной деятельности на благо несчастного люда. И вдруг, при таком то робком, миролюбивом характере, предо мною встала страшная задача... и я не мог сбросить ее со своих плеч, я должен был ее выполнить, должен... и даже теперь, после всего случившегося, я не мог бы решить по-иному.»

«Вы часто меня упрекали, что я, вкусивши науки, позабыл о Боге. Дорогие мои! Земной поклон вам и мое вечное спасибо за то, что вы научили меня **свято** относиться к **вопросам Совести**. Ведь потому-то я совершил дело, что я чувствовал, что моя совесть, моя религия, мое евангелие, мой Бог — требовали этого от меня. Мог ли я послушаться? Да, родные мои, мои революционные и социалистические веро-

вания слились воедино с моей религией... Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедывал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех тружущихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей... Но, вы скажете, что Христос не убивал, а прощал своих врагов. В том то и ужас, что люди не доросли до христианских истин и, несмотря на пример и учение Христа, по прежнему остаются зверями. Мало того, они исказили, запачкали своими грязными, окрававленными руками чистейшее учение Христа... «Требования Христа — ясны. Кто их исполняет? — Мы, социалисты, хотим исполнить их, хотим, чтоб царство Христово настало на земле. А на счет убийства — так я обращаюсь опять к вашей религии. Положите руку на сердце и скажите, как перед Богом: всегда ли и во всех случаях свята и непреложна заповедь: «не убий»? Если так, то почему же царя, по мании которого проливают реки крови, называют благочестивым, а солдат, которые избивали не только японцев, но и своих же братьев русских, величают Христолюбивым воинством, хвастаются, что солдаты убивают за веру, царя и отечество? Значит им можно убивать... Почему же такая разница? Или дело в том, что они убивают и умирают за отечество? Если только вы признаете, что война оправдывается на этом основании, то мы оправданы и убелены, паче снега. Мы воевали за отечество, за дело народа. Уже народ громко признает наше дело своим делом... Да мы отдавали свою жизнь за «други своя» и получали за это не георгиевские кресты и медали, а позор, позорную смерть... — виселица заменила крест... после нашей смерти враги наши глумились на наших могилах... Не слава прельщала нас. После страшной борьбы и мучений, только под гнетом печальной необходимости, мы брались за меч, который не мы первые поднимали... Не судите же нас строже, чем мы того заслуживаем, не будьте, как прокуроры несправедливыми перед Богом... Да, я виновен перед Богом, но я спокойно жду Его суда, и знаю, что Он будет судить меня не так, как здесь судили — судом неправедным. Не упрекайте меня еще за то, что я именно вас ввергнул в эту бездну горя. Подумайте, мог-ли я иначе поступить, когда я слышал, как мой учитель говорил: «возьми крест свой и иди за мной» и еще: «кто возлюбит отца своего и мать свою больше, чем меня, тот недостоин меня»... Не он-ли заставлял свою мать увидеть его крестную смерть, а разве она меньше любила своего сына, чем ты, мама, меня? Не мог я отказаться от креста, мои бедные... Поймите же и простите... говорите всем твердо гордо: наш сын был честный солдат и сражался за то, что считал правдой... Счастье наше — уже

недолго нам носить наш позор... Скоро, скоро общество, народ рассудят нас с правительством и скоро наши судьи попадут на наше место на скамье обвиняемых... Народ скажет про меня и моих товарищей казненных и оставленных в живых, как сказал на суде мой защитник (Н. П. Карабчевский): «бомба их была начинена не динамитом, а горем и слезами народными... бросая бомбы в правителей, они хотели уничтожить кошмар, который давил народную грудь» — скажет и оправдает нас, а наших противников... осудит и память их предаст вечному проклятию.

«Будем ждать этого великого, счастливого шага, а до тех пор не будем слишком предаваться печали по поводу тех небольших лишений, которые еще ждут меня. Они ничтожны сравнительно с тем, что могло бы выпасть на мою долю и что выпало на долю моих незабвенных, милых товарищей Балмашева, Каляева и др. Всегда помните о них, молитесь о них и о народном деле, а обо мне не горюйте. Не слушайте наших врагов, откройте ваши души и сердца для тех, которые говорят в пользу нашего, моего дела, будьте справедливы к делу Вашего сына, окажите ему еще эту любовь...»

Так писал Е. С. пытаясь склонить своих глубоко-религиозных родителей к пониманию и сочувствию его чувств и его идей и верований. Он говорил им их собственным, понятным для них языком веры. Сколько благородства, сколько углубленного чувства совести и чести, сколько чистой уверенности в своей правде! Много сил потратил Е. С. на то, чтоб заставить своих отца и мать понять его, но ему удалось пробудить интенсивное понимание, понимание благородным сердцем у любимой матери, отца же, не менее любимого ему до конца его короткой жизни так и не удалось сдвинуть на путь иного представления об общественной правде, чем тот, на который он стал в юности. И это сильно мучило Е. Сазонова.

В том же году, в апреле, он пишет вновь отцу из Бутырок, и старается утешить, убедить: «Не черезчур ли давит на вас ужасы действительности, видите-ли впереди просвет, надеетесь-ли вы на хорошее хоть в будущем? За себя могу сказать, что у меня чудное будущее, до того чудное, что я готов еще долго долго ждать его, только бы оно настало. А оно настанет, уже настает... Могу ли я унывать теперь, когда все самые заветные, самые светлые мечты мои осуществляются, претворяются в дело?»

Революция 1905—6 гг. окрылила надежды Е. С-ва. Но оценивает он события глубже.

«Не думайте, что я обманываю себя и легкомысленно закрываю глаза на все зло, окружающее меня...

«И я убежден, что еще не скоро конец, что самое ужасное, пожалуй еще впереди. Может быть мы стоим накануне момента, когда польются реки слез, горя и крови, и все-таки я убежденно говорю: наша берет!»

И Егор, чтоб быть убедительнее указывает отцу, это не шутки, когда 130 депутатов-трудовиков 1-ой Думы «встали под то самое знамя, с которым я выходил на Измайловский Проспект». Но он не увлекается, он знает, что это — сила, «которая несомненно будет главенствовать в Думе», но... «я не верю в мирный исход»... «будет борьба великая». Борьбу эту Е. С. ясно представляет себе, как борьбу массовую, а не единоличную. «Дай Бог, чтоб оно поскорее прошло и никогда больше не возвращалось к нам, это проклятое время», когда «злая необходимость заставляла нас брать на себя тяжелую роль народных судей и защитников». О себе он уже все решил: «все мои мечты, надежды и пожелания там, где кипит борьба за великое, святое, народное дело»... «Для меня уже нет иной жизни, иной деятельности, как жить и работать для народа».

К несчастью Егору Сергеевичу не удалось убедить своего отца. И уже в самом конце своей переписки он, глубокоогорченный, с гневом отвечает (письмо ССVIII, 1909 г.) на одно из резких отцовских писем:

«Вы пишете про меня, будто я вас считаю дряхлым и неспособным стариком, отсталым и неспособным к работе, потому что вы неученый человек» и дальше вы пишете «про ученых и очень образованных людей, которые не работают, а только проповедуют идеи учености» и считаете это «самую главную неблагоприятность», самым главным эхом современности то, что учиться теперь хочется всем поголовно, а работать, ей богу, никому не хочется.»

Эти жестокие слова услышать от отца было Е. Сергеевичу необыкновенно тяжело.

«Дурень я, дурень! восклицает он с отчаянием, «я имел наивность думать, что нашел в вас друга, который, если и не разделяет моих взглядов, то во всяком случае, умеет понять их и отнестись к ним с уважением»... Но этого не было. «В ваших глазах, продолжает он, я по прежнему мечтатель, неблагодарный сын, который забавляется легким делом проповедывания идей, а всю тяжелую работу взвалил на вас... я не работник, лентяй, дармоед, шалопай. И сколько еще других ругательств можно вычитать по нашему адресу в «Новом Времени» и «Моск. Ведомостях»... Они могут говорить, что им заблагорассудится, меня они ни мало не трога-

ют... «Но, когда я вижу, что вы, мой отец, думаете обо мне так же дурно, как мои враги, я не могу оставаться спокойным, хладнокровным»...

«Но пусть вы имеете право бросить нам в лицо название «мечтателей». Какое же право имеете вы сказать про нас, что мы уклоняемся от дела, что мы проповедуем только свои идеи и не хотим работать? В таком случае, христовы апостолы тоже были бесдельники и лентяи, потому что они бросили свои семьи, свою домашнюю работу и пошли проповедывать идеи. И фарисеи — про них наверное говорили, что они «только проповедуют». «Я вас люблю,... но мои идеи, моя правда для меня дороже вас, дороже всего на свете... Для меня ничего не изменилось (за годы тюрьмы. О. М.). Я все тот же». Гнев Е. С. привел его в конце этого удивительного по силе письма к решительному отказу от отцовской помощи.

«Теперь, заявляет он, я не имею права принимать от вас денег потому что, расходуя здесь их, совместно с товарищами, я дал бы вам право упрекнуть нас в дармоедстве». Он благодарит отца за прошлую помощь но «больше мне ничего не надо. Не присылайте и того о чем я просил». Но этот суровый ответ не мешает Е. С. сказать отцу, что он все-таки горячо его любит, «и только вместо радости, эта любовь будет давать мне страдание бессилия отблагодарить вас за жертвы жертвами. Я всецело отдался делу... я отдал себя в жертву делу и если получу возможность еще раз отдаться, я не задумаюсь отдаться вторично»...

И так, тюрьма не изменила ни на йоту мировоззрения Е. С. Сазонова. Как он вошел в нее с глубоким социалистическим и революционным верованием, так он и пронес его с великой честью до конца.

Но особенно ценно среди писем одно, в котором он обращается к «Милой Зине» (п. он 15 авг. 1909 г.). Надо заметить, советские редакторы изданных писем объясняют, что «Зина» — это условное имя брата Е. Созонова — Зота. Это **не верно**. «**Зиной**» принято было называть в эту эпоху деятельности Партии Социалистов-Революционеров — Заграничный Комитет П. С. Р., также как именем «Цили» или «Цецилии» называли — Центральный Комитет. Эта поправка кажется нам чрезвычайно важной, ибо зная это, письмо получает гораздо более серьезное значение. Я привожу его почти целиком.

«Эх, Зина, плохо же мы с тобой живем, совсем по-свински. Старое чувство, связавшее нас, остается, но оно постепенно подергивается каким-то печальным туманом дали. **Разве могут пройти бесследно долгие годы разобщенности?** А мы ведь живем более разобщенно, чем это необходимо...

Вот придет воля, может быть дождется она меня? — как же мы встретимся? Не станем ли мы чужими друг другу? Так много изжито за эти годы, — страшно много. Неужели ты думаешь, что после этого человек может остаться неизменившимся? Ведь невозможно это. И про тебя (т. е. Партия О. М.) я думаю, что ты не могла не измениться.

А сам я, должно быть, очень меняюсь, потому что я чувствую это, а когда человек чувствует свою перемену, значит она значительна. Да, моя дорогая, что-то умерло в душе, — то, что делало меня прежним, тебе известным. Вероятно, из старого ничего не осталось: все рассыпалось, изломалось. Те слова, в которые прежде верилось, потускнели. Но не думай, родная, что я так и остаюсь опустошенным без веры — слава Богу, — этого нет, — на место старой веры постепенно вырастает новая. Еще не могу ее выразить ясными, отчетливыми словами. Новая моя вера, вероятно, будет пользоваться старыми лозунгами, но придает им новый смысл. Как выразить тебе это яснее? Скажу так: прежде мне жизнь представлялась прямою — прямой дорогой, ведущей к одной весьма определенной и непременно достижимой цели. Все, что лежало по сторонам этой прямой дороги, было или мало интересно, или от лукавого. Цель должна была оправдывать все средства. Много в душе придушено во имя этой цели, много жертв принесено... Милая моя, не подумай, что я раскаиваюсь в этих жертвах, считаю их ненужными или нечистыми, — все прошлое свято и дорого, оно временами одно только и дает силу жить и обязывает к этому. Но видишь ли, милая, мне кажется, все, что я делал, делал не так, как следовало бы, — я делал большое важное дело детскими, неумелыми руками. (Вместо «я» смело можешь поставить «мы»). И только сознание, что делал по совести и как умел, смягчает чувство вины. Теперь дело обстоит так: цель остается прежней, еще более ясной и прекрасной, но нет прежней наивной веры в близость ее осуществления. Да и не видится прежней, несомненной единой прямой дороги. С глаз упала повязка — много повязок, и жизнь стала шире, запутаннее и интереснее. Правда, старые методы завоевания цели остаются, но требуют того, чтобы их пополнили новыми элементами и углубили. Первое требование, которое я теперь выставляю ко всякому, берущемуся за дело, таково: сначала устрой себя самого внутри себя, а потом берись за устройство жизни. Узнай, что жизнь не проста и не узка, загляни во все ее глаза, учись. Я думаю, мы должны давать тем, кого учим и зовем на устройство жизни, целую жизненную философию, а не жалкие обрывки. Иначе наши посевы никогда не будут прочными и принесут, может быть, не ту

жатву, которую мы ждем, сея. Работа наша при новой постановке должна сделаться сложнее, труднее и медлительнее, но зато основательнее. Эту работу можно обозначить ближе всего словами: организация и просвещение. Конечно, такая работа, о которой я мечтаю, может вестись только под красным флагом, потому что все остальное, хотя и нужно, но неполно. А я требую работы полной, без всяких умолчаний. И, конечно, такая работа не обойдется без острых конфликтов с препятствиями, — ну так что же, не привыкать! Я требую такой широкой разносторонней просветительно-организационной работы, главным образом, потому, что в узкие и скорые дорожки больше не верю и думаю, что только широкая разносторонняя работа не останется бесследной: во первых, такая работа содержит в себе самой цель (давать жизненную философию, это значит — творить человека, а человек — сам себе цель); во вторых, только разносторонняя работа и гарантирует, что настоящая ближайшая дорога не будет просмотрена и не использована. Тебе, родная, наверное уже пришло на ум одно словечко, которое я здесь слышал уже не раз: кадетизм, дескать... Не то, родная. Кадетизм — обман, умолчание, а я ведь говорю: без всяких умолчаний! Только то просвещение, которое можем давать мы, и может быть настоящим просвещением. И главное — над всею работой конечная цель — «путеводная звезда»...

Это письмо, исповедь сомнений, исканий более верных путей к идеалу. Утеряна лишь юношеская пылкая вера в «близость осуществления. Морально он не изменился за годы мучений. За 2¹/₂ месяца до выхода на желанную свободу, где он мечтал вновь броситься в борьбу с насилием и бесчестьем самодержавия, он в борьбе за тюремную свободу, за человеческое достоинство, обдуманно, сознательно приносит в жертву всего себя, свою жизнь, чтоб жертвой этой уменьшить страдания своих, товарищей, и прекратить над ними глумления и насилия ставленников самодержавной власти. Его смерть потрясла весь мир.

Перечитывать письма Е. С. Сазонова, я уверен в этом, значит очистить душу свою от мелочей жизни, значит вновь и вновь углубиться в море любви к правде, чести, к совести, любви к человеку, к своему народу. Столько в них тепла, искренности, благородства, что эта «книга писем Е. С. Сазонова, должна бы стать настольной книгой каждого мыслящего человека, социалиста и не социалиста, все равно. По ней растущее поколение пусть учится понимать, как надо жить и умирать.

О. С. Минор.

3. III. — 26.

Прага.

Из области книжного дела.

Обзор книг, их создания, циркуляции и утилизации. Книга, читатель и писатель в их функциональной зависимости. Теория и практика книжного дела.

В 1911—15 г. г. пишущий эти строки сделал попытку подвести общий итог всем завоеваниям русской литературы, оригинальной и переводной, начиная с XI по XX век включительно, не замалчивая и не превознося ни одного из течений мало-мальски крупных и игравших ту или иную роль в истории общественной, научной и философской мысли*). В основу этой нашей попытки была положена следующая идея: все явления жизни, без всякого исключения, находятся в функциональной зависимости меж собой, и всякое влияет на всякое. Каждое течение мысли, будучи результатом всех других явлений, в свою очередь становится фактором, влияющим на другие явления. Эволюция общественности есть ничто иное, как равнодействующая всех факторов. Всякая книга, поскольку она выдвинута жизнью и поскольку она имеет читателей и влияет на них, тоже становится фактором жизни и занимает свое место в общей эволюции этой последней.

Исходя из этой общей идеи, мы решили расклассифицировать всех авторов и все их произведения по схеме эволюции литературно-общественной и научно-философской мысли, отводя каждому ее течению, каждому автору, каждому его произведению то самое место в выработанной нами схеме, какое они занимали и в этой эволюции.

Ничего и никого не замалчивать. Ничего и никого не порицать. Заносить на страницы все мало-мальски влиятельное «не в суд и осуждение, а в рассуждение», таково было наше правило, и под таким углом зрения мы возможно тщательно пересмотрели книжные богатства не только русской, но и всемирной литературы, и не только изящной, но и научной и философской, и всех других отделов, занеся на страницы «Среди Книг» около 22 тысяч произведений в 40 тысячах томов и рас-

---

*) Эта попытка и была издана под названием «Среди книг» (изд. «Наука». М. 2-е изд. 1911—15 г. г.). 3 тт. 640, 943 и 260 стр. Последняя (вторая) часть III-го (последнего) тома до сих пор находится в рукописи, так как война и революция помешали закончить издание.

сортовав их по странам, по эпохам, по направлениям мысли, по кругам читателей и по степеням трудности понимания.

Этих же принципов мы намерены держаться и в наших ежемесячных обзорах современной и текущей литературы, быстро нарастающей как в СССР, так и за его пределами, — обзорах, которые с этого номера печатаются на страницах «Воли России». Мы постараемся делать их *sine ira*. Мы будем прежде всего констатировать факты, описывать книги, их авторов и издательства, рассматривая их в связи с историей общественности и читательства, и выясняя, какая книга и какого автора какому кругу и какому психическому типу читателей наиболее соответствует. Все эти констатирования таких фактов мы постараемся сделать не только возможно-объективными, но и полными, так чтобы сам читатель получил возможность составлять об описываемых нами фактах его собственное мнение: наших мнений мы никому не будем не только навязывать, но, насколько только хватит умения, не будем и внушать, по крайней мере сознательно.

*
*   *

В наших обзорах читатель найдет у каждой книги ее *библио-психологическую формулу*, новшество, ныне только входящее в библиотечную и вообще книжную практику. Формулы эти бывают двух категорий: А) Строго научные, выводимые экспериментально, путем исследования действий книги на многих читателей, — действий оптимум, минимум и максимум, согласно теории научной статистики и с применением теории вероятностей и формулы Гаусса; Б) Формулы упрощенные, выводимые на основании книжной практики и ею же проверяемые. Ниже мы пользуемся только этими упрощенными формулами, впрочем, вполне достаточными для обыденной работы. Эти формулы позволяют любому читателю составлять более или менее определенное понятие о *психическом типе* всякой книги, — о ее внутреннем характере, изложении, стиле, языке, вообще о трактовании сюжета, а также о степени той читательской подготовки, какая требуется для максимального и оптимального использования книжного содержания. По такой формул сам читатель может определить, в основных чертах соответствует или не соответствует данная книга его собственному психическому типу, то есть его индивидуальным особенностям. В формуле свойства книг обозначаются очень кратко, несколькими буквами. Так например, буква Р обозначает, что книга написана в виде рассуждений; книга состоящая из одних фактов (без всяких рассуждений) обозначается буквою Ф и т. д. Читатель, умеющий расшифровывать такие формулы (а это чрезвычайно легко) сам решает, согласно своим запросам, подходит или не подходит ему данная книга.

Вот главнейшие условные знаки, встречающиеся в библио-психологических формулах разных книг и в различных комбинациях, которые и характеризуют каждую отдельную книгу. Все эти знаки очень нетрудно запомнить. Следующие буквы обозначают:

A — абстрактный характер книги. *K.* — конкретный характер ее (образный характер ее).

Ан — аналитический. *Син* — синтетический.

Д — дедуктивный. *Инд* — индуктивный.

T — теоретический. *Пр* — практический, (прикладной).

Э — эмоциональный (живой, полный чувства, горячий).

Буквой *Ф* обозначаются книги, сообщающие факты. *Ф_о* — означает, что эти факты подробно описаны. *Ф_ц* — что они не описаны, а только цитируются. Буквы *ФР* стоящие рядом означают, что в данной книге есть и факты и рассуждения, без заметного преобладания того или иного элемента. *Ф < Р* значит, что элемент фактический преобладает над рассуждением. *Р < Ф* — наоборот: преобладают над фактами.

Число такого рода обозначений можно как угодно увеличивать, в зависимости от типов книг и целей их описательных рецензий. Например, можно отмечать разными буквами категории психических явлений наиболее и чаще всего возбуждаемые книгами (в среднем массовом читателе). Можно обозначать буквой *B* — книги волевого типа, т. е. толкающие, побуждающие, агитационные. В тех же формулах, при помощи римских цифр (I, II, III, IV) указывается тот (приблизительный) уровень знаний, какой требуется от читателя для наилучшего использования книги. Цифра I предполагает, что книгу поймет читатель, не получивший никакой научной подготовки или с подготовкой не выше начальной школы; II — предполагает читателя, стоящего выше уровня начальной школы и ниже семиклассной; III — читателя с образованием выше среднего; IV — читателя с высшей и специальной подготовкой.

При таких условных обозначениях формула сочинений Дарвина будет такова: *Ф_ц < Р. Инд. Син. III.* Формула сочинений Достоевского: *Ф_о. Р. Ан. Э. II.* — формула агитационной прокламации: *B.* формула библиотечного каталога: *Ф_ц*, а если книги в этом каталоге описаны, снабжены аннотациями, то *Ф_о*. Если какие либо из условных знаков отсутствуют в формуле, это значит, что обозначаемые ими свойства или неясно выражены в данной книге, или отсутствуют.

Переходим теперь к обзорам:

* * *

ИЗДАНИЯ «РАБОТНИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ».

Наши обзоры современных русских книжных богатств мы намеренно начинаем с изданий «Работника Просвещения». В истории русского книжного дела издательство это, возникшее всего лишь около шести лет тому назад, уже заняло свое, несомненно видное место как учреждение, созданное, поддерживаемое и питаемое массовой работой, главным образом, учительства. Значительная часть, если только не большинство его издателей и главных сотрудников — никто иной как учителя, в том числе и сельские, — и разные другие работники школьного и вне-школьного образования. Это не столько теоретики, сколько практики народного просвещения, — просвещения трудящихся классов, крестьянства и проле-

гарната. Многие из этих работников сами вышли из этой трудовой среды, и по их произведениям ниже мы увидим, что жизнь народа близко и детально знакома им.

По изданиям «Работника Просвещения» мы можем судить о внутренней активности и о просветительной деятельности не столько правительства, сколько учительства. Издания «Работника Просвещения», вышедшие с самого начала его деятельности считаются сотнями. Многие распроданы давным-давно. Многие вышли повторными изданиями. Огромное большинство расходуется ежегодно в большом количестве. Большая часть этих изданий печатается, как это видно из пометок на каждой книге, в количестве трех и до десяти, а иногда до восемнадцати тысяч экземпляров. При этом многие издания повторяются очень часто. Иные раза по два в год. Сравнивая повторные издания, нельзя не видеть, что они каждый раз улучшаются, переделываются, приспособляясь к требованиям жизни и житейской практики. Внешний вид изданий довольно опрятный, наминающий прежние издания Думнова и Л. Пантелеева. Продажная цена, за самыми немногими исключениями, ниже, чем у изданий всех других фирм, существующих в СССР, не только частных, но и Госиздата. Только одна фирма «Прибой» продает свои издания по еще более дешевой цене, чем «Работник Просвещения». «Работник Просвещения» расценивает каждый печатный лист своего издания в 6 с половиной копеек, тогда как «Прибой» в 6 копеек.

О деятельности издательства говорят следующие цифры. При уставном капитале всего лишь в 175 тысяч рублей «Работник Просвещения» издал в течение только одного, 1924 года, более 5 миллионов экземпляров (50 миллионов печатных листов — оттисков). Получив в 1924 году от Центрального Комитета Союза Работников Просвещения директиву ориентироваться на максимально-низкую расценку изданий, издательство в том же году сумело сильно удешевить книгу. В то время как Госиздат расценивает каждый лист-оттиск по 10, 7 копеек, «Р. П.» понизил расценку больше, чем в полтора раза. Средний тираж изданий «Работника Просвещения» (29.790 экземпляров) превышает средний тираж изданий Ленинградского (28.034) и Московского (21.925) Государственных Издательств. Обороты «Работника Просвещения» составляет 10% всего оборота в издательском деле СССР. «Работник Просвещения» составляет 80% всей педагогической литературы, выбрасываемой на книжный рынок Советской Республики. В 1924 году оборот издательства составил 2.158.621 рубль 76 копеек, и в этом же году капитал издательства успел обернуться 12 раз. Собственных изданий «Работник Просвещения» продал в этом же 1924 году, 4.095.865 экземпляров. За один год он укомплектовал и распространил, отослал на места в разные уголки республики 8.716 библиотечек. По размеру полученной прибыли «Работник Просвещения» стоит среди всех других издательств СССР на первом месте. Обращает на себя внимание и сравнительно низкий процент накладных расходов, составивших всего лишь 15% с небольшим на оборот. «Профессиональная пресса Союза Работников Просвещения, советская педагогическая

литература, новый советский учебник на 90% созданы именно этим издательством и, как говорит отчет, «эту творческую работу и эти достижения уж нельзя устранить из нашей действительности и из культурного строительства СССР».

Книгоиздательство «Работник Просвещения» существует при Профессиональном Союзе Работников Просвещения, который объединяет этих работников на всей территории СССР. В Союзе насчитываются более 550 тысяч членов. Ближайшая задача этого профессионального союза формулирована в § 5 его Устава так: «Защита экономических и правовых интересов членов Союза, участие в регулировании условий труда «Работников Просвещения» и поднятии их материального благосостояния; содействие планомерному развитию и укреплению соответствующих общественных и государственных органов; поднятие культурного уровня и развитие общественно-политической сознательности членов Союза». Членами Союза могут быть «все работники учреждений и органов просветительного, учебного и научного характера и предприятий печати, а также учреждений и органов самого Союза, независимо от национальности, религиозных и политических убеждений». Но не могут быть членами: «лица, лишенные избирательных прав по Советской Конституции, в частности владельцы частных просветительных учреждений; лица, занимающие административные должности в частных просветительных учреждениях, и имеющие права найма и увольнения работников; домашние учителя, воспитатели, репетиторы и тому подобные одиночки, занятые педагогической работой у частных лиц, получающие ее помимо посреднических органов Народного Комиссариата труда». Впрочем, в силу примечания к этому же, 10-му параграфу возможны отдельные исключения по особому постановлению Союза.

Как видно из Устава того же Союза, правительственной субсидии Союз не получает, а его средства составляются из взносов его членов в размере двух процентов с их ежемесячных заработков, поступлений от всякого рода мероприятий Союза и специальных отчислений, устанавливаемых Всесоюзным Съездом Союза.

Кроме издательства под той же фирмой, Союз Работников Просвещения имеет еще две Секции: Секцию Печати и Секцию Научных Работников.

К 1-му января 1925 года Секция Научных Работников насчитывала 12.400 членов в том числе приходилось на представителей гуманитарных наук 31%, точных наук — 20%, прикладных — 24%, медицины — 22%. Из общего числа членов лишь 3,5% были членами РКП, остальные 96,5% — беспартийные. Из общего числа членов 63% — профессора.

Секция Печати охватывает «всех без исключения работников, занятых в производстве книги и газеты». В начале 1925 года Секция эта имела около 13 тысяч членов, в том числе — 29% литературные, редакционные работники и 71%, обслуживающие административный, технический персонал. В числе членов этой Секции 16% — коммунисты, а

остальные 84% — беспартийные. По классовому составу: рабочих и крестьян по 16%, а остальных 69%.

Одной из самых важных функций Союза Работников Просвещения несомненно является культурно-просветительная работа, основные виды которой таковы: ликвидация неграмотности, постановка общеобразовательной работы, содействие самообразованию, профессиональная пропаганда (ознакомление с вопросами профессионального движения вообще и Союза Работников Просвещения в частности), «политическое просвещение», «производственное просвещение» (ознакомление с делом народного образования и с тою его отраслью, которая обслуживается соответствующей группой работников), краеведческая работа и т. д. Формами и организационными центрами культурной работы являются кружки, курсы, конференции, экскурсии, библиотеки, клубы, «Дома Работников Просвещения» и, наконец, издательства книжек. Издательство «Работник Просвещения» и явилось самой крупной и самой видной формой культурнической работы. Оно создало в течение немногих лет целую литературу, теоретическую и прикладную, обслуживающую все вышеперечисленные культурные учреждения. Об этой литературе нам и придется говорить.

Перед нами лежит целая груда этих изданий «Работника Просвещения», более 250, из которых большая часть появилась в 1924—26 гг. В числе этих изданий целый ряд периодических журналов и газет. В числе сотрудников много учителей и др. работников просвещения. Благодаря этому и вообще самодеятельности учительства издания «Работника Просвещения» действительно свидетельствует об очень напряженной деятельности, происходящей не только в недрах этого издательства, но и среди учительства. Работники просвещения своею работой создают такую литературу, которая должна обслуживать прежде всего практику школьной и вне-школьной просветительной деятельности, должна помогать творчеству новой жизни чрез школу, библиотеку и т. п. учреждения.

Сделав этот краткий очерк Союза и его издательства, присмотримся теперь к его изданиям, и прежде всего к тем, которые характеризуют деятельность самого Союза его Секций и издательства, затем дадим отчет о его периодических изданиях, и, в заключение, этой нашей статьи, познакомим с книгами обще-педагогического характера, оставляя профессиональную, прикладную и др. отрасли его изданий до одного из следующих наших обзоров.

А. Издания характеризующие деятельность Союза Работников Просвещения Секций и его издательства.

1. Устав Профессионального Союза Работников Просвещения СССР. М. 1925. 16 стр. (В. Пр. К.). 5 коп.

Вышеприведенными выдержками уже в достаточной степени характеризуется это опрятно изданная (в 10.000 экз.) брошюра.

2. Профессиональный Союз Работников Просвещения СССР в 1922—1924 гг. Отчет Центрального Комитета Союза V Всесоюзному Съезду. С рис. М. 1925. 404 стр. 6. о. ц. (фо Р. К. Пр.).

Подробное описание организации и работ Союза за все годы его существования по 1925 год. Из этого отчета видно, что строительство Союза шло снизу вверх. Еще несколько лет тому назад работники просвещения насчитывали десятки маленьких союзиков и организаций, слабых и несвязанных друг с другом. В настоящее время все они слились в один союз, насчитывающий, как мы сказали выше несколько сот тысяч членов. Основными кадрами Союза являются работники школ первой ступени (37% всех членов). По своему происхождению большинство их (62%) крестьяне. На интеллигентскую группу приходится лишь 12,8%. Рабочих незначительное количество. Интересно, что на общее число членов приходится 56% женщин. Из отчета же видно, сколько самоотвержения вкладывается учительством в делаемое им великое дело в тех тяжелых материальных и других условиях, в каких им приходится жить, и сколько они страдают от таких печальных, впрочем всем известных явлений, как «снятие с государственного снабжения массовых просветительных учреждений и передача их на едва оформляющийся местный бюджет, систематический рост задолженности по заработной плате (т. е. неаккуратный платеж месячного вознаграждения), в связи со слабым состоянием местного бюджета, наличия целого ряда острых конфликтов в ряде губерний на почве тяжелого материального положения работников просвещения» и т. д. (стр. 109). Правда, государство несколько раз отпускало средства «на покрытие задолженности по заработной плате», но эта плата, даже если считать ее вместе со средствами поместному бюджету, отпущенными на учительство, составляла в 1924 году все таки меньше того, что учитель получал в 1913 году. Принимая ставку просвещенцев за сто, мы видим из отчета, что труд — промышленных рабочих оплачивается в 1,4 — 2,6 раза лучше, чем труд учителя (1923—24 гг.). Отчет Союза отнюдь не скрывает темных сторон дела и, повидимому, не преувеличивает и светлых. Он разносторонне рисует общую картину того состояния, в каком находится в СССР современное учительство, сконцентрированное в Союзе Работников Просвещения. Многочисленные диаграммы делают очень наглядной общую картину (стр. 389—401). Обращает на себя внимание обстоятельный отчет об издательской деятельности Союза. Из устава издательства, утвержденного в 1924 году, видно, что оно «является общественным предприятием, действующим на началах хозяйственного расчета и пользующимся всеми правами юридического лица». В настоящее время «можно характеризовать издательство «Работник Про-

свещения» как профессиональное общественно-педагогическое и учебно-методическое издательство, ставящее своей задачей обслуживание широких масс работников просвещения и их отдельных групп тою литературой, которая необходима для их профессиональной, педагогической, культурно-просветительной и общественной работы». Но в задачу издательства входит и «повышение педагогической квалификации работников, и поднятие уровня общественно политической их сознательности, а также создание учебников, необходимых для советской школы (книг для учеников)». Весьма естественно, что столь широкая программа представляет издательству очень большой простор, и, что благодаря хорошему подбору работников оно сумело использовать этот простор.

3. Дулин, С. *Союз Работников Просвещения СССР в резолюциях его Съездов и Конференций*. М. 1925 г. 232 стр. 1 р. 25 коп. (ф. < Р. В. Э. Пр.).

Задача книги — «систематизировать работу Союза в резолюциях его съездов и конференций и осветить некоторые основные, характерные и принципиальные моменты каждого съезда». До сего времени было пять съездов Союза. В книге С. Дулина идет речь о четырех. Пятому посвящено особое издание. (См. ниже). Из этих двух книг мы знакомимся с историей и эволюцией Союза во всех областях его работы, а также и с постановкой его и ее напряженностью. Значительную часть книги занимают тексты резолюций I—IV съездов, знакомящие с господствующими и официальными течениями в среде работников просвещения.

4. *Пятый Всесоюзный Съезд Союза Работников Просвещения. Стенографический Отчет*. М. 1925. 356 стр. 2 р. 50 к. (ф. < Р. Теор. и Прак. Э. В.).

В эту книгу вошли стенограммы всех примарных заседаний съезда, тексты их резолюций и постановлений. Книга представляет собой дополнение и продолжение предыдущей, но более богата жизненными документами. Она знакомит с разными течениями мысли, как и с положением работников просвещения (учителей, и работников науки и печати). Идейная сторона подробно обрисована в докладе Коростелева, экономическая и вообще статистическая в докладе Аплетина, который приводит многочисленные цифровые данные, характеризующие состояние и деятельность Союза. Центральным вопросом практической работы съезда был вопрос «о смычке просвещения с рабочим классом и крестьянскими массами на практической работе», с тою целью, чтобы эти массы «действительно поняли, что учитель-просвещенец является их прямым собратом по борьбе». В книгу вошли доклады, стенографически записанные, Наркомпроса Луначарского и наркомпросов Украинской и Татарской республик, прения по ним с многочисленными выступлениями работников с мест, рисующие положение народного образования.

5. Вигалок, А. *Что должен знать работник просвещения о своем Союзе*. Изд. 3-е испр. и доп. М. 1925. 122 стр. 65 коп. (ф. < Р. Пр. В. Э. II).

Книга представляет собой очень популярный комментарий к уставу Союза, объясняет принципы его организаций и вводит массового просвещенца в понимание важнейших вопросов как партийной сущности Союза, так и его практической деятельности в связи с общим вопросом профессио-

нального, рабочего и коммунистического движения. Автор показывает работнику просвещения, что его работа имеет значение не только школьно-педагогическое, и не только культурное и общественное, но, вместе с тем, и государственное, и международное. Учитель должен сознавать себя гражданином человечества и сознательным строителем нового социального и политического строя. Работа в Союзе и вместе с Союзом представляет собой путь, дающий возможность каждому члену Союза проявить себя в этом направлении. Автор показывает, что Союз Работников Просвещения представляет собой не только профессиональную, обособленную группу, он — неразрывная составная часть рабочего класса СССР, а значит и один из отрядов всемирного пролетариата. Далее, Профессиональный Союз является базой «становым хребтом советской власти». Согласно § 6 Устава Союза, этот последний «участвует в разработке законоположений, направляемых к защите интересов и улучшению положения работников просвещения; следит за выполнением всех законодательных положений о труде; принимает меры к улучшению условий труда и жизни работников просвещения» и т. д. Автор комментирует этот § Устава стремясь внедрить в просвещенца сознание, что он один из строителей нового строя. Представители Центрального Комитета Союза Работников Просвещения участвуют: в коллегии Наркомпроса, в плановой работе отдельных его главков (главного комитета профессионального образования, главного комитета социального воспитания), в центральной, штатной комиссии Наркомтруда, в заседаниях Наркомфина, Совнаркома и их комиссий, где обсуждается часть бюджета, касающаяся народного образования. Автор книги сообщает своим читателям главные и основные сведения, которые необходимы для того, чтобы быть не только членом Союза, но и гражданином и вводит работника просвещения в круг не только культурной и общественной, но и политической работы учительства. В заключении автор знакомит с составом, со структурой, с органами и со средствами Союза.

6. Анисимов, М. Деревенская работа Профессионального Союза Работников Просвещения. М. 2-е испр. и доп. изд. 1925. 50 стр. 40 коп. (Фц < Р. № Пр. В. II).

Цель и основная идея этой очень богатой фактами брошюры выражены следующими словами Ленина: «Она состоит в том, чтобы систематически усилить работу по организации народных учителей, дабы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь его к союзу с пролетариатом». Впрочем, автор говорит, главным образом, не о том, что *следует* делать для достижения такой цели, а о том, что *уже делается*, и знакомит с работой учителей в деревне за 1924 и 1925 гг. Брошюра очень богата фактами, характеризующими современное состояние народного просвещения в деревне, его культурную, материальную, социальную, правовую и др. стороны. Один из выводов автора: «образовательный, культурный уровень массового учительства в обследованных районах в общем низкий». (Стр. 18—19). «Библиотек очень мало и они чрезвычайно бедны книгами» (19 стр.). «Уровень общественной, политической грамотности у массовика учителя до сих пор еще не высок» (стр. 20). «Кружки работают в поло-

вине волостей» (21 стр.). Материалом для первой главы послужили итоги произведенного в начале 1924 года обследования в 34 волостных организациях, в 12 губерниях, разнообразных по характеру. Вторая и последняя глава написана на основании «разнообразных документов учительского съезда, а главным образом, на анкетном материале, сообщенном делегатами Всесоюзного Съезда и именующимся в Ц. К. Союза». Такого рода материалы дали возможность автору проследить достижения учительской работы в деревне и ее рост по основным вопросам общественной и культурной деятельности. Автор обстоятельно отмечает как темные, так и светлые стороны работы, которая ныне лежит на сельском учителе в целях смычки пролетариата с крестьянством, городом с деревней, центрального аппарата власти с низовыми аппаратами. Автор приходит к выводу, что в деле практического содействия смычке города с деревней первое место несомненно принадлежит экономическим общественным организациям деревни, — кооперативам, комитетам взаимопомощи и т. п. (37 стр.).

7. *Каталог изданий «Работника Просвещения» Июнь 1925. 92 стр. б. о. ц. С рис.*

Брошюра эта содержит около 200 названий, по большей части описанных более или менее подробно и с цитатами из рецензий. За очень немногими исключениями все они относятся к области школьного дела и педагогики. Книги практического, прикладного типа преобладают над книгами теоретическими и отвлеченными. Очень мало книг для читателей, обладающих III ступенью подготовки. Книги расклассифицированы по следующим отделам: Педагогика. Общие вопросы просвещения. Общественная и политико-просветительная литература. Трудовая школа. Учебно-методическая литература. Профессиональная литература. Учебники для рабфаков, совпартшкол и школ взрослых. Периодические издания.

Н. Рубакин.

«Благонамеренный» (журнал русской литературной культуры. Книга I-ая — январь - февраль 1926 г. Брюссель. 175 стр.).

Только что впервые вышедший в свет журнал «Благонамеренный» должен быть приятным дополнением к двум уже более старым журналам — «Современным Запискам» и «Воле России». В то время, как два последние центр тяжести переносят на политику и публицистику и уделяют меньше внимания беллетристике и литературной и эстетической критике, «Благонамеренный» решил посвятить себя ей всецело.

Редакция предпослала в первом номере философское обоснование его устремлений и планов, но мы позволили себе отнестись не совсем доверчиво к этой теоретической части и свое суждение строить лишь на том материале, который находится в журнале. Благими желаниями ведь путь в ад вымощен и не по ним, а по конкретным фак-

там расценивается, как жизнь человека, так и сущность книги. Журнал имеет три основных отдела — Беллетристика, Статьи и Архив. Беллетристика, в свою очередь, делится на поэзию и прозу. Здесь, кроме М. Цветаевой и Ив. Бунина, нет уже громко известных имен, что могло бы указать на молодость журнала и на его стремление привлечь все свежее и подающее надежды. К сожалению, в действительности это не так, даже наоборот — вся поэзия (снова исключаю М. Цветаеву) является перепевами не только символизма, но и символических стихов А. Блока. А об этом можно сказать лишь то, что на 50 страниц дальше так справедливо пишет М. Гофман об отношении Баратынского к Пушкину, о необходимости отмежеваться, идти своим собственным путем: «не потому, чтобы он считал ее (великую, но осуществленную поэзию) недостойной подражания, а потому что глубоко верил в ненужность всякого повторения, всякого подражания». Работая хотя бы в том же направлении, в той же символической школе, можно идти все же своими путями. Умеет это, например, делать В. Ходасевич, несмотря на близкое душевное родство хотя бы с тем же Блоком.

Не много лучше обстоит дело с прозой. Здесь, с одной стороны, Ив. Бунин, реалист, разговаривающий, как он привык за последнее время вообще делать, с вечностью, к более скромным собеседникам он уже не нисходит. С другой, здесь печатаются В. Сосинский и Г. Цебриков с лирическо-эстетическими рассказами. Оба связаны с эстетикой эпохи Аполлона и Золотого руна, хотя порой и стремятся выбиться на свой путь. Вообще же незрелой эстетикой так и веет над беллетристическим отделом «Благонамеренного». Мы надеемся, что в дальнейших номерах он сумеет от этого освободиться и заговорить своим собственным языком. Пусть хотя бы и слабый, он будет все же ценнее, чем чужой и сильный. Чтобы закончить с непонятностями и отрицательными впечатлениями, обращаю еще внимание на ряд концовок, изображающие чужие книжные знаки и на старую орфографию. Первое мне непонятно, а второе неужели делается ради соблюдения старорежимной традиции, ради того, чтобы печатались Бунин и З. Гиппиус? Ведь это же не культурная преемственность, а традиционный застой.

Попадаешь в совсем иной мир, когда переходишь к статьям, к архиву и даже библиографии. Прежде всего здесь каждая статья имеет свой лик, свой образ. Первым помещено научное исследование М. Гофмана «Клевета на Баратынского». Искусственно и искусно сжатый сюжет развит полно и убедительно, несмотря на краткость. Далее идет «Пролетарская лирика» К. Мочульского, где собран драгоценнейший материал, который скоро упадет в полное забвение, но который весьма ценен документально. Весьма хороша выборка цитат и краткие объективные выводы. Статья кн. Д. Святопол-Мирского «О нынешнем состоянии русской литературы» страдает слегка чрезмерной программностью и желанием всех и все распределить, несмотря на правильность

размышлений. Зноско-Боровский: «Театр без репертуара», как всегда, написал несколько остроумных и неопровержимых страниц. Его всегда читаешь не только с удовольствием, но и с пользой.

Немного в стороне от общего характера статей стоят афоризмы. Первые из них принадлежат Ф. Степуну и носят отрицательное название «Не афоризмы». Соглашаемся с автором и предположим, что это просто сжатые, но глубокие философские размышления, в которых главную роль играет Кант и кантианство. Они носят общий со всем творчеством Ф. Степуна характер — некоторая тяжеловесность и огромный горизонт и захватывающий полет. Для нефилософа они должны являться откровением. Афоризмы М. Цветаевой «О Благодарности» составляют одно целое с теми разнообразными, неожиданными, часто нарочито вызывающими, но с остроумными мыслями, что она уже неоднократно печатала по различным журналам. «Мысли о поэзии» кн. Д. Д. Шаховского, к сожалению скорее приближаются к напечатанной в «Благонамеренном» беллетристике, чем к статьям. В них чувствуется некоторая претенциозность, вчерашний эстетизм и не всегда необходимая храбрость. К счастью, среди этого общего тона проскальзывает несколько метких, острых и правильных мыслей.

В Архиве собрано несколько случайно «Купчая» А. Ремизова, о «Находке пушкинской рукописи» — Н. Пушкина, «Запрещение еврейца» и одно письмо С. Щевырева. Материал этот не без интереса.

Наконец, журнал завершается богатой библиографией.

Пожелаем этому заслуживающему всяких похвал начинанию более твердой и прямой линии в дальнейших номерах.

Н. Мельникова - Папоушек.

КОМПЛЕКТЫ

КОМПЛЕКТЫ

СЛАВЯНСКОЙ КНИГИ №№ I-XII

с Книжным Указателем.

За 1925 год.

12 номеров

Цена \$ 1.20

С пересылкой \$ 1.25

„Plamja“ Praha II., Ječná č. 32

Количество комплектов ограниченное!

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

Центр. Бюро Краеведения. А. И. Дзенс-Литовский и И. С. Абрамов.
П о з н а н и е м е с т н о г о к р а я. Вступительная статья С. Ф. Ольденбурга. Ленинград, изд-во «Колос», 1925 г., стр. 180 в больш. 8°. 1 р. 90 к. 3.000 экз.

За последние годы работа по краеведению приняла в России очень большие размеры. Работа эта имеет громадное значение именно в революционное время по ряду обстоятельств. Она охраняет от небрежного отношения памятники прошлого, к которому в такие эпохи многие склонны относиться пренебрежительно. Она облегчает накопление материалов о современности, столь бурной и быстротекущей, и столь ценной для познания, хотя бы с точки зрения результатов «революционного опыта». Она дает возможность утончить, приспособить к местным особенностям перестройку всех областей жизни, далеко еще не законченную незакончившейся еще революцией. Наконец, и, может быть, самое главное, она втягивает в научную работу самые широкие народные массы, их просвещая и облагораживая, их привлекая к творчеству.

Работа по краеведению, как напоминает С. Ф. Ольденбург, приняла уже определенные формы еще в XVIII веке — и одним из значительных краеведов был Д. Н. Татищев. Но только теперь работа приняла массовый характер. Четыре-пять лет тому назад насчитывалось несколько сот обществ краеведения, в 1925 г. уже около 1500 — С. Ф. Ольденбург находит и эту цифру ничтожной, «нам нужны десятки тысяч организаций». К тому же «отовсюду слышится крик: «мы хотим работать, но не знаем как».

А. И. Дзенс-Литовскому и И. С. Абрамову удалось ответить с исчерпывающей полнотой на эти крики и составить образцовое руководство для краеведов. В программу книги включены «объем, содержание, приемы ведения краеведческой работы и организации местного музея. Планы работ и краткие программы для изучения своего края». Освещаются, как общие вопросы краеведения (3 главы), так и специальные: естественно-исторические (8 глав), общественно-экономические (26 глав), культурно-исторические (10 глав). В каждой главе

выясняется значеине соответствующей темы, сообщаются основные по ней исторические сведения, характеризуется современное состояние подлежащих изучению явлений, намечается примерная программа вопросов для разработки, указывается основная литература, в том же числе и до-революционная.

В главе о революционном движении местного края намечаются, между прочим, такие вопросы: «как протекала октябрьская революция и ее деятели». Первые организации комсомола и пионерские отряды. Разрушение местных селений и имений во время революции февральской, октябрьской и гражданской войны. Красные и белые. Воспоминания об уходе белых и приходе красных. Места столкновения между белыми и красными. Революция и бандитизм. Братские могилы. Кто в них погребен. Составить биографии, собрать фотографии. Деятели контр-революции, их биографии, фотографии. Составить революционную хронику местного края».

Книга рассчитана «на краеведов сельских и пригородных местностей, каковыми прежде всего являются учитель, агроном, фельдшер, кооператор, лесничий и т. д.» Она может быть полезной, по мнению составителей, и руководителю культурно - просветительных кружков, сельско-хозяйственных кружков, избачей, комсомольцев и т. д., школьным работникам, студентам, желающим посвятить на каникулах досуг к ознакомлению с родным краем...

Книга, благодаря обилию материала, будет, мы полагаем, полезна и даже необходима и для тех, кто вообще хочет изучать Россию. Кроме того, пригодится она и тем эмигрантам, которые желают систематически собирать материалы о «зарубежной России». Ведь, несомненно, на обязанности каждого сознательного русского человека, заброшенного на чужбину, запечатлеть ту обстановку, в которой живут эмигрантские колонии, тот быт, который в них складывается. Пользуясь методами, рекомендуемыми А. И. Дзенс-Литовским и И. С. Абрамовым, легко приступить к такой задаче. Словом, разбираемая книга одна из редких работ, из которой каждый читатель сумеет легко извлечь не мало ценного.

Ф. Репейников.

Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. С вступительной статьей И. И. Попова. Ленинград, изд-во «Колос», 1925 г. стр. 182 в мал. 8°. 1 руб. 20 коп. 3.000 экз.

Одним из значительнейших деятелей народнического движения был Д. А. Клеменц (1848—1914). Работа Клеменца, как ученого географа, охарактеризована была в сборнике, посвященном его памяти и изданном Восточно-Сибирским Отделом Географ. О-ва в 1916 г. Деятельность же его, как революционера, лишь затрагивалась попутно в книгах о 70 годах В. Я. Бочугарского, О. В. Аптекмана, в мемуарах

семидесятников. Поэтому книжка, изданная «Колосом», прочтется с интересом. В ней перепечатана из «Русских Ведомостей» за 1910 и 1911 г.г. его воспоминания и дана биография его, составленная его другом И. И. Поповым. Биография набросана эскизно и в тоне несколько наивного панегирика. Но писать так о Клеменце его современнику, хранящему память об этом обаятельном и крупном человеке, извинительно. Канва для будущей полной биографии Клеменца И. И. Поповым намечена. Образы богатырей русской революции не должны изглаживаться из памяти народной.

А—4.

СЛАВЯНСКАЯ КНИГА

II-й год издания

месячник славянской библиографии

под редакцией Ф. С. Мансветова

Прага, февраль 1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ :

Содержание «Книжного Указателя» (1—8) и «Славянской Книги» (9—12) за 1925 г.	1
<i>В. Архангельский.</i> Религиозно-общественная мысль в России конца XIX и начала XX в.	3
<i>В. Кульман.</i> Профессор М. М. Мурко	7
<i>Евг. Выровский.</i> Праздник Украинской Книги в Чехословакии	11
Хроника	14
Обзоры зарубежной литературы 1925 г.: <i>П. Милославского, Владимира Розенберга, Н. Лосского, С. Прокоповича, Ст. Сирополко, М. Циммермана, М. Новикова, А. Бема, Сергея Карцевского, А. Кизеветтера, М. Мухина, Ст. Сирополко, П. Кречевского и А. Койи</i>	30
Книжный Указатель	69
Объявления	84

Цена дол. 0,15

Адрес редакции :

**F. MANSVETOV, STRAŠNICE, NA KLÍNKU č. 448,
Praha, Tchécoslovaquie.**

Ответственный редактор *И. Давид.* Издатель *Е. Е. Лазарев.*
Исполнено «Легииографией», Praha-Vršovice, Sámova 665.

Изд. „ПЛАМЯ“

I. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

	§		§
<i>Алексеев Н. Н.</i> Основы философии права	0.90	„Логос“. Международный ежегодник по философии культуры. Кн. первая	2.40
<i>Булгаков Вал.</i> Толстой — моралист	0.17	<i>Лопатин П. М.</i> : Лекции по ист. нов. философии	0.30
<i>Введенский А.</i> , проф. Философские очерки	0.90	<i>Лосский Н. О.</i> , проф. Сборник задач по логике	0.60
<i>Дашин И. И.</i> , проф. Философия изобретения и изобретение в философии:		<i>Спекторский Е. В.</i> Хриотначество и Культура	1.80
вып. I	0.75	<i>Ученые записки.</i> Т. I. вып. I. Философские анализы	0.75
вып. II	1.50		

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бланк Р.</i> : Иуда Искарнот в свете истории	0.18	<i>Мельгунов С. П.</i> Дея и люди Алекоандровского времени	1.50
<i>Бицилли П. М.</i> Очерки теории исторической науки	1.80	<i>Мельгунов С. П.</i> Первые уроки истории. — Древний Восток	0.90
<i>Вернадский Г. В.</i> , проф. Очерк истории права Русского Государства	0.45	<i>Нидерле Любор</i> , проф. Быт и культура древних славян	1.50
<i>Головин Н.</i> , ген. Из истории кампании 1914 г. (прилож. 14 карт)	3.60	<i>Нольде В. Э.</i> Петербургская миссия Вюмарна 1859—1862 гг.	1.65
<i>Дени Э.</i> , проф. Возрождение Чехии	0.75	<i>Платонов С. Ф.</i> , акад. Боржо Годунов	0.60
<i>Дашин И. И.</i> , проф. Западная Россия и ее соединение с Польшей	0.60	<i>Платонов С. Ф.</i> , акад. Омутное время	0.60
<i>Мякотин В. А.</i> Очерки социальной истории Украины 17—18 вв., т. I, вып. I	1.50	<i>Платонов С. Ф.</i> , акад. Учебник Русской истории, ч. I	0.90
т. I, вып. II	1.65	ч. II	0.75
т. I, вып. III	1.35	<i>Ученые записки.</i> Т. I, вып. II Исторические и филологические знания	1.05
		<i>Шмурло Е. Ф.</i> , проф. Введение в русскую историю	0.90

III. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ВЕЛЛЕТРИТИКА

<i>Аверченко А.</i> , Шутка Мецената. Юмористический роман	0.75	<i>Гиппиус Зинаида.</i> Живые лица. Вып. II	0.60
<i>Аверченко А.</i> Рассказы циника	0.93	<i>Гончаров И. А.</i> Обрыв, тт. I и II	1.68
<i>Е. Анничков проф.</i> : Западные литературы и славянство ч. I. Очерки	0.45	<i>Дюгамель:</i> Цивилизация и др. рассказы	0.30
<i>Бальмонт К. Д.</i> Где мой дом? Очерки	0.36	„Кочев“, Сборник Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословакии. Книга первая	0.75
<i>Бальмонт К. Д.</i> Мое — Ей. (Стихи)	0.40	„Никодим Павлович Кондаков“: Сборник статей	0.25
<i>П. Бицилли проф.</i> : Этюды о русской поэзии	0.75	<i>Ляцкий Е. А.</i> , проф.: Роман и жизнь. (Вюграфия И. А. Гончарова по нов. дан.)	2.55
<i>Гиппиус Зинаида.</i> Живые лица. Вып. I	0.60	<i>Ляцкий Евг.</i> : Туundra, ром. часть I. часть II.	0.60 0.60

	\$		\$
<i>Мережковский Д. С.</i> Тайна трех	1.20	<i>Достоевский Ф.</i> Неточна Не- званова. (Распродано) . . .	0.30
<i>Мережковский Д. С.</i> Рождение богов. Тутанкамон на Крите. Роман	0.75	<i>Каррик В.</i> Сказки-картинки — шесть книжек по	0.08
<i>Мякотин В. А.:</i> А. С. Пушкин и декабристы	0.18	<i>Каррик В.</i> Сказки-картинки — в одном томике	0.24
<i>Ремизов А. М.:</i> Эга. Рассказы .	0.93	<i>Короленко В.:</i> Письма к Луна- чарскому	0.06
<i>Розенберг В. А.:</i> Из истории русской печати	0.75	<i>Мельникова-Папоушкова Н. Ф.:</i> Антология русской поэзии XX в., ч. I	0.27
<i>Русская зарубежная книга.</i> Вып. I-й. Ч. I и II	0.90	То же, ч. II. Новая поэзия	0.36
<i>Толстой Л. Л.,</i> гр.: В Ясной Поляне	0.17	<i>Пушкин А.</i> Капитанская дочка	0.30
<i>Тэффи Н.:</i> Вечерний день. Рас- сказы	0.45	<i>Пушкин А.</i> Дубровский . .	0.24
<i>Францев В. А.:</i> Дерзавки у славян	0.90	<i>Пушкин А.</i> Борис Годунов . .	0.17
<i>Форслунд К. Э.:</i> Зунвунг и Зли- гила. Романы из жизни животных	0.36	<i>Пушкин А.</i> Пиковая дама . .	0.09
<i>Цалыкаты А.:</i> Брат на брата, роман	0.9	„Русские народные сказки“: Том I, с многочисленн. ри- сунками	0.17
<i>Цветова Марина.</i> Молодец (Сказка)	0.54	„Русские народные сказки“: Том II, с многочисленн. ри- сунками	0.18
<i>Чапек К.:</i> R. U. R.	0.60	<i>Салтыков-Щедрин М.</i> Сказки I	0.09
<i>Шмелев И. С.:</i> Неупываемая ча- ша и др. рассказы	0.60	<i>Салтыков-Щедрин М.</i> Сказки II	0.09
<i>Вестфаль Ларисса:</i> В чужой стороне... (стихи)	0.30	<i>Сказка о Жар-Птице</i> (Издание с ударениями)	0.05
<i>Гаршин В.:</i> Надежда Никола- евна	0.24	<i>Соколов Б.</i> Мятаж или искание	0.54
<i>Гоголь Н. В.:</i> Страшная месть .	0.12	<i>Тургенев И.</i> Рудин	0.19
		<i>Тургенев И.</i> Бирюк. Пожар на море	0.07
		<i>Чехов А.</i> Вишневы сад	0.18

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПОЛИТИКА

<i>Водовозов В. В.</i> Новая Европа	3.30	<i>Право Советской России.</i> Сборник статей. Вып. I . . .	2.25
<i>Гертнер Ф. О.</i> О деньгах и обесцениении денег	0.55	Вып. II	2.10
<i>Головин Н. Н.,</i> ген. Тихоокеан- ская проблема в XX сто- летия	1.05	<i>Радль Э.,</i> проф. Т. Масарик, его жизнь, общественная и на- учная деятельность	0.27
<i>Дионео:</i> Англия после войны .	0.75	<i>Тотомлианц В.,</i> проф. Коопера- ция в России	0.55
<i>Косинский В. А.</i> Основные тенден- ции в мобилизации земельной собственности	3.30	<i>Ученые записки.</i> Т. I, вып. III. Общественные знания . . .	1.35
<i>Масарик Т. Г.</i> О большевизме	0.18	<i>Циммерман М. А.</i> Очерки но- вого международного права	1.50
<i>Масарик Т. Г.:</i> Мировая революция (Воспоминания) т. I	1.00		
<i>Мельгунов С. П.</i> Красный тер- рор в России, изд. 2-ое	0.90		

У. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, ТЕХНИКА И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ

	S		S
<i>Вальден П. И.</i> , О хим. элементах	0.90	<i>Одинцов Б. Н.</i> , профес. Орг. вещ. почвы и их влияние на плодородие почвы. № 3—4	0.60
<i>Головин Н.</i> , ген. Танки в мпнувшую войну и будущую	0.60	<i>Стратонов В. В.</i> , проф. По небесному океану	0.30
<i>Классен Ф. Г.</i> Технология рыбных продуктов	2.40	<i>Стратонов В. В.</i> , проф. Дневное светило	0.36
<i>Лемешкин В. В.</i> , проф.: Организм с точки зрения физики и химии, № 1	0.30	<i>Стратонов В. В.</i> , проф. Земной шар	0.36
<i>Маракчев С. В.</i> Нач. основаниа математ. анализа	1.05	<i>Стратонов В. В.</i> , проф. Движения земли.	0.45
<i>Новиков М. М.</i> , проф. и <i>Шкафф В. А.</i> , прив.-доц. Невидимые друзья и враги животного организма, № 2	0.30	<i>Ученые записки.</i> Том II, вып. I. Математические знания	3.30
		<i>Эрисман</i> , проф. Мыслят ли животные?	0.15

VI. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, УЧЕБНИКИ

<i>О. Білушенко:</i> Винок, читанка друга	0.50	<i>Морковин В. В.</i> Первая книга для чтения „Наша Речь“ (язд. с ударениями)	0.18
<i>Вуттер О. и Доразил В.</i> Чехословацкая Республика (распродано)	1.65	<i>Русский букварь</i> по Вахтерову: Изд. 2-ое, с ударениями	0.18
<i>Весславянский календарь „Пламя“</i> на 1926 г. III издание	0.50	<i>Фан-дер-Флит А. П.</i> , проф. Арифметика приближенных чисел	0.20
<i>Карцевский С. И.</i> Русский язык. Грамматика. Ч. I.	0.42		
<i>Морковина В. В.</i> Чешско-русский словарь	1.35		

VII. ИСКУССТВО

<i>„Артисты Московского Художественного Театра за рубежом“</i>	1.20	<i>„Народное искусство Подкарпатской Руси“.</i> Текст О. Р. Маковского. Художественное издание со множеством многоцветных и автотип. иллюстр. на бумаге „Шамов“. Русское издание	17.40
<i>Энско-Боровский Е. В.</i> Русский театр начала XX в.	1.95	Чешское издание	17.40
<i>Кизеветтер А. А. М. О. Щепкин</i>	0.60	Английское издание	17.40
<i>Кундера.</i> Чешская музыка	0.03	Французское издание	17.4
<i>Маковский С. К.</i> „Силуэты русских художников“	1.20		

VIII. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

<i>„Вестник Крест. России“.</i> 4—5	0.24	<i>„Местное Самоуправление“.</i> Кн. III	1.05
<i>„Военный Сборник“.</i> Кн. 7	1.20	<i>„На Чужой Стороне“.</i> Кн. XIII	1.20
<i>„Воля Россия“.</i> Кн. 2	0.50	<i>„Революционная Россия“.</i> Кн. 45.	0.18
<i>„Записки Наблюдателя“.</i> Кн. I	1.—	<i>Русская Зарубежная Книга“.</i> В. I ч. I и II по	0.45
<i>„Записки Института Изучения России № 2“</i>	1.20	<i>„Русская Школа за рубежом“.</i> Кн. 17	0.45
<i>„Записки Института с.-х. кооперации в Праге“.</i> Кн. IV	1.—	<i>„Русский Экономический Сборник“.</i> Кн. IV	1.00
<i>„Искусство Сканди“.</i> Кн. VI	0.45	<i>„Своими Путиами“.</i> Кн. 10/11	0.25
<i>„Кавказский Горед“.</i> Кн. II—III	0.60	<i>„Славянская Книга“</i> № 1	0.15
<i>„Кавачья Лава“.</i> Кн. IV	0.10	<i>„Современные Записки“.</i> Кн. XXVI	1.—
<i>„Казачий Сполох“.</i> Кн. 6—7	0.15	<i>„Студенческие Годы“.</i> „Годы“ № 1	0.15
<i>„Книжный указатель“</i> № № 1—8, по	0.06	<i>„Черные пелерники“</i> № 2	0.20
<i>„Кооперация и Сельское Хозяйство“.</i> Кн. II	0.75		

„СВОИМИ ПУТЯМИ“

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрир. журнал,
издаваемый Русским Студенческим Демократическим Союзом в Č. S. R.

Главный Склад: „Plamja“, Praha II., Ječná ul. č. 32.

Адрес Редакции: А. А. Воеводин, для редакции «Своими Путиами»

Praha-Vinohrady, Nerudova ul. 48.

Требуйте везде!

Требуйте везде!

Цена 5 крон чешских, 15 американских центов.

Четвертый год издания.

Четвертый год издания.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

„З В Е Н О“

еженедельный журнал литературы и искусства, выходящий в Париже
под ред. М. М. Винавера и П. Н. Милюкова.

Подписная цена вне Франции: 1 мес. — 3 фр., 3 мес. — 8 фр., полгода —
15 фр., на год — 28 фр.

Адрес конторы: 26, rue Buffault, Paris (9-e).

Пробные номера бесплатно.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Редакция и контора:
Riga (Lettonie) — L. Kaleju
iela, 43. Тел. 20—76, 34—48 и
83—40.

Цена отд. номера в 32 стран.:

В Латвии — 80 сант. (40 р.).

В Чехословакии — 8½ к. ч.

В Германии — 80 пфен.

За границей — 20 ам. цент.

„PEREZVONY“

Генеральные пред-ва:
В Чехословакии: Изд. «ПЛА-
МЯ» (Praha II., Ječná, 32).

В Польше: Изд. «ДОБРО»
(Warszawa, Hoza 45—8).

В Болгарии: книжки торговли
Н. Алексеева (София, Б. Тырно-
ново, 17).

В Вене: А. В. Мухин (Wien,
Petersplatz, 9).

Сотрудники: М. А. Алданов, К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин,
Ю. Галич, О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев
(ред. литерат. отдела), А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш,
С. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. А.
Тэффи, А. Черный, Евг. Ник. Чириков, Марина Цветаева, И. Шмелев,
Сем. Юшкевич. Художники: акад. Н. П. Богданов-Бельский,
акад. С. А. Виноградов, Ю. Г. Рыковский и др. О б л о ж к а — работы
М. Добужинского.

Постоянные отделы: Детский уголок. По белу свету. Искус-
ство. Из области науки, открытий и изобретений. Русская книга.
В каждом номере репродукции картин известных русских и иностранных
художников. — Из них 2 в красках.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Центральный орган партии социал-революц.

Вышел № 46 (январь-февраль 1926 г.).

С о д е р ж а н и е: Краткий смысл пространных слов. — Новая дискуссия и комнародничество. — Уроки прошлого. Армия и революция В. М. Чернов — Перетасовка карт (письмо из Москвы). Ненарком. — Красноярск (Енисейский). На Кубани. — На Тереке. — Из Выборгского района. Старый бунтарь. — Голодовка членов Ц. К. П. С. Р. (письмо из Москвы). — Голос из застенка (Письмо из Тобольской каторжной тюрьмы). — Новая волна репрессий в России. — Особый вид издевательства. — С.-р. литература на китайском языке. — Почтовый ящик.

Адр.: ред. S. Postnikov, red. Volja Rossii, Uhelny trh 1, Praha I.

Цена 6 ч. кр.

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

V Г. ИЗД.

„ДНИ“

V Г. ИЗД.

Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней в Париже.

Специальные срочные сообщения из России.	Полная информация о политической жизни заграницей.	Рабочее и социалистическое движение в Европе.
--	--	---

Собственные корреспонденты в крупнейших центрах Европы, Америки и странах ближнего и дальнего Востока.

Хозяйственная жизнь России. — Искусство, театр и музыка в Европе и России.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ: Большой культурно-литературный отдел.

ПО СРЕДАМ И СУББОТАМ: Особый отдел: «РУССКИЙ ТРУД ЗАГРАНИЦЕЙ», посвященный защите экономических и культурных интересов русских трудящихся заграницей.

Открыта подписка на 1926 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Париж — 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris III (chèque postal № 80, 446. Прага — Panská ul. 16 (почт. счет 26,998; банк: Pražská Úvěrní banka, Banka stav. živn. a průmyslu). Берлин—Berlin SW. 68, Lindenstr. 3 (Postscheck-Konto, Berlin 52,698; банк: Disconto-Gesellschaft, Dep. Kasse, Lindenstr. 3). Белград — Filiálka Pražské Úvěrní banky. София — Filiálka Pražské Úvěrní banky.

Объявления принимаются в Гл. Конторе и ее отделениях, и у генерального представителя О-ва «Le Flambeau» 34, Bd. des Italiens, Paris.